

Вяра

13.03 по еретическия, †28 февруари по църковния календар - Свети свещеномъченик Протерий, патриарх Александрийски. Свети свещеномъченик Нестор, епископ Магидийски. Свети преподобни Василий Изповедник. Свв. преподобни Марина и Кира

Житие и страдание на свети свещеномъченик Протерий, патриарх Александрийски († 457 г.)

След смъртта на свети Кирил на патриаршеския престол на Александрия се възкачил еретикът Диоскор. Този беззаконник разпространил ереста си из целия Египет. По това време там живеел един благочестив презвитер, твърд в истинската вяра, на име Протерий. Той бил известен със светостта на живота си и бил изпълнен с боговдъхновен разум и мъдрост. Протерий видял, че мнозина се отклонили към ереста на патриарха, който лъжливо утвърждавал, че в Христа има една природа, и смело се борел с еретиците. Патриарх Диоскор силно се разгневил срещу него; като желал да склони и този защитник на православието към единомислие със себе си, той коварно го ласкаел и дори го почел със сан протопрезвитер, но опитите му не се увенчали с успех. Свети Протерий, утвърден във вярата от светейшия Александрийски патриарх Кирил, бил непоколебим. На Четвъртия Вселенски събор, проведен в Халкидон при цар Маркиан, Диоскор бил изобличен в своята

ерес, бил лишен от патриаршески сан, отлъчен от Църквата и изгонен в Пафлагонска област, в град Гангра, където след известно време и умрял. Вместо низвергнатия Диоскор на патриаршеския престол в Александрия бил избран от православните архиереи, клирици и благочестиви християни светият Протерий, който наистина бил достоен за този сан.

Но болшинството от александрийския народ, напоен с отровата на ереста, възбуждана при това от неколцина клирици еретици, било против поставянето на Протерий за патриарх. И когато свети Протерий встъпил в длъжност и започнал да изповядва правата вяра, утвърдена от светите отци на Халкидонския събор, сред народа възникнала разпра и избухнал метеж. Неколцина от клириците, начело с презвитер Тимотей, с прозвището Елур, и дякон Петър Монг - привърженици на Диоскор и на неговата ерес, заедно с други, се отрекли от православните, не пожелали да имат общение със свети Протерий и предизвикали разкол сред народа. Затова в александрийската църква настъпил голям раздор: едни признавали навопоставения патриарх и се държали за православието, а други искали завръщането на Диоскор и проклинали догматите, установени на Халкидонския събор. Двете страни водели силна борба една с друга. Привържениците на Диоскор говорели против свети Протерий, наричали го прелюбодеец, понеже той, докато Диоскор бил още жив, приел неговата невеста - александрийската църква; наричали Протерий и еретик, недостоен за сана патриарх. Много беди претърпял свети Протерий от еретиците; боейки се да не би те да го убият, поискал въоръжена охрана; винаги се намирал в страх, очаквайки народни вълнения, понеже привържениците на Диоскор вече нападали градските началници и войската, разположена в града. В това време консултът от Тивиада дошъл в Александрия, за да умири вълнението. Метежниците започнали да хвърлят камъни по

пристигналите заедно с консула воини. Те, като видели народното въстание, се насочили към храма Серапидис и се затворили в него. Метежниците обкръжили храма и като го превзели, изгорили всички намиращи се в него воини. Когато вестта за това достигнала до благочестивия цар Маркиан, той силно се разгневил, изпратил голяма военна сила и умирал вълнението, като заповядал зърното и житото, които докарвали в Александрия на кораби от градовете на Египет, от това време да карат не в Александрия, а в Пилусия, и оттам - в Цариград. Освен това Маркиан отнел на александрийците народните (обществените) бани и други придобивки, ограничил свободата на жителите, закрил провеждащите се при тях народни представления. Гражданите, скърбейки за това, и най-вече чувствайки недостига на хляб, се смирили и помолили светейшия патриарх Протерий да отиде при царя и да се застъпи за тях. Свети Протерий отишъл и ходатайствал пред царя за града си, и царят, като се смилил, изпълнил всички проски на светия мъж. На гражданите им била върната предишната свобода и отново започнали да карат зърното направо в Александрия. След това патриархът известно време мирно управлявал паството си и предал на анатема непожелалия да се покае Тимотей Елур.

След кончината на благочестивия Маркиан еретиците отново надигнали глави и започнали да подстрекават обикновения народ и престанали чак когато постигнали своето. Хитрият и лукав Тимотей Елур, който се занимавал и с магьосничество, измамил египетските монаси, живеещи по манастирите или подвижаващи се в пустинята, по следния хитър начин.

В една мрачна и безлунна нощ, като се облякъл в тъмна дреха, той започнал да обхожда килиите на монасите и се обръщал към всеки по име. Когато монасите го питали кой е и какво му трябва, той отговарял:

- Аз съм един от ангелите; изпратен съм от Бога, за да ви съобща да нямате общение с Протерий и да не приемате постановленията на Халкидонския събор. За епископ на Александрия трябва да поставите Тимотей Елур.

Така хитрият измамник, с помощта на демон, ги измамил. А монасите, като не разбрали вражеските козни, приели лъжата за истина и като си разказвали един другиму за ангелското видение, се съгласили и се събрали всички заедно. Като се посъветвали, те се отправили към Александрия - все едно отивали на бой; всички били заслепени от ярост против светия архиерей Протерий и искали да го изгонят от църквата. В това време в Александрия Тимотей събрал около себе си много метежници; едни той съблазнил, а други тайно подкупил с пари. Като издебнал удобен момент, когато консулт Дионисий не бил в града (той се забавил в Горен Египет), Тимотей с многобройните си съмишленици, с наетата от него въоръжена войска и с пристигналите монаси се отправил към храма. Сред метежниците имало двама низвергнати и отлъчени епископи и няколко клирици, също отлъчени. Те ръкоположили Тимотей за епископ и го нарекли Александрийски патриарх. Той сторил това въпреки всички църковни правила, като презрял царските закони, надявайки се само на метежния народ и на прелъстените монаси.

Светейшият патриарх Протерий, като видял този метеж и като нямал помощ отникъде поради отсъствието на консула, намислил да избяга. През нощта тайно напуснал града. Когато заспал, му се явил пророк Исаия в сънно видение и рекъл:

- Върни се в града, там ще те чакам!

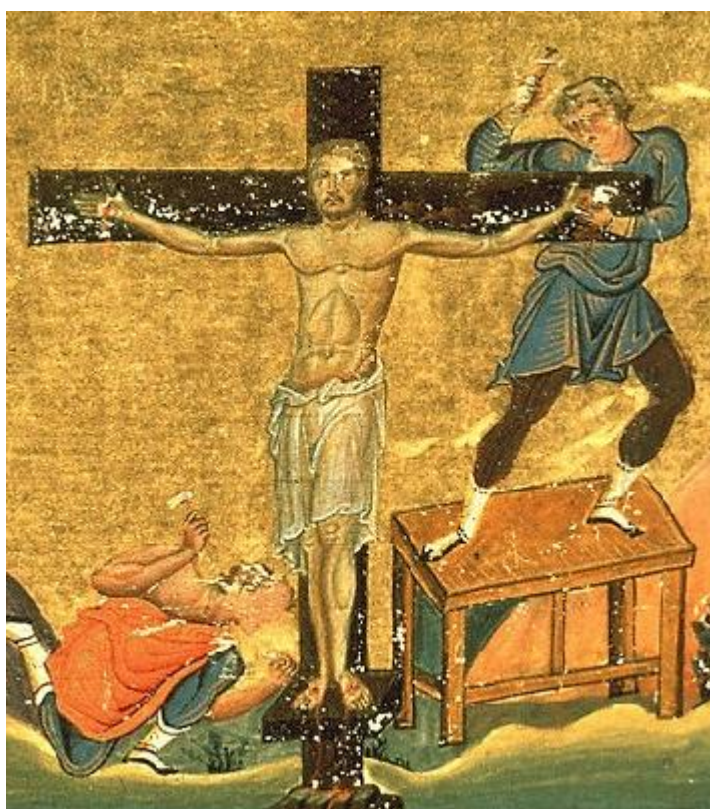
Размишлявайки за видението, Протерий разбрал, че му предстои мъченическа кончина. Той се върнал и влязъл в църковната кръщелня. Междувременно метежниците, желаейки да го убият, го търсели навсякъде. Като узнали, че

се намира в кръщелнята, те го затворили там. После неколцина от тях влезли и го убили, а заедно с него убили и шестте души, които го придружавали, като при това намушкали цялото тяло на светеца с остриите наконечници на железните пръти, които мъчителите носили със себе си. Те пролели невинната кръв в същото време, когато бил заклан за нас нашата Пасха - Христос; убийството било извършено на Велика събота. Но убийците не се наситили с кръвта и стигнали още по-далеч в жестокостта си. Като завързали нозете на Христовия мъченик с въже, те влачили светото му тяло наред град, при което му нанасяли удари с различни оръдия, разкъсвайки го на части. Някои в пристъп на най-голяма ярост даже впивали зъби в тялото му, все едно, че били кучета или диви зверове. Като разпалили голям огън, те изгорили тялото на Христовия страдалец, а праха му разпръснали във въздуха. При това, по нареждане на лъжливия си патриарх Тимотей, те изгорили дори и архиерейския престол, на който сядал свети Протерий, понеже уж бил осквернен от светия мъж; така скверните и нечестивите обявили Божия угодник за безбожен.

След безчовечното убийство на свети Протерий, Тимотей изпратил свои воини по всички градове на Египет, за да изгонят православните архиереи, а вместо тях да поставят други, които самият той е ръкоположил. Тогава притесняваните православни епископи и клирици и всички правоверни изпратили просба до благочестивия цар Лъв, който се възкачил на престола след Маркиан; православните изпратили такава просба и до светейшия Цариградски патриарх Анатолий; в просбите си те разказали за всичко, което се било случило, и молили със сълзи да избавят Александрийската църква от това бедствие. Царят и патриархът силно скърбели за безчовечното убийство на невинния Божий архиерей Протерий. Царят незабавно

изпратил в Александрия свои сановници и войска и мнозина от метежниците били наказани: на едни от тях били отсечени ръцете, на други били отрязани езиците, някои били затворени в тъмници, други били бити и прогонени. А самият Тимотей Елур, лъжливият патриарх, бил предаден на съд. Осъден от православните епископи, той приел отплатата за делата си: те не само го лишили от архиерейство, но дори го изхвърлили от Христовата Църква, изпратили го на заточение в град Гангра, където някога бил заточен и учителят му Диоскор. Вместо него на патриаршеския престол в Александрия бил възведен друг Тимотей, с прозвището Салофакиол. Той се отличавал с твърда вяра, мъдрост и добродетелен живот, поради което се ползвал с уважение от всички. И настъпил мир в александрийската Църква, която от това време започнала заедно с всички православни да възхвалява Отца и Сина, и Светия Дух, Единия Бог в Троица. Амин.

В памет на свети свещеномъченик Нестор, епископ Магидийски († 250 г.)

Свети Нестор бил задържан в дома си по време на молитва, в която бил предизвестен за мъчението си с видението на овен; той бил представен в Пергия лично от началника на град Магидис (в малоазийската област Памфилия) Иринарх. По пътя свети Нестор бил укрепен с глас от небето по време на

земетръс. В Пергия, след страшни мъчения, той завършил живота си, разпънат на кръст по време на Дециевото гонение, в 250 година.

В памет на преподобния наш отец Василий Изповедник († ок. 750г.)

Свети Василий живял през царуването на иконоборца Лъв Исаврянин. Като оставил света с неговите съблазни, той постъпил в манастир и добродетелно водил монашеско житие. Когато настанало гонение за светите икони, свети Василий мъжествено се съпротивлявал на иконоборците. За това той бил задържан и бил предаден на много мъчения; но въпреки това той отхвърлил еретическото учение на иконоборците и заедно със свети Прокопий отстоявал истината до проливане на кръв. Стъргали цялото му тяло, подобно на преподобния Прокопий; после го затворили в тъмница, където се мъчил дълго време - до смъртта на нечестивия цар. След смъртта на мъчителя преподобният Василий бил пуснат заедно със свети Прокопий и с другите изповедници и живял, както и преди, в постнически трудове, като обърнал мнозина към православната вяра и като ги наставил в добродетелното житие. След няколко години богоугоден живот той се сподобил с блажена кончина и с молитва, благодарност и неизказана радост отишъл при Господа, Когото възлюбил от ранно детство.

Тропарь преподобного Василия исповедника

глас 1

Пустынный житель, и в телеси Ангел,/ и чудотворец явился еси, Богоносе, отче наш Василие,/ постом, бдением, молитвою Небесная дарования приим,/ исцелявши недужных и души верою притекающих ти. Слава Давшему ти крепость,/ слава Венчавшему тя,/ слава Действующему тобою всем исцеления.

Кондак преподобного Василия

глас 2

С высоты приим Божественное откровение,/ изшел еси, мудре, от среды молв/ и, монашествовав преподобно,/ чудес приял еси действо/ и недуги исцеляти благодатию,// Василие всеблаженне священнейший.

В памет на преподобните жени Марина и Кира († 450 г.)

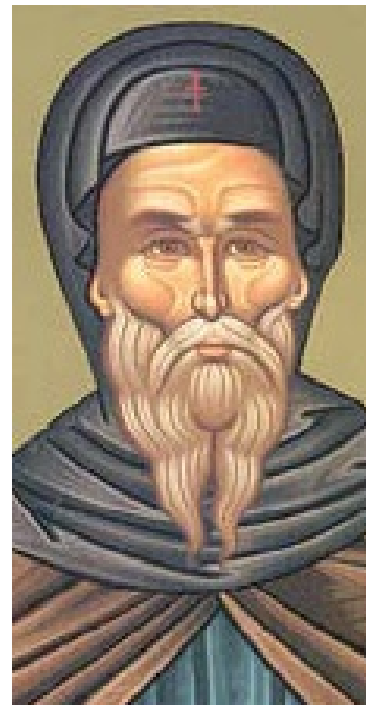

*Свв. преподобни жени Марина и Кира.
Фрагменти от миниатюра в стара
ромейска минология*

Преподобните Марина и Кира произхождали от град Берия от знатни и известни в града родители. Но те пренебрегнали знатността на произхода си и като достигнали пълнолетие, се отдалечили от града, сами си заградили един неголям участък земя и като зазидали входа към убежището с камъни и глина, оставили само един неголям отвор за подаване на необходимата им храна и за беседи с посетителите и започнали да се подвизават в заграденото място на открито. Като прославяли Бога в душите си, преподобните през цялото време пребивавали в мълчание и го прекъсвали през всеки петдесет дни само за по един ден. На телата си под широките си монашески одежди светиците носели тежки железни вериги и с необикновено търпение понасяли глада и произлизащите от него страдания. В течение на три години подред те приемали храна само един път на четиридесет дни. Като тръгнали веднъж на поклонение на живоносния гроб Господен, те не приели никаква храна дотогава, докато не извършили поклонението, а като се връщали обратно, преминали цялото разстояние, без да хапнат нищо. Същият подвиг извършили и тогава, когато предприели пътуване до храма “Света мъченица Текла”. Като се прославили с такъв подвижнически живот, тези свети жени накрая преминали във вечния живот, който така желаели.

**В памет на преподобния наш отец Касиан
Римлянин († 435 г.)**

Преподобният Касиан произхождал от Рим и бил син на знатни и славни родители. От ранна младост проявявал любов към науките и книгите на Свещеното Писание. Отличавайки се с прилежност и с яснота на ума, отначало изучил философията и астрономията; а после преминал към благоговейно изучаване на Свещеното Писание и го изучил така добре, че по познанията си бил един от бележитите хора на времето си. Освен това той съблюдавал девство, отличавал се с душевна чистота, благонравие и други добродетели.

Като напуснал отечеството си, той отишъл в Цариград при свети Йоан Златоуст. Като придобил от него нови знания и като се научил на добродетелен живот, той се оттеглил в скит. В един от тамошните манастири свети Касиан приел монашество, като всецяло се предал на послушание и на всички манастирски трудове, приучавайки се към тежкия, изискващ пост и други подвизи монашески живот.

Тези подвизи събудили у него желание за нови, по-високи, и той отишъл в едно пустинно място, за да води безмълвен живот. Не малко време се подвизавал така свети Касиан, научавайки се да разбира изкушенията и изнурявайки се с големи трудове. Като желяел да получи от другите свети отци по-голяма полза за себе си, той напуснал мястото си, където съблюдавал пълно безмълвие и посетил всички манастири в Египет, Тивиада, на Нитрийската планина, в Азия, Понт и Кападокия.

Като се запознал с житията на мнозина велики отци и като изучил различни видове монашески подвизи, свети Касиан

основал два манастира - мъжки и женски. Освен това написал няколко книги с поучителни слова, изпълнени с назидателни поучения, с премъдрост и полза, така че всеки, който ги чете с внимание и старание, може да почерпи не малка полза за душата си и да узнае какво е било житието и начина на мислене на светия съставител на тези душеполезни книги*.

** Преподобни Касиан е наставник в подвижническия живот. В първата от 12-те книги "за уставите на киновииите" той говори за външния вид на монаха; във втората - за реда на нощните псалми и молитви; в третата - за реда на дневните молитви и псалми; в четвъртата - за чина на отричането от света. В 24 събеседвания с отците се съдържат беседи на пустинните отци за различни духовни предмети. В 13 събеседвания разсъждава за благодатта. Бел.ред.*

Преподобни Касиан писал още против Несторий Речник за възплъщението на Божието Слово от Пречистата Дева Богородица** и като прославил православно Божиата Майка, светецът угодил на Родилия се от нея Бог.

*** Ересиархът Несторий е роден в сирийския град Кесария Германикийска на Ефрат. Не са известни нито произходът му, нито годината на раждане. Според свидетелството на главния му противник, свети Кирил Александрийски, "той излязъл от калта и произходът му бил срамен". След като станал Константинополски патриарх, отначало се обявил за ревностен гонител на ересите, но после сам неочаквано се оказал еретик. Започнал да заявява в църква, че Пресвета Дева Мария не следва да се нарича Богородица, тъй като е родила не Бог, а само човека Иисус, Който бил само обиталище на Божеството и оръдие на нашето спасение; този човек чрез сливане на Светия Дух върху него станал Христос, тоест помазаник, и нравствено съединен с него. На*

*Третия Вселенски събор (431 г.) ереста на Несторий била осъдена, а самият той бил заточен отначало в манастира Евирения (близо до Антиохия), а след това - в отдалечения египетски оазис Ибис, където след няколко години умрял.
Бел.ред.*

Като поживял много години сред такива трудове и подвизи и като принесъл голяма полза на монасите с писанията си, свети Касиан отишъл във вечните обители*.

**** Свети Касиан починал на 23 юли 435 г.*

Тропарь преподобного Кассиана Римлянина

глас 8

Постом предпочистився, премудрости постигл еси разумение,
/ от пустынных же Богоносных отец научился еси страстей
обузданию. Того ради подаждь нам твоими молитвами/ плоти
нашея духу послушание:/ еси бо наставник, Кассиане
преподобне,/ всем поющим о Христе твою память.

Кондак преподобного Кассиана Римлянина

глас 4

Преподобен быв, Богу возложился еси,/ и просвещая
добрыми видами, Кассиане,/ яко солнце облистал еси/ сиянием
Божественных твоих учений,/ сердца всех чтущих тя всегда
просвещая. Но прилежно моли Христа,/ о иже любовью тепле
восхваляющих тя.

В памет на преподобния Йоан, наречен Варсанофий (V в.)

Преподобни Йоан бил родом от Палестина; като станал на
осемнадесет години, той се кръстил, приел върху себе си

монашески образ и започнал да се подвизава особено в пост. За добродетелния си живот бил поставен за архиепископ на Дамаск. Но като постоял не много време на архиепископската катедра, забелязал, че задълженията на високото му положение са трудно съвместими с монашеските подвизи; затова Йоан оставил епископията и тайно напуснал Дамаск.

Като дошъл в Александрия, той се преименувал на Варсанофий, за да не би да го познае някой и да открие истинското му положение. От Александрия той се отправил като беден странник в Нитрийската планина*; като се поклонил на игумена на тамошния манастир, свети Йоан го помолил да го приеме, за да служи на братята. Игуменът го приел и му дал монашески одежди. Светецът започнал ревностно да служи на монасите, денем бил зает с това дело, а нощем без сън пребивавал в молитва. Рано сутрин събирал кратуните и съдовете от всички килии и отивал на реката; като ги напълвал с вода, той ги донасял и оставял съдовете с вода пред всяка килия.

** Нитрийската планина се намира на един ден път (27-32 км) от Нитрийската пустиня, разположена в северозападната част на Египет. Тази безводна, камениста пустиня била любимо място на египетските пустинници, прославили се с аскетически подвизи. Монасите се поселвали тук за най-строго уединение и ненарушимо безмълвие - заради пребиваването в Единия Бог. Бел.ред.*

Един от монасите, човек с малък разум, силно притеснявал светеца: ту му давал обидни прякори, ту го обливал с помия. Подучен от дявола, недостойният монах пробил стената на килията, където живеел преподобният Йоан и през отвърстието "пускал водата си" върху постелята на светеца, тъй че тя почнала да издава зловоние.

Като узнал за това, игуменът повикал при себе си брата, за

да го накаже. Но Варсанофий паднал в нозете на игумена и с плач казал, че самият той е виновен за това.

- Самият аз - казал светецът - дразня брата си и възбуждам гнева му; прости му, заради Господа.

Така той избавил брата от наказание. Но след известно време Йоан бил познат от преподобни Теодор Нитрийски, напуснал планината и избягал в Египет. Тук той проявявал дар на такава прозорливост, че дори узнавал хорските помисли.

Освободил Църквата от еретици, написал много душеполезни книги и с мир отишъл в Христа Иисуса**. Нему, с Отца и Светия Дух, чест и слава во веки. Амин.

*** Преподобни Йоан починал във втората половина на V век. Бел.ред.*

ЧЕТИ-МИНУТЕ

СВЯТОГО ИОАННА КАССИАНА ОБОЗРЕНИЕ ДУХОВНОЙ БРАНИ 1. ЦЕЛЬ И КОНЕЦ ПОДВИЖНИЧЕСТВА (Соб. 1-е)

1. Все науки и искусства имеют свою цель (scopus) и свой конец (telos), – смотря на которые, рачительный любитель искусства охотно переносит все труды и издержки. Так земледелец, терпя то зной, то холод, неутомимо распахивает и разрыхляет землю, имея «целью», – очистив ее от всякого стороннего сора, сделать плодороднейшею; убежден будучи, что иначе не достигнет «конца», т.е. получения обильной жатвы, для содержания себя и умножения своего достояния. Так и подвижничество наше имеет свою цель и свой конец, ради которого неутомимо и с удовольствием подъемлем мы все труды, – ради которого не тяготит нас скудость питания

постнического, веселит изнеможение от бдений, всегдашнее чтение Писаний с размышлением не знает сытости, и не страшат ни непрестанный труд, ни обнажение от всего и скудость во всем, ни даже ужасы этой безмерной пустыни.

2. Конец нашей подвижнической жизни есть Царство Божие, а цель – чистота сердца, без которой невозможно достигнуть того конца. К этой цели приковав взор наш, и должны мы направлять наивернейше течение наше, как по прямой линии, и если хотя несколько помышление наше уклонится от ней, тотчас возвращаясь к созерцанию ее, исправлять его, как по норме какой.

3. Так учит св. Павел, когда к принявшим благое иго Христово говорит: «имате плод ваш во святыне, кончину же – жизнь вечную» (Рим. 6, 22). Этим он сказал как бы: цель ваша – в чистоте сердца, а конец – жизнь вечная. Итак, что может нас направить к сей цели, т.е. к чистоте сердца, тому мы следовать должны всею силою, а что отвлекает от ней, того избегать, как губельного и вредного. Ибо для ней все подъемлем мы и делаем; для ней оставляются родители, отечество, чины, богатство, утехи мира сего и все удовольствия, – чтобы т.е. сохранным удерживать постоянную чистоту сердца. Если посему будем мы всегда иметь во внимании эту цель, то все действия наши и помышления будут направляться прямо к достижению ее. Если же она не будет неотходно стоять пред очами нашими, то все труды наши и силы, не будучи направляемы на одно это, напрасно будут иждиваемы.

4. Итак, для этой чистоты должно нам все делать и всего желать; для ней в пустыню следовать, для ней держать посты, бдения, труды, нищету телесную, чтение и прочие добродетели, – чтоб, т.е. сделать сердце свое не болезнующим никакими пагубными страстями и сохранить его таковым.

Посты, бдения, отшельничество, поучение в Писании для этой главной цели, т.е. чистоты сердца, подобает нам поднимать; и из-за них не должно позволять себе возмущать сию главную добродетель. Ибо когда пребудет у нас сохранною и невредимою сия главная добродетель, то никакой не будет беды, если какой-нибудь из сказанных подвигов придется в каком либо случае по необходимости опустить: когда же мы все их выдержим, а ее одну нарушим, то никакой не будет от этого пользы; потому что все должно быть делаемо для нее. Они (подвиги) не суть совершенство, а суть средства к совершенству. Почему напрасно будет трудиться, кто, удовольствовавшись ими одними, будто «верховным благом», на них остановит стремление своего сердца, а не будет простираť его до достижения конца, для которого они сами желательны.

Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин

Собеседования египетских подвижников. Писания к 10-ти (1-10) посланным к епископу Леонтию и Елладию собеседованиям отцов, пребывавших в скитской пустыне

«Писания к 10-ти (1-10) посланным к епископу Леонтию и Елладию собеседованиям отцов, пребывавших в скитской пустыне» (425 г.) – это первая часть сочинения прп. Иоанна Кассиана Римлянина «Собеседование египетских подвижников». Трактат включает 10 собеседований, которые прп. Иоанн посвятил брату еп. Кастора еп. Леонтию и монаху Елладию, впоследствии ставшему епископом Арелатским.

Сочинение написано в форме бесед, обращено преимущественно к отшельникам и посвящено внутренней жизни монахов. В нем говорится о благочинии внутреннего человека, о совершенстве жизни и чистоте сердца, «чтобы читая эти сочинения, каждый мог поучаться, что должно соблюдать на высоте духовного совершенства». Опираясь на

Священное Писание и христианское нравственное мировоззрение, прп. Иоанн определяет саму задачу и конечную цель христианского аскетизма – отрешение от всего земного и жизнь одним созерцанием Бога.

По содержанию писания распределяются следующим образом: 1-е посвящено целям и задачам монашеской жизни; во 2-м говорится о рассудительности, т.е. о различении помыслов и поступков; в 3-м – о трех видах призвания Божия, т.е. о трех причинах обращения к Богу, и о трех видах отречения от мира и всего земного; в 4-м – о борьбе плоти и духа; в 5-м – о 8 главных страстях, об их происхождении, характерных особенностях и о борьбе с ними; в 6-м – о природе добра и зла, о причинах того, что Бог попускает святым испытывать страдания; в 7-м – о непостоянстве души и о нападении на нее злых духов; в 8-м – о различиях в чинах ангельских, о падении дьявола и его ангелов; в 9-м и 10-м – о молитве, ее видах и свойствах, а также о Молитве Господней.

«Собеседования» прп. Иоанна сыграли важную роль в «полупелагианском споре» V-VI вв. В это же время в декрете папы Геласия I это сочинение было отнесено к апокрифам (вероятно, из-за содержащейся в нем критики учения блж. Августина).

Ссылки на «Собеседования» присутствуют в сочинениях западных церковных писателей и аскетов (Алкуин, Фома Аквинский и др.). На Востоке труды прп. Иоанна пользовались не меньшим авторитетом. Так, влияние прп. Иоанна Кассиана Римлянина заметно у прп. Варсонофия Великого, аввы Дорофея и прп. Иоанна Лествичника, который называл прп. Иоанна «великим Кассианом» и цитировал его «Собеседования» в «Лествице». В VIII-IX вв. был создан сокращенный греческий вариант всех 12 книг «Правил общежительных монастырей» и отдельных книг

«Собеседований» (книги 1-2, 7-8); цитаты из этого сокращенного варианта встречаются у прп. Иоанна Дамаскина и свт. Фотия, патриарха Константинопольского.

Первое собеседование аввы Моисея. О намерении и конце монаха

Глава 1. О пребывании в ските и предложении авве Моисею

Когда в скитской (В Египте были три знаменитые пустыни, в которых обитали монахи, скит близ озера Мареотского, Каламон (Порфирион) и Фиваида) пустыне, где пребывали среди монахов опытнейшие отцы, я нашел авву Моисея (Из трех Моисеев отшельников первый был Моисей эфиоп или мурын из разбойников: он жил до Кассиана; второй (египетский) был епископом у сарацин; а здесь подразумевается Моисей, ливийский пресвитер), приятно сиявшего между этими прекрасными цветами не только деятельными добродетелями, но и созерцанием, желая вместе с аввою Германом (с которым я с самого начала монашеской жизни, с первых опытов духовного подвижничества нераздельно пребывал как в киновии, так и в пустыне, так что все, отмечая наше дружество и одинаковые намерения, говорили, что в двух телах находятся один ум и одно сердце) получить от него наставление, у аввы Моисея со слезами просили слова назидания. Ибо мы знали строгость души его, что он никак не согласился бы открыть дверь совершенства, разве только искренно желающим и просящим с сокрушением сердца, чтобы, открывая необходимые вещи недостойным и презрительно принимающим, не впасть в порок тщеславия или в преступление предательства. Наконец, убежденный нашими просьбами, он начал так говорить:

Глава 2. Вопрос аввы Моисея о том, какая цель должна быть у монаха и какой конец

Все искусства и науки имеют какую-нибудь цель (scopon), т.е. назначение, и свой конец (telos). Рачительный любитель всякого искусства, глядя на него благодушно, охотно переносит все труды, все опасности и издержки. Так земледелец, перенося иногда жару, иногда холод, неутомимо возделывает землю: он имеет целью очистить ее от терния и травы, а концом – наслаждение от плодов. Купец, несмотря на опасности, предстоящие ему на море и на суше, смело предается купле: он имеет целью прибыль, а концом – наслаждение от прибытка. Воин не смотрит ни на опасности в сражениях, ни на трудность в походах: он имеет целью повышение в чине, а концом – пользу от чина. Так и наш обет имеет свою цель и свой конец, для достижения которого мы охотно сносим всякий труд и всякую тягость. Поэтому воздержание поста не утруждает нас, труд бдения нас услаждает, чтение и испытание писаний происходит с охотой, трудность работ, послушание, нестяжание, лишение всех земных вещей и пребывание в пустыне с приятностью совершаются. А вы, презревшие отечество, род свой, весь мир, предпринявшие странствование и пришедшие к нам, людям грубым и необразованным, скажите мне: какая ваша цель? И какой конец имели вы в виду, сделав это (Это собеседование сокращенно изложено на греческом языке, с которого переведено на славянский язык, помещено в «Добротолюбии» и на русском языке напечатано в Хр. Чт. 1828 г., ч. 29. Так как главные мысли здесь изложены короче и яснее, то и поместить здесь этот перевод (с дополнением некоторых мест из подлинника) признано более удобным)?

Глава 3

Мы в ответ на это сказали: мы это сделали ради Царства Небесного.

Глава 4. Вопрос аввы Моисея касательно высказанного

намерения нашего

На это авва Моисей ответил: вы хорошо сказали о конце. Но не сказали, какова та цель, взирая на которую и не уклоняясь от правого пути, мы можем получить Царство Небесное. Когда мы признались, что не знаем, старец отвечал: конец нашего обета, как сказано, есть Царство Божие, а назначение наше, т.е. цель – чистота сердца, без которой невозможно достичь этого конца (Это цель общая всем. А собственная, частная цель монашества есть усовершенствование в любви (см. ниже гл. 6). Потому монашество есть состояние людей, стремящихся к христианскому совершенству при исполнении обетов нищеты, воздержания, послушания. Это совершенство состоит в том, чтобы устранив от себя все препятствия к любви Божией, послушанием посвятив себя Богу, посредством любви соединиться с Ним). Итак, к этой цели да будет всегда устремлен ум наш, и если случится, что сердце наше несколько уклонится от правого пути, мы тотчас обратим его и как бы по правилу архитекторского искусства направим к цели.

Глава 5. Все нужно направлять к определенной цели

И апостол Павел утверждает, что конец нашего обета есть жизнь вечная, говоря: «плод ваш есть святость, а конец – жизнь вечная» (Рим 6, 22). А цель наша есть чистота сердца, которую он справедливо называет святостью, без которой вышесказанный конец не может быть достигнут. Он так сказал другими словами: цель ваша в чистоте сердца, а конец – жизнь вечная. Касательно этого назначения он в другом месте само имя, т.е. цель знаменательно выразил, говоря так: «заднее забывая и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести вышнего звания Божия» (Флп 3, 1-14). Итак, что может вести нас к этой цели, т.е. чистоте сердца, тому всею силою и надо последовать, а что отвлекает от нее, того надо

избегать, как вредного и губительного. Ибо для этой цели мы все переносим и делаем. Для нее все оставляем: родителей, отечество, достоинства, богатства, забавы и удовольствия этого мира, чтобы приобрести постоянную чистоту сердца. Итак, этой целью все наши действия и помыслы всегда должны направляться к достижению ее. Если же она не будет постоянно находиться перед нашими взорами, то не только все наши труды останутся пустыми, непостоянными, напрасными, без всякой пользы, но и все помыслы будут различны и противоречивы. Ибо духу, не имеющему куда стремиться и к чему в первую очередь прилепиться, необходимо ежечасно и ежеминутно изменяться из-за разнообразия встречающихся впечатлений, необходимо всегда преобразовываться в первое попавшееся состояние ².

Глава 6. О тех, которые, отрекшись от мира, без любви стремятся к совершенству

От того и зависело, что некоторые, презрев огромные богатства этого мира, и не только многие тысячи золота и серебра, но и множество поместий, после, как мы видели, возмущались гневом из-за ножичка, грифеля, иглы, писчего пера. Они не возмущались бы из-за таких маловажных вещей, если бы помнили цель, для которой отреклись от большего и драгоценного имущества. Некоторые часто с такой ревностью берегут книгу, что не позволяют никому хоть немного почитать, даже прикоснуться, и потому находят поводы к нетерпеливости и смерти там, где должны приобретать терпение и любовь. И хотя все свои богатства из любви к Христу расточили, однако, удерживая прежнее пристрастие сердца к вещам маловажным и по их поводу иногда гневаясь, во всем остаются бесплодными, пустыми, так как будто они не имели апостольской любви. Блаженный апостол, предвидя это в духе, говорит: «если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой

пользы» (1Кор 13, 3). Этим ясно доказывается, что совершенство не приходит тотчас с нищетою, расточением всех богатств или с отвержением достоинств, а состоит в любви, свойства которой апостол описывает, и которая состоит только в чистоте сердца (1Кор 13, 4–6). Ибо что иное значит: не завидовать, не превозноситься, не бесчинствовать, не искать своего, не раздражаться, не мыслить зла, не радоваться неправде и прочее, как и то, чтобы всегда приносить Богу сердце совершенное, чистое и охранять его от всех возмущений?

Глава 7. О желании спокойствия сердца

Итак, для этой чистоты нам следует все делать и желать; для нее в пустыню надо удаляться, для нее нужно предпринимать посты, бдения, труды, нищету телесную, чтение и другие добродетели, чтобы через них сделать и сохранить сердце наше чистым от всех вредных страстей. И если по требованию какого-либо нужного и предпринимаемого для Бога дела мы вынуждены оставить их (т.е. пост, бдение и проч.), то не следует нам впадать в скорбь, гнев или негодование, для подавления которых мы должны будем совершать пост, бдение и прочее. Ибо не столько приобретаем от поста, сколько теряем от гнева, и не столько получаем пользы от чтения, сколько вреда от презрения брата. Итак, посты, бдения, отшельничество, размышление о Св. Писании нужны для главной цели, т.е. чистоты сердца, которая есть любовь, и из-за них нельзя нарушать эту главную добродетель, при сохранении которой в целостности и невредимости у нас не будет никакого недостатка, если бы по необходимости и было опущено что-нибудь из сказанных подвигов. Также не принесет никакой пользы исполнение всего этого, если не будет у нас главной добродетели (любви), для которой все то должно совершаться. Всякий старается устроить себе орудия какого-либо искусства не для того,

чтобы они праздно лежали; и пользу, какую эти орудия могли бы доставить, видит не в одном лишь обладании ими, а чтобы с их помощью сделать искусственное дело, для которого они служат пособием. Итак, посты, бдения, упражнение в Св. Писании, нищета, расточение всего имущества не составляют совершенства, но только средства к совершенству; поскольку не в них состоит конец жизни монашеской, но посредством их достигается конец. Напрасно упражняется в них тот, кто, довольствуясь ими, как высшим благом, внимание своего сердца привязывает только к ним, и ревность к добродетели не будет простираться к достижению конца, для которого их надо желать. Это значило бы иметь орудия для искусства и не знать его цели, в которой состоит весь плод. Итак, всего, что может возмущать чистоту и спокойствие нашего духа, следует избегать, как вредного, даже если кажется полезным и необходимым. Соблюдая это правило, мы можем избежать уклонения во всякие погрешности и развлечения и прямым путем достигнуть желаемого конца.

Глава 8. Главное старание должно относиться к созерцанию божественных предметов, которое поясняется подобием Марии и Марфы

Итак, главное старание у нас, постоянно желаемое, неизменное назначение (цель) сердца должно состоять в том, чтобы дух всегда прилеплялся к божественным предметам и к Богу, а все прочее, не имеющее отношения к этому, хотя бы и казалось великим, следует считать вторым или низшим, или даже вредным. Дело это прекрасно изображается в Евангелии в лице Марфы и Марии (Лк.10:38-42). Марфа, хотя и святым делом занималась, так как услуживала самому Господу и Его ученикам; а Мария, внимая только духовному учению, сидела у ног Иисуса, целуя их, мазала маслом доброго исповедания; однако Господь предпочитает последнюю первой, потому что она избрала лучшую долю и притом такую, которая никогда не

может быть отнята у нее. Ибо когда Марфа, занятая благочестивой работой и распоряжением, трудилась и, видя, что она одна не может успеть в таком служении, просила у Господа помощи сестры, говоря: «Господи! или Тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить? скажи ей, чтобы помогла мне» (Лк.10:40). Хотя она не к маловажному делу, а к похвальному служению приглашала ее, однако что слышит от Господа? «Марфа! Марфа! ты заботишься и суетишься о многом, а немногое или даже одно только нужно; Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у ней» (Лк.10:41-42).

Итак, видите, главное благо Господь устанавливает в одном божественном созерцании. Поэтому хотя прочие добродетели мы называем полезными и необходимыми, однако утверждаем, что их нужно считать второстепенными по достоинству; потому что все они совершаются для одного созерцания. Ибо Господь, говоря: заботишься и суетишься о многом, а нужно немногое или даже только одно, устанавливает высшее благо не в деятельном, хотя и похвальном труде, изобилующем многими плодами, а в созерцании Бога, которое просто и одно только есть, – утверждает, что немногое нужно для совершенного блаженства, т.е. созерцание, которое соблюдается сперва в созерцании немногих святых предметов, таким образом восходя на пути совершенствования, приходит и к тому, что называется единым, т.е. видению одного Бога при помощи Его, чтобы, с превосходством совершив дела и дивные служения святых, наслаждался знанием и великолепием уже одного Бога. Следовательно, Мария избрала благую часть, которая не отнимется от нее. Это необходимо рассмотреть внимательнее. Когда Господь сказал: Мария избрала благую часть, хотя о Марфе умолчал и, по-видимому, никак не укорил ее; однако, хваля Марию, Он тем показал, что Марфу считает ниже ее.

Опять словами: которая не отнимется от ней, Он показывает, что от Марфы доля ее может быть отнята. Ибо телесное служение не может постоянно пребывать с человеком, а служение Марии никогда не может кончиться.

Глава 9. Вопрос: как упражнения в добродетелях не пребудут с людьми?

Герман. Этим мы очень смутившись, сказали: что же? труд постов, упражнение в чтении, дела милосердия, правды, благочестия, человеколюбие неужели отнимутся у нас и не пребудут со своими творцами? Особенно когда Сам Господь обещает Царство Небесное за эти дела, говоря: «приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня» и проч. (Мф 25, 34–35). Как же отнимется то, что вводит делателей своих в Царство Небесное?

Глава 10. Ответ: не отнимется награда, но прекратится действие

Моисей. Я не сказал, что отнимется награда за доброе дело; по словам Господа, «кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды, во имя ученика, истинно говорю вам, не потеряет награды своей» (Мф 10, 42); но говорю, что должно прекратиться то дело, совершения которого требует телесная необходимость или укрощение плоти, или неравенство в этом мире. Упражнение в чтении, прискорбный пост для очищения сердца и изнурение плоти полезны только в настоящей жизни, пока плоть похотствует против духа. Мы видим, что они иногда и в настоящей жизни не нужны бывают для тех, которые ослаблены чрезмерным трудом или телесной болезнью, или старостью, и человеку невозможно постоянно упражняться в них. Тем более они прекратятся в будущей жизни, когда тленное облечется в нетление, и тело это, ныне

животное, воскреснет духовным, и плоть уже не будет такой, чтобы похотствовать против духа. Об этом блаженный апостол ясно говорит: «телесное упражнение мало полезно; а благочестие, под которым, без сомнения, понимается любовь, на все полезно, имея обетование жизни настоящей и будущей» (1Тим 4, 8). Это упражнение называется мало полезным; значит, упражняться в нем можно не в любое время, и оно одно само по себе не может доставить трудящемуся высшее совершенство. Ибо мало может относиться к тому и другому, т.е. и к краткости времени, потому что телесное упражнение не может человеку сопутствовать вечно, как в настоящей, так и в будущей жизни, – или к малости пользы, которая приобретается от телесного упражнения, потому что изнурение тела составляет некоторое начало преуспевания, а не само совершенство любви, которая имеет обетование жизни настоящей и будущей.

Упражнение в вышеупомянутых делах мы считаем необходимым потому, что без них невозможно взойти на верш совершенства любви. Также и дела благочестия и милосердия необходимы в этом времени, пока еще господствует неравенство между людьми; совершение их и здесь было бы не нужно, если бы не было столько бедных, нуждающихся и немощных. Это произошло от несправедливости людей, именно тех, которые завладевают тем, что общим Творцом даровано всем, только для своей потребности, однако держат без употребления. Следовательно, пока в этом мире будет продолжаться такое неравенство, действие это необходимо и полезно для упражняющегося, предоставляя доброму расположению и благочестивой воле награду вечного наследия; а в будущем веке после воцарения равенства оно прекратится. Когда уже не будет неравенства, из-за которого эти дела должны совершаться ныне, то все от этой разнообразной деятельности будут переходить к любви

Божией и созерцанию божественных предметов при постоянном очищении сердца. Кто еще в этом веке посвятил себя этому делу, со всем усердием и всеми силами стараясь очистить дух, тот и после сложения бременной плоти, пребывая в этом же деле, достигнет обетования Господа Спасителя, о котором говорится: «блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф 5:8).

Глава 11. О вечности любви

И что удивительного, если вышеупомянутые обязанности прекратятся, когда святой апостол пишет, что и высшие дарования Св. Духа прекратятся, а любовь одна без конца пребудет? Хотя и пророчества, говорит он, прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится. «Любовь никогда не перестает» (1Кор 13, 8). Все дары даются на время для нуждающегося; после распоряжения (для которого даются) они, без сомнения, тотчас прекратятся. А любовь никаким временем не будет прервана, ибо не только в настоящем мире действует в нас с пользой, но и в будущем, после отложения плоти телесной, она будет пребывать гораздо действеннее, никаким недостатком не будет ослабляться, но при постоянной чистоте пламеннее и искреннее будет прилепляться к Богу.

Глава 12. Вопрос о непрерывности духовного созерцания

Герман. Кто же, облеченный слабой плотью, может всегда заниматься этим созерцанием так, чтобы никогда не думать о приходе брата, о посещении больного, о рукоделии или о человеколюбии, или принятии странников, или посещении другими и о прочих необходимых и неизбежных потребностях тела? Наконец, как может разум человеческий всегда видеть невидимого и непостижимого Бога и быть неразлучен с Ним? Мы желали бы знать это.

Глава 13. Ответ о направлении сердца к Богу и о царстве Бога и дьявола

Моисей. Правда, таким образом, как вы говорите, невозможно человеку, связанному немощью плоти, непрестанно созерцать Бога и быть неразлучным с Ним. Но нам следует знать, куда мы должны устремлять внимание нашего ума, к какой цели всегда обращать взор нашей души. Когда дух наш сможет достигнуть ее, то радуется; а если удалится от нее, то скорбит и вздыхает; и всякий раз чувствует себя удалившимся от высочайшего блага, как только отвернет свой взор от него, считая прелюбодеянием даже кратковременное удаление от созерцания Христа. Когда взор наш хоть немного уклонится от него, то, обратив опять очи сердца к нему, как бы по прямой линии устремим взор ума. Все заключается в святилище души. Когда дьявол будет изгнан отсюда и страсти уже не будут в ней царствовать, то устанавливается в нас Царство Божие, как говорится в Евангелии: «не придет Царствие Божие приметным (видимым) образом, и не скажут: вот, оно здесь, или: вот, там. Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть» (Лк 17, 20–21). А внутри нас не что иное может быть, как знание или неведение истины и любовь к порокам или добродетелям, которыми мы устраиваем в сердце царство или дьяволу, или Христу. Качество этого царства описывает и апостол, говоря: «Царствие Божие не пища и питье, но праведность и мир и радость во Святом Духе» (Рим 14, 17).

Итак, если Царство Божие внутри нас находится и это Царство есть праведность, мир и радость, то кто их имеет, тот, без сомнения, находится в Царстве Божиим. И напротив, которые живут в неправде, раздоре и печали, производящей смерть, те находятся в царстве дьявола, в аду и смерти. Ибо этими признаками различается Царство Божие и дьявола. И точно, если возвышенным взглядом ума будем рассматривать

то состояние, в котором живут небесные, горние силы, которые истинно пребывают в Царстве Божием, то должны будем признать, что состояние это не иное, как вечная и непрестанная радость. Ибо что столь свойственно и пристойно истинному блаженству, как не спокойствие постоянное и радость вечная? И это вернее подтверждается не моею догадкою, а свидетельством Самого Бога, Который качество и состояние этого царства ясно изображает так: «вот, Я творю новые небеса и новую землю; а прежние не будут уже воспоминаемы и не придут на ум, но ...будете радоваться и веселиться вовеки веков о том, что Я творю» (Ис 65, 17-18). Опять: «радость и веселие будет в нем, славословие и песнопение» (Ис 51, 3); «и будет месяц от месяца и суббота от субботы» (Ис 66, 23). Еще: «они найдут радость и веселье, а печаль и воздыхание удалятся» (Ис 35, 10). И если еще яснее хотите узнать о пребывании и городе святых, то слушайте, что Господь говорит к самому Иерусалиму: «и поставлю правителем твоим мир и надзирателями твоими – правду. Не слышно будет насилия в земле твоей, опустошения и разорения – в пределах твоих, и будешь называть стены твои спасением и ворота твои – славою. Уже не будет солнце служить тебе светом дневным, и сияние луны – светить тебе; но Господь будет тебе вечным светом и Бог твой – славою твоей. Не закатится уже солнце твое и луна твоя не сокроется, ибо Господь будет для тебя вечным светом, и окончатся дни сетования твоего» (Ис 60, 17-20). И потому блаженный апостол не просто всякую вообще радость называет Царством Божиим, но только ту, которая в Духе Святом. Ибо он знает, что бывает и другая, достойная порицания, радость, о которой говорится: «мир возрадуется» (Ин 16, 20). «Горе вам, смеющиеся ныне! ибо восплачете и возрыдаете» (Лк 6, 25). Царство Небесное трояко надо понимать: или так, что в нем будут царствовать небеса, т. е. святые над другими подчиненными, как говорится: «ты будь над пятью

городами»; «ты возьми в управление десять городов» (Лк 19:17, 19), также Господь говорил ученикам: «сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых» (Мф 19, 28), или сами небеса будут Царством Христовым, когда будет покорено Ему все, и Бог будет все во всех (1Кор 15, 28); или святые на небесах будут царствовать с Господом.

Глава 14. О вечности души

Поэтому всякий, находясь еще в этом теле, уже знает, что он должен быть посвящен той религии или служению, участником и почитателем которого был в этой жизни; нет сомнения, что и в будущем веке он будет участником того же (служения), чему ныне захотел быть служителем и сообщником, как говорит Господь: «кто Мне служит, Мне да последует; и где Я, там и слуга Мой будет» (Ин 12, 26). Ибо как в царство дьявола (веельзевула) вступают через совершение пороков, так Царство Божие приобретается упражнением в добродетелях, чистотою сердца и духовным знанием. А где Царство Божие, там, без сомнения, и жизнь вечная, и где царство дьявола, там, без сомнения, смерть и ад, и попавший туда не может восхвалять Господа, по словам пророка: «не мертвые восхвалят Господа, ни все нисходящие во ад (в состоянии греха, конечно), но мы живущие (не для пороков и для этого мира, а для Бога) будем благословлять Господа отныне и вовек» (Пс 113, 25–26). Ибо в смерти нет памятования о Боге; "во аде же (в состоянии греха) кто будет исповедываться» Господу? (Пс 6, 6). Никто, допускающий то, чего Господь отвращается, не вспоминает о Боге, истинно не исповедует себя рабом Того, Чьими заповедями пренебрегает с безрассудным упорством; в каковой смерти пребывает сластолюбивая вдова, о которой говорит блаженный апостол: «вдова сластолюбивая заживо умерла» (1Тим 5, 6). Следовательно, есть многие, которые,

живя в этом теле, бывают мертвы и, находясь в аде, не могут восхвалять Бога. И напротив, есть такие, которые, умерши телом, духом благословляют и восхваляют Бога, как говорится у пророка: «духи и души праведных, благословите Господа» (Дан 3, 86); «всяк дух да хвалит Господа» (Пс 150, 6). И в Апокалипсисе говорится, что души убиенных не только хвалят Бога, но и ходатайствуют (Апок 6, 10). В Евангелии яснее говорит Господь саддукеям: «не читали ли вы реченного вам Богом: Я Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова? Бог не есть Бог мертвых, но живых.» «Ибо у Него все живы» (Исх 3:6; Мф 22:31–32; Лк 20:38). И апостол о них говорит: «посему и Бог не стыдится их, называя Себя их Богом; ибо Он приготовил им город» (Евр 11, 16).

Души после разлучения с этим телом не бывают праздны, не остаются без всякого чувства; это доказывает евангельская притча о богатом и Лазаре (Лк 16, 22–28), из которых один заслужил блаженное жилище, т.е. покой на лоне Авраамовом, а другой горит в нестерпимом жару вечного огня. Если мы захотим обратить внимание на то, что говорится разбойнику: «ныне же будешь со Мною в раю» (Лк 23, 43); то ясно будет, что в душах не только живет прежний разум, но и наслаждаются они воздаянием по качеству своих дел и заслуг. Ибо Бог никак не обещал бы ему этого, если бы знал, что душа его после разлучения с телом лишится чувства или превратится в ничто. Ибо не плоть, а душа его может войти в рай со Христом. Надо остерегаться, даже со страхом отвращаться нечестивого мнения еретиков, которые, не веря, что Христос в тот же день, в который сходил в ад, мог быть и в раю, так разделяют следующие слова: истинно говорю тебе, ныне же, и сделав расстановку, читают: будешь со Мною в раю; как будто это обещание не тотчас после ухода из этой жизни исполнилось, а после воскресения Его исполнится, не понимая того, что до дня Своего воскресения иудеям, которые

думали, будто и Он, подобно им, подвержен человеческим ограничениям и плотской мощи, Иисус Христос говорил: «никто не восходил на небо, как только сшедший с небес Сын Человеческий, сущий на небесах» (Ин 3, 13). Этим ясно доказывается, что души умерших не только не лишаются своих чувств, но не теряют и расположений своих, т.е. надежды и страха, радости и скорби, и нечто из того, чего ожидают себе на всеобщем суде, они начинают уже предвкушать, вопреки мнению некоторых неверных, будто после исхода из этой жизни они превращаются в ничто, они еще живее становятся и ревностнее прилепляются к прославлению Бога. И действительно, если, рассмотрев свидетельства Св. Писания о природе самой души, по мере нашего смысла, несколько порассуждаем, то не будет ли безумием – хоть слегка подозревать, что драгоценнейшая часть человека (т. е. душа), в которой, по блаженному апостолу, заключается образ Божий и подобие (1Кор 11, 7; Кол 3, 10), после отложения от этой дебелости телесной, в которой она находится в настоящей жизни, будто становится бесчувственной – та, которая, содержа в себе всякую силу разума, своим причастием даже немое и бесчувственное вещество плоти делает чувствительным? Отсюда следует: и свойство самого разума требует того, чтобы дух после сложения этой плотской дебелости, которой ныне ослабляется, свои разумные силы привел в лучшее состояние, восстановил их более чистыми и более тонкими, а не лишился их. Сказанное нами блаженный апостол признает настолько истинным, что даже желает из этой плоти выйти, чтобы после мог теснее соединяться с Господом, говоря: «имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше» (Флп 1, 23). «И как знаем, что, водворяясь в теле, мы устранены от Господа, – то мы благодушествуем и желаем лучше выйти из тела и водвориться у Господа. И потому ревностно стараемся,

водворяясь ли, выходя ли, быть Ему угодными» (2Кор 5:6, 8, 9). Здесь апостол пребывание души в этой плоти называет устранением от Господа, удалением от Христа, а разлучение ее с этой плотью и уход со всею уверенностью считает водворением у Христа. Еще яснее об этом самом живейшем состоянии душ тот же апостол говорит: «вы приступили к горе Сиону и ко граду Бога живого, к небесному Иерусалиму и тьмам Ангелов, к торжествующему собору и церкви первенцев, написанных на небесах, ...и к духам праведников, достигших совершенства». «Если мы, – говорит, – будучи наказываемы плотскими родителями нашими, боялись их, то не гораздо ли более должны покориться Отцу духов, чтобы жить?» (Евр 12:22–23, 9).

Глава 15. О созерцании Бога ³

А созерцание Бога многообразно бывает. Ибо Бог познается не в одном блаженном и непостижимом существе Своем, что предоставлено святым Его в будущем веке, но познается также из величества и красоты Его творений, из ежедневного Его устройства и провидения, из правосудия Его, из чудес, которые Он являет в каждом роде над святыми Своими. Ибо когда мы помыслим о беспредельном Его могуществе, о неусыпном Его оке, которое видит тайны сердечные и от которого ничто не может скрыться, то, объятые сердечным страхом, удивляемся и поклоняемся Ему. Когда помыслим, что Он знает число дождевых капель, песка морского и звезд небесных, то поражаемся величию естества и премудрости Его. Когда помыслим о неизреченной и неизъяснимой Его премудрости и человеколюбии, о непостижимом долготерпении, переносящем бесчисленные падения грешников, то прославляем Его. Когда помыслим о великой любви Его к нам, по которой Он не погнушался для нас, ничего доброго не совершивших, сделаться человеком, чтобы избавить нас от обольщения, то пробуждаемся к любви Его.

Когда подумаем, что Он сам, побеждая в нас врага нашего, дьявола, дарует нам жизнь вечную за одно проявление воли и расположение к добру, то поклоняемся Ему. Есть и другие бесчисленные, подобные этим, созерцания, через которые Бог становится видимым и понимаемым, и которые раскрываются в нас по качеству жизни и по чистоте сердца. Их совершенно не будут иметь те, в ком хоть немного еще живут плотские страсти, как говорит Господь: «лица Моего не можно тебе увидеть, потому что человек не может увидеть меня и остаться в живых», т.е. живым для этого мира и для земных страстей (Исх 33, 20).

Глава 16. Вопрос о смущении помыслов

Герман. От чего это бывает, что многие вожеления и суетные помыслы даже против воли нашей тревожат нас и почти без нашего ведома обольщают нас, входя в нас так неприметно и хитро, что мы не только не можем воспрепятствовать их входу, но с великим трудом можем узнать их? Может ли дух быть свободным от них и никогда не подвергаться таким обольщениям?

Глава 17. Ответ: что дух может сделать с помыслами и чего не может

Моисей. Не возмущаться духу этими помыслами невозможно; но принять их или отвергнуть – это по силам всякому, кто при помощи Божией употребит для этого старание. Как возникновение их не зависит от нас, так отвержение или принятие их состоит в нашей воле. Впрочем из того, что мы сказали, не все следует приписывать набегу помыслов или тем духам, которые стараются посеять их в нас; иначе не останется в человеке свободной воли и в нас не будет старания о своем исправлении. Но большей частью от нас зависит, чтобы исправилось качество помыслов и возникали в сердцах наших духовные – святые, или земные –

плотские мысли. Если разумно и тщательно поучаемся в законе Божьем, упражняемся в псалмах и пении, пребываем в посте и бдении, непрестанно помним о будущем, о Царстве Небесном, о геенне огненной и о всех делах Божиих, то злые помыслы уменьшаются и не находят места. Когда же, наоборот, занимаемся мирскими заботами и плотскими делами и вдаемся в суетные и праздные беседы, тогда злые помыслы умножаются в нас.

Глава 18. Сравнение души с жерновом

Деятельность души хорошо сравнивается с мельничным жерновом, который от стремительного течения воды быстро вертится кругом. Он не может перестать крутиться, будучи движим водою. Но во власти приставника состоит – пшеницу ли молоть или жито, или куколь растирать. Так и ум наш, в течение настоящей жизни будучи приводимым в движение устремляющимися отовсюду потоками искушения, может быть праздным от смятения помыслов; а какие допускать или принимать в себя, это зависит от нашей воли и старательности. Если мы, как сказали, постоянно занимаемся размышлением о Священном Писании, память занимаем духовными предметами, питаем желание совершенства и надежду на будущее блаженство, то и происшедшие отсюда духовные помыслы обязательно заставляют ум заниматься теми предметами, о коих мы размышляли. Если же мы по беспечности или небрежности занимаемся пороками и праздными беседами или вдаемся в мирские и суетные заботы, то родившиеся от того помыслы, как какой-нибудь куколь, доставят нашему сердцу и работу вредную, по изречению Господа Спасителя: где будет сокровище дел наших или внимания нашего, там необходимо пребудет и сердце наше (Мф 6, 21).

Глава 19. О трех началах наших помыслов

Прежде всего мы должны знать, что три начала бывают у наших помыслов: от Бога, от дьявола и от нас. От Бога бывают, когда Он удостоивает нас посетить просвещением Св. Духа, возбуждая нас к высшему преуспеванию, и вразумляет спасительным сокрушением о том, что мы мало преуспели, или, пребывая в беспечности, были побеждены чем-либо; или когда открывает нам небесные тайны, волю и намерение наше – обращает к лучшим действиям, как, например, когда Господь, вразумляя царя Ассира (Артахсеркса), внушил ему спросить памятные книги дневных записей, из которых он, вспомнив о благодеяниях Мардохея, вознес его на высшую ступень почести и тотчас отменил жестокий приговор касательно избиения народа иудейского (Есф 6); или когда пророк говорит: «послушаю, что скажет во мне Господь Бог» (Пс 84, 9); и другой пророк говорит: «сказал... Ангел, говоривший во мне» (Зах 1, 9); или когда Сын Божий обещает: «Мы придем вместе и обитель у него сотворим: (Ин 14, 23); еще говорит: «не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас» (Мф 10, 20); и сосуд избранный говорит: «вы ищите доказательства на то, Христос ли говорит во мне» (2Кор 13, 3).

От дьявола происходят помыслы, когда он старается низложить нас как услаждением пороков, так и тайными наветами, с тонкой хитростью ложно представляя зло под видом добра и преобразуясь перед нами в ангела света (2Кор 11, 14); или когда Евангелист говорит: «во время вечери, когда диавол уже вложил в сердце Иуде Симонову Искароту предать Его» (Ин 13:2); и «после сего куска вошел в него сатана» (Ин 13:27); и апостол Петр говорит Анании: «для чего *ты допустил* сатане вложить в сердце твое *мысль* солгать Духу Святому» (Деян 5, 3); также когда от лица нечистого духа говорится Богу против Ахава: «я выйду и сделаюсь духом лживым в устах всех пророков его» (3Цар 22, 22).

А от нас помыслы происходят, когда естественно вспоминаем то, что мы делаем или сделали, или слышали. Об этом блаженный Давид говорит: «размышляю о днях древних, о летах веков *минувших*; припоминаю песни мои в ночи, беседую с сердцем моим, и дух мой испытывает» (Пс 76, 6–7). Еще: «Господь знает мысли человеческие, что они суетны» (Пс 93, 11). И в Евангелии Господь говорит Фарисеям: «для чего вы мыслите худое в сердцах ваших?» (Мф 9, 4).

Глава 20. Объясняется примером меняльщика, как помыслы наши должны быть различаемы

Итак, эту троякую причину мы постоянно должны наблюдать и все помыслы, возникающие в нашем сердце, зорким суждением разбирать, сперва исследуя происхождение их, причины и виновников, чтобы узнать, как мы должны относиться к ним, смотря по достоинству внушивших их, чтобы нам сделаться искусными монетчиками, высшее искусство (Обязанность и искусство монетчиков в древности состояло в том, чтобы золотую монету отличать от поддельной медной, серебряную от оловянной. Во-вторых, узнавать: из чистого ли золота монета состоит или есть примесь; в-третьих, различать изображение на монете – истинное царское или изображение тирана; а также узнавать настоящий вес монеты – не уменьшена ли, не обрезана ли и т.п.) и наука которых состоит в том, чтобы испытывать, какое золото самое чистое и какое меньше очищено огнем; разумно различать медный, дешевый динарий, если он цветом блестящего золота походит на драгоценную монету, и не только верно узнавать монеты, изображающие лица тиранов, но с проницательным искусством различать и те, которые хоть и имеют истинный образ царя, но изображены незаконно, потом тщательно исследовать взвешиванием на весах, не меньше ли они законного веса. Что все это мы должны делать духовно, это

Евангелие доказывает примером монетчика (Мф 25, 27).

Во-первых, мы должны тщательно исследовать все то, что вошло в наши сердца или предложено нам каким-либо догматом, очищено ли это божественным, небесным огнем Св. Духа или принадлежит к иудейскому суеверию, или происходит от надменности мирской философии и носит только личину благочестия. Мы так и поступим, если будем исполнять апостольское наставление: «не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они» (1Ин. 4:1). Таким образом были обольщены и те, которые после исповедания обетов монашества увлеклись чистотою речи и некоторыми мнениями философов, кои с первого взгляда обольщали слышащих некоторыми созвучными с религией, благочестивыми чувствами, как бы блеском золота; однажды увлекши благовидностью, обманув как бы медными, ложными монетами, сделали их навсегда бедными и жалкими, – увлекли или в мирскую суету, или в еретические заблуждения и гордые предприятия.

Во-вторых, нам следует заботливо наблюдать, чтобы ложное толкование Св. Писания, подделываясь под чистое золото, не обмануло нас драгоценностью металла. В этом хитрый дьявол старался искусить также и Господа Спасителя, как простого человека, когда, злонамеренным толкованием повреждая то, что надо понимать вообще о всех праведниках, он старался в частности приложить к Тому, Кто не нуждался в охране ангелов, говоря: «Ангелам Своим (Бог) заповедает о тебе – охранять тебя на всех путях твоих; на руках понесут тебя, да не преткнешься о камень ногою твоею» (Мф.4:6; Пс 90:11–12). Драгоценные изречения Св. Писания лукавым пониманием извращая и выводя противный и вредный смысл, дьявол представляет нам как бы изображение лица тирана под блеском фальшивого золота. Когда поддельной монетою старается обмануть нас, т.е. внушает

желать какого-либо благочестивого дела, которое, происходя не от законного правила старцев, под предлогом добродетелей ведет к порокам, или, обольщая неумеренным и несоответственным постом или чрезмерным бдением, или беспорядочными молитвами, или несообразным чтением, приводит к вредному концу. Когда советует заниматься ходатайством и посещениями благочестивыми, которыми выгоняет нас из духовных убежищ монастыря и уединения любезного покоя или когда внушает предпринимать также заботы о благочестивых и беспомощных женщинах, чтобы, такими сетями опутав монаха, развлекать гибельными занятиями, или когда под предлогом назидания многих и по любви к духовной пользе подстрекает желать священной обязанности клирика, через это отвлекает нас от смирения нашего намерения и от строгости. Хотя все это противно нашему спасению и званию, однако, прикрытое некоторым покровом милосердия и благочестия, легко обольщает неопытных и неосторожных. Ибо они подражают монетам истинного царя, – в настоящее время кажутся полными благочестия; но они изображены незаконными монетчиками, т.е. не опытными и православными отцами; происходят не из главной и общественной мастерской их собеседования, но воровски, обманом бесов распространяются, не без вреда для всех неопытных и несведущих. Хотя это в настоящее время может казаться полезным и необходимым, однако если после оказывается противным правилам нашего звания и ослабляет некоторым образом наше намерение, то хотя бы это и казалось необходимым, но соблазняющим членом, который исполнял бы должность правой руки или ноги, для нас спасительно отсечь его и бросить от себя (Мф 18, 8). Ибо лучше без члена одной заповеди (т.е. без делания или плода, а во всем прочем пребывать здоровым и крепким) и как бы слабому войти в Царство Божие, нежели при соблюдении заповеди впасть в какой-либо соблазн, который гибельной привычкою

нас, уклонившихся от правил строгости и воспринятого намерения, доведет до такого вреда, который, не вознаграждая будущих лишений, все прошлые плоды и все тело нашего делания сожжет в огне геенском. О таких обольщениях хорошо говорится и в Притчах: «есть пути, которые кажутся человеку прямыми; но конец их – путь к смерти» (Притч 14, 12). Злой вредит, когда смешивается с праведным (Притч 11, 15), т.е. дьявол обольщает, когда прикрывается видом святости, но «ненавидит голос утверждения» (Притч 11, 15), т.е. силу рассудительности, которая происходит от слов и увещевания старцев.

Глава 21. О прельщении аввы Иоанна

Мы узнали, что этим недавно был прельщен и авва Иоанн Ликопольский. Ибо когда, истощив и ослабив тело двухдневным постом, не принимая пищи, на следующий день приступил к обеду, то дьявол, придя в виде черного эфиопа и упав на колени перед ним, говорил: «прости меня, что я наложил на тебя этот труд». Итак, этот муж, столь совершенный в рассудительности, понял, что под видом воздержания, несоразмерно соблюдаемого, он был обманут хитростью дьявола, предаваясь такому посту, который ослабленное тело привел в изнеможение не то что необходимое, а даже еще и вредное духу. Он был обманут ложной монетою, когда, уважая в ней изображение истинного царя, мало рассуждал: законно ли оно было сделано. А последнее наблюдение этого опытного монетчика, которое относится к исследованию веса, будет исполнено нами, если, когда помысел наш внушает что-либо сделать, мы, положив это на весы нашего сердца, самым точным взвешиванием будем исследовать, полно ли оно всеобщей честности (Или имеет ли полную ценность?), тяготеет ли страхом Божиим, цело ли по чувству, не легковесно ли оно самовысказыванием перед людьми или каким-либо предрассудком новизны,

суетное тщеславие не уменьшило ли тяжесть его заслуги или не обгрызло ли славолюбие. И таким образом тотчас взвешивая на общественном испытании, т.е. сличая с действиями и свидетельствами пророков и апостолов, мы или должны принимать это как целое, совершенное, равновесное с ними; или со всею осторожностью должны отвергать как несовершенное, вредное и несогласное с их весом.

Глава 22. О четырех способах рассудительности

Итак, это необходимое для нас различие будет совершаться четырьмя способами, как мы сказали, т.е. во-первых, нужно нам знать – вещество истинного золота или поддельное, фальшивое; во-вторых, те помыслы, которые принимают вид дел благочестия, мы должны отвергать, как фальшивую, поддельную монету, так как она содержит ложное изображение царя, незаконно отчеканенное; в-третьих, различая то, что на драгоценном золоте Св. Писания, в поврежденном, еретическом смысле, представляет лицо неистинного царя, а тирана, мы должны отвергать; в-четвертых, то, тяжесть и ценность чего разъедается ржавчиной суетности и не может равняться с весом (разумением) старцев, мы должны отвергать, как монету легкую, поврежденную и меньше весящую, чтобы, греша в том, что мы, по заповеди Господней, всею силою должны соблюдать, нам не лишиться всех наград за наши труды и заслуги. «Не собирайте себе, – сказано, – сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут» (Мф 6, 19). Ибо когда что-нибудь мы делаем для славы человеческой, то, по изречению Господа, мы собираем себе сокровище на земле, и оно, как скрытое и закопанное в земле, будет расхищено разными бесами, истреблено едкой ржавчиною тщеславия или съедено молью гордости, так что не послужит ни к какой пользе и выгоде скрывающего. Итак, постоянно должны осматривать все сокровенности нашего

сердца и зорким исследованием замечать следы входящих, чтобы умственный зверь, лев или дракон, как-нибудь проходя туда, скрытно не запечатлел гибельных следов, по которым откроется вход и прочим зверям в сокровенность нашего сердца. И таким образом, ежечасно и ежеминутно возделывая землю нашего сердца евангельским плугом, т.е. постоянной памятью о кресте Господа, мы сможем разорить логовища вредных зверей и норы ядовитых змей и выгнать из себя.

Глава 23. О речи учителя по заслугам слушателей

Старец, видя, что мы удивляемся этому и что желаем слышать слова его, немного помолчав, опять начал говорить. Поскольку желание ваше продолжило разговор на столь долгое время и вы еще желаете слушать, так что я могу заключить, что вы действительно жаждете познать путь к совершенству, то я хочу побеседовать с вами о превосходном благе рассудительности, которая среди других добродетелей есть как бы некоторый укрепленный и главный город, – и показать превосходство ее, высоту и пользу, руководствуясь не только собственными понятиями и примерами, но и мнениями древних отцов. Помню, что некоторым, со стенанием и слезами просящим такого наставления, я при всем желании никак не мог преподать, и у меня не было не только мысли, но и самого слова, так что я не находил, как отпустить их даже с малым утешением. Из этого видно, что по достоинству и усердию слушающих благодать Господня внушает слово говорящим. Поскольку оставшееся время ночи не позволяет продолжить слово, то, этот остаток ночи употребив на необходимый покой телесный, на следующий день или ночь мы предложим цельное исследование в полном составе. Добрым слушателям учения о рассудительности нужно особенно показать старательность своего ума: способны ли, могут ли они вместить его, должны доказать терпением и тем знаком, по которому видно, что рассуждающие об этой

добродетели, родительнице умеренности, не допускали противного ей порока чрезмерности, делом и поступками нарушая силу разума и хваля его только на словах.

Следовательно, рассудительность о которой мы предполагаем рассуждать, сколько даст Господь, полезна прежде всего тем, что нам, рассуждающим о ее превосходстве и умеренности – первом ее качестве, не позволяет превышать меру настоящего рассуждения или времени. Итак, блаженный Моисей, этим закончив собеседование, посоветовал нам немного соснуть, предлагая лечь на тех же рогожках, на которых мы сидели, вместо изголовья подложив под свои головы снопы, связанные из толстого папира в длинные и тонкие пучки. Они, будучи связаны вместе, служат низким сидением братьям, сидящим в собрании, подложенные под шею спящих, доставляют голове не очень жесткую, но удобную подставку. Для этого употребления они считаются у монахов очень удобными, потому что не только мягки, достаются малой ценою и трудом, так как папир растет по берегам Нила, никому никто не запрещает рубить его по желанию, да и для переноски он удобен, легок. Таким образом по приказанию старца мы расположились спать, воодушевившись удовольствием от предложенного собеседования и с ожиданием обещанного рассуждения.

* * *

2

В «Добротолюбии» это переведено: если же забудем эту цель, то обязательно нам, как идущим во тьме и не прямым путем, часто спотыкаться и многократно заблуждаться.

3

Эта глава в «Добротолюбии» яснее изложена, потому из него и помещена здесь.

Второе собеседование аввы Моисея. О рассудительности

Глава 1

Когда, вкусив сна, утром, после восхода солнца, мы стали просить об обещанном рассуждении, то блаженный Моисей продолжил беседу. Намереваясь говорить о благе рассудительности и важности ее, считаем нужным доказать превосходство ее сначала мнениями отцов, чтобы, показав, как думали о ней наши предки, и представив как в прежние, так и в новые времена преткновения и падения многих, которые оттого и подверглись гибельному падению, что не имели рассудительности, мы могли бы раскрыть пользу и выгоды ее. Ибо она есть не малая какая добродетель и не может быть приобретена только человеческим старанием, а подается по божественной благодати и дару. Она причисляется к особенным дарам Св. Духа, о которых говорит апостол: «одному дается Духом слово мудрости; иному вера, тем же Духом; иному дары исцелений тем же Духом; иному различение духов»; и после исчисления духовных даров прибавляет: «все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно» (1Кор 12, 8-11). Итак, видите, что дар различения или рассудительности есть не земной и не малый, но величайший дар божественной благодати. Если монах не будет искать его со всем старанием и с помощью здравого рассуждения не приобретет этого распознавания входящих в него духов, то он, как блуждающий ночью в густой тьме, не только обязательно будет падать в глубокие рвы пороков, но часто спотыкаться и на гладких, ровных местах.

Глава 2. Польза рассудительности доказывается мнением аввы Антония

Помню, когда я еще в молодые годы находился в пределах Фиваиды, где обитал блаженный Антоний, старцы собрались к нему для рассуждения о совершенстве. С вечера до утра продолжалось собеседование, исследовали, какая добродетель больше всех, какая бы могла всегда сохранять монаха невредимым от сетей обольщений дьявола и вести прямым путем кверху совершенства. Каждый по своему понятию высказывал мнение. Одни видели это в усердии к посту и бдению, потому что посредством их утончается дух, приобретается чистота сердца и тела, и потому удобнее можно соединяться с Богом. Другие видели в нестяжании и презрении всех вещей, от которых отрешившись, как от задерживающих уз, дух свободнее приближается к Богу. Иные считали необходимым отшельничество, т.е. удаление в пустыню на уединение, в котором пребывающий может дерзновеннее молиться и лучше прилепляться к Нему. Некоторые утверждали, что надо исполнять обязанности любви или человеколюбия, потому что преимущественно за это Господь в Евангелии обещает Царство Небесное, говоря: «приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня» и пр. (Мф 25, 34–35).

Когда таким образом каждый по-своему представлял различные добродетели, посредством которых человек удобнее может приблизиться к Богу, и уже большая часть ночи прошла в этом исследовании, блаженный Антоний наконец стал говорить: все это, о чем вы говорите, нужно и полезно ищущим Бога и желающим прийти к Нему. Но всем этим добродетелям отдать первенство не позволяют бесчисленные опыты и падения многих. Ибо некоторые часто жестоко сокрушали себя постом и бдением, пребывали в пустынном уединении, доходили до такой нестяжательности,

что не оставляли себе и на один день пищи, и до того исполняли долг милостыни, что не оставалось у них средств для подаяния. Но после всего этого они жалким образом уклонились от добродетели и впали в порок. Что же было причиною их прельщения и падения? По моему мнению, не что иное, как недостаток в них рассудительности. Ибо она учит человека идти царским путем, сторонясь крайностей с обеих сторон: с правой стороны не допускает обольщаться чрезмерным воздержанием, с левой – увлекаться к беспечности и расслаблению. Рассудительность в Евангелии называется глазом и светильником души, как говорит Спаситель: «светильник для тела есть око. Итак, если око твоё будет чисто, то все тело твоё будет светло; если же око твоё будет худо, то все тело твоё будет темно» (Мф 6, 22-23). Это потому, что рассудительность, исследуя все мысли и дела человека, отлучает и отстраняет всякое зло и неугодное Богу дело и удаляет от него всякое обольщение.

Глава 3. О грехе Саула, который прельстился по нерассудительности

Всякий может видеть это и из повествований Св. Писания. Саул, которому первому вверено было Израильское царство, поскольку не имел рассудительности, будучи помрачен разумом, не мог понять, что повиновение воле св. Самуила было гораздо угоднее Богу, нежели принести жертву (1Пар 10, 8); и чем думал угодить Богу, тем прогневал Его, и отвержен от царства, чего не случилось бы, если бы снискал себе свет рассудительности.

Глава 4. Польза рассудительности доказывается священным писанием

Рассудительность и апостол называет солнцем, когда говорит: «солнце да не зайдет во гневе вашем» (Еф 4, 26). Она называется также кормилом жизни, как сказано в Св.

Писании, «при недостатке попечения (управления) падает народ» (Притч 11, 14). Она в Св. Писании называется советом, без которого мы не можем ничего делать, так что без него не позволяет пить и само духовное вино, веселящее сердце человека, по следующему изречению: «с советом все делай, с советом пей вино» (Притч 31, 4), и еще: «что город разрушенный, без стен, то человек, не владеющий духом своим» (Притч 25, 28). В ней состоит премудрость, в ней разум и смысл, без которых нельзя ни созидать внутренний наш дом, ни собирать – духовное богатство, как сказано: «мудростью устрояется дом и разумом утверждается» (Притч 24, 3). Она называется крепкой пищею, свойственной тем, которые навыком приучили чувства к различению добра и зла (Евр 5, 14). Из этого ясно открывается, что без дара рассудительности не может стоять никакая добродетель или пребывать твердой до конца. Ибо она есть мать, хранительница и управительница всех добродетелей.

Глава 5. О смерти старца Ирона

Вот мнение и решение св. Антония, с которым и прочие отцы согласны были! Но чтобы решение св. Антония утвердить новейшими примерами и опытами наших времен, вспомните о жалком падении старца Ирона, которому он подвергся перед нашими глазами несколько дней назад; как он, прельщенный дьяволом, с такой высоты жизни низвергся в бездну смерти. Мы помним, что он пятьдесят лет пребывал в пустыне, вел самый суровый образ жизни, хранил строгое воздержание, пребывал в глубокой пустыне и более всех, здесь живущих, предавался уединению. Но после таких трудов и подвигов он, поруганный дьяволом, подвергся тягчайшему падению, причинив безутешную скорбь живущим в пустыне отцам и братьям. От этого не пострадал бы он, если бы обладал добродетелью рассудительности, которая научила бы его повиноваться не собственному помыслу, но совету отцов и

братьев. Следуя собственному помыслу, он до того заботился о посте и уединении от людей, что и в праздник святой Пасхи не приходил в церковь, опасаясь, чтобы, сойдясь с отцами и братьями и едя вместе с ними, не вкусить овощей или чего-либо другого, предложенного на трапезе, и не показаться отпадшим от своей цели и правила. Итак, долго прельщаемый своею волею, он принял к себе ангела сатаны и, поклонившись ему, как ангелу света, получил от него повеление – в полночь броситься в глубокий колодец, чтобы опытом удостовериться, что он по заслугам своих добродетелей и трудов уже не подвергнется никакой опасности. Не размышляя в уме своем о том, кто это советовал, омрачившись рассудком, он в полночь бросился в колодец. Немного спустя братья, узнав о случившемся, с великим трудом смогли вытащить его полумертвого. Прожив после извлечения два дня, в третий он помер, оставив безутешную печаль братьям и настоятелю Пафнутию⁴, который, будучи движим великим человеколюбием и помня великие его труды и многочисленность лет, проведенных им в пустыне, не лишил его поминаения и приношения за усопших, чтобы он не был причислен к самоубийцам.

Глава 6. О падении двух братьев по нерассудительности

Что сказать о тех двух братьях, которые обитали по ту сторону пустыни фиваидской, где жил некогда блаженный Антоний? Они, будучи движимы необдуманной мыслью, вознамерились идти во внутренность обширной, неводеланной пустыни, решив не принимать пищи от человека, кроме той, какую Господь чудесно подаст им. Когда они блуждали по пустыне и изнемогли от голода, издалека увидели их мазики, – народ из всех диких едва ли не самый дикий и жестокий. По действию промысла Божия они переменили свойственную им жестокость на человеколюбие и

встретили их с хлебами. Один из указанных братьев, обретя разум, с радостью и благодарностью принял хлебы, рассуждая, что столь дикие, жестокие и всегда жаждущие крови человеческой люди не оказали бы сострадания к изнемогшим и не принесли бы пищи, если бы Бог не побудил их к этому. Но другой, отказавшись от пищи, так как она принесена была людьми, и оставшись верным безрассудному обещанию, умер от голода. Хотя оба они, имев сначала весьма худое намерение, были полны безрассудной и губительной решимости. Впрочем один, образумившись, исправил то, что безрассудно и неосторожно предпринял; а другой, не имея рассудительности, сам себе причинил смерть, которую Господь хотел отвратить.

Глава 7. О прельщении другого по нерассудительности

Что сказать о том, имя которого я не хочу назвать, потому что он еще жив. Он, часто принимая демона за ангела, получая через него откровения и часто видя свет без светильника в своей келье, наконец получает от него повеление принести в жертву Богу своего сына, находившегося с ним в монастыре, чтобы таким образом удостоиться чести патриарха Авраама. Советом демона он до того был прельщен, что действительно совершил бы заклятие своего сына, если бы сын не заметил, что отец его против обыкновения точит нож и готовит путы, чтобы ими связать его для принесения в жертву, и не спасся бегством.

Глава 8. О прельщении и падении месопотамского монаха

Долго было бы рассказывать о прельщении этого месопотамлянина, который, оказав такое воздержание и проведя много лет в келейном заключении, наконец осмеян был дьявольскими откровениями и сновидениями, так что после таких трудов и добродетелей, которыми превосходил

всех находившихся там монахов, впал наконец в иудейство и обрезание. Дьявол, желая прельстить его, часто показывал ему истинные сновидения, чтобы через это расположить его к принятию того обольщения, в которое хотел ввести его после. Итак, в одну ночь показывает ему с одной стороны народ христианский с апостолами и мучениками мрачным, покрытым всяким бесславием, изнуренным от скорби и плача, а с другой – народ иудейский с Моисеем, патриархами и пророками – в сиянии лучезарного света и живущий в радости и веселье. Между тем прельститель советовал ему принять обрезание, если хочет участвовать в блаженстве, и радости народа иудейского, что прельщенный действительно и исполнил. Из всего сказанного видно, что все, о ком мы говорили, не были бы осмеяны столь жалким и бедственным образом, если бы имели в себе дар рассудительности.

Глава 9. Вопрос о приобретении истинной рассудительности

После этого Герман сказал: и новейшими примерами, и мнениями древних отцов доказано, что рассудительность есть источник и корень всех добродетелей. Но мы желаем знать, каким образом можем приобрести ее, и как можно отличить истинную, от Бога происходящую рассудительность от ложной, притворной и дьявольской?

Глава 10. Ответ: как приобретается истинная рассудительность

Авва Моисей отвечал: истинная рассудительность приобретается только истинным смирением, первым доказательством которого будет – открывать отцам не только дела, но и думы, ни в чем не доверять своему помыслу, но во всем следовать наставлениям старцев и считать хорошим или худым только то, что они признают таким. Такой способ не только помогает монаху безопасно пребывать в истинной

рассудительности и на правом пути, но и сохранит его невредимым от всех сетей дьявольских. Ибо невозможно пасть от бесовского прельщения тому, кто свою жизнь располагает не по своему суждению, а по совету преуспевших. Ибо прежде чем кто-либо удостоится дара рассудительности, само объявление и открытие перед отцами злых помыслов иссушает их и ослабляет. Ибо как змей, извлеченный из темной норы на свет, старается убежать и скрыться, так и злые помыслы, будучи обнаружены откровенным признанием и исповедью, стараются бежать от человека. Но чтобы точнее понять вам эту добродетель из примера, я расскажу одно дело аввы Серапиона ⁵, которое он сам часто рассказывал приходившим для предохранения.

Глава 11. Слова аввы Серапиона об ослаблении помыслов от открытия их и об опасности от самонадеянности

Он говорил так: в юных летах я жил со своим наставником аввой Феоною. Когда мы принимали пищу, я, вставая из-за стола, по внушению дьявола крал сухой хлебец и ел его тайно от своего аввы. И поскольку я делал это долгое время, то страсть эта овладела мною так, что я не мог преодолеть ее; я был осуждаем только своею совестью, а сказать об этом старцу стыдился. По усмотрению человеколюбивого Бога случилось некоторым братьям для своей пользы придти к старцу, и они спрашивали его о своих помыслах. Старец отвечал им: ничто столько не вредит монахам и ничто столько не радует бесов, как утаивание своих помыслов от духовных отцов; говорил им и о воздержании. При этом разговоре я пришел в себя, думал, что Бог открыл старцу мои прегрешения и, умилившись, начал плакать, вынул из-за пазухи хлебец, который обычно крал, и, упав на землю, просил простить мне прошедшее и молиться об обретении твердости в будущем. Тогда старец сказал: сын мой! признание твое и при моем

молчании освободило тебя от этого плена; открыв свои поступки, ты поразил беса, уязвлявшего тебя при твоём молчании. До сих пор ты допускал ему обладать тобою, не противореча ему, не обличая его, а теперь, будучи выведен из твоего сердца и обнаружен, он уже не будет иметь в тебе места. Старец не окончил ещё речи, как показалось, будто горящая свеча вышла из моей пазухи и наполнила дом зловонием, так что присутствующие думали, будто горит сера. Тогда старец сказал: вот Господь явно подтвердил тебе истину моих слов и твоего освобождения. Таким образом, от признания этого отступила от меня страсть чревоугодия и её дьявольское действие, так что с тех пор даже на ум не приходило мне такое пожелание. Итак, вот и из повести аввы Серапиона мы научаемся, что тогда мы удостоимся даров истинной рассудительности, когда станем доверять не внушениям своего разума, но учению и наставлению отцов. Ибо дьявол никаким другим пороком настолько не возносит монаха на стремнины и не приводит к смерти, как тем, что убеждает его пренебрегать советами отцов и последовать своему мнению и своей воле. Даже взяв примеры из человеческих искусств и наук, мы можем получить наставление. Ибо, если и руками осязая их, и глазами видя, и ушами слыша, не можем сами преуспеть в них, но нуждаемся в учителе, то не безумно ли думать, что не требует наставника труднейшая из всех наук – наука духовная, которая есть невидима, сокровенна и созерцаема одной чистотою сердца, незнание которой рождает не временный ущерб, но гибель души и вечную смерть? Она ведет днем и ночью войну не против видимых, но невидимых и свирепых врагов, не против одного или двоих, но против бесчисленного полчища, падение от которого тем губительнее, чем злее враги и коварнее нападение. Поэтому всегда надо тщательно следовать по стопам старцев и, отвергнув стыд, открывать им все, что происходит в нашем сердце.

Глава 12. Признание в стыдливости, по которой затруднительно открывать помыслы старцам

Герман сказал: предлог нашей стыдливости и утаивание помыслов происходит обычно от вредного страха, потому что некоторые отцы, выслушав помыслы своих братьев; не только не исцеляли их, но укоряли и повергали в отчаяние. Такое происшествие, случившееся в Сирии, знаем мы сами. Некий брат одному из находящихся там старцев рассказал свои помыслы со всею простотою и истиною и, не стыдясь, обнажил тайны своего сердца. Но тот, услышав это, стал негодовать на брата, укорял его за такие худые помыслы, так что многие, слыша это, стали стыдиться открывать свои помыслы старцам.

Глава 13. Ответ об отвержении стыдливости и об опасности не сострадающего

Авва Моисей сказал: полезно, как я сказал, не скрывать своих помыслов от отцов; впрочем, не всякому нужно говорить, а открывать старцам духовным, имеющим рассудительность, поседевшим не от времени. Ибо многие, доверяя летам старца и открывая свои помыслы, вместо исцеления, впали в отчаяние по неопытности духовников. Был один брат, очень старательный, но, терпя жестокие нападения от беса блуда, пришел к некому старцу и рассказал ему свои помыслы. Тот, будучи неопытен, услышав это, вознегодовал на брата, имевшего такие помыслы, называя его окаянным и недостойным монашеского образа. Брат, услышав это, отчаялся о себе и, оставив свою келью, возвратился в мир. Но по Божию промыслу встречается с ним авва Аполлос, опытейший из старцев; видя его смущение и великую печаль, спросил его: «сын мой! какова причина такой скорби?» Он сначала не отвечал от великого уныния, но после многих увещаний старца рассказал ему о своих обстоятельствах. Часто, говорил он, помыслы смущают меня; я пошел и открыл

такому-то старцу и, по словам его, нет мне надежды на спасение; в отчаянии я иду в мир. Отец Аполлос, услышав это, долго утешал и вразумлял брата, говоря: «не удивляйся, сын мой, и не отчаивайся о себе. Я, будучи так стар и сед, терплю жестокие нападения от этих помыслов. Итак, не малодушествуй в таком искушении, которое исцеляется не столько человеческим старанием, сколько человеколюбием Божиим. Только послушай меня теперь, возвратись в свою келью». Брат сделал это.

Авва Аполлос, расставшись с ним, пошел в келью старца, отлучившего брата, и, став возле нее, со слезами молил Бога так: «Господи! посылающий искушения на пользу нашу, пошли напасти брата на этого старца, чтобы в старости своей по опыту он узнал то, чему не научился за столь долгое время, – узнал, как сострадать поражаемым дьяволом». После окончания молитвы видит эфиопа, стоящего близ кельи и бросающего стрелы в старца. Уязвленный ими, как от вина колебался он и, не в силах снести, вышел из кельи и пошел в мир тем же путем, которым шел и младший брат. Авва Аполлос, узнав это, вышел к нему навстречу и спросил у него: «куда ты идешь и какая причина такого твоего смущения?» Тот, думая, что святому известно случившееся с ним, от стыда ничего не отвечал. Тогда авва Аполлос сказал ему: «возвратись в свою келью, отсюда познай свою немощь и считай себя или неизвестным прежде дьяволу, или презренным от него. Ибо ты не удостоился вступить в войну с ним. Что я говорю – в войну? Ты и единого дня не мог выдержать его нападения. Это случилось с тобою за то, что ты, приняв у себя младшего брата, который вел войну против общего врага, вместо того, чтобы поощрить его к подвигу, вверг его в отчаяние, не подумав, чего требует премудрая заповедь: «спасай взятых на смерть, и неужели откажешься от обреченных на убиение?» (Притч 24, 11); и даже о чем говорит

притча, относящаяся к Спасителю нашему: «трости надломленной не преломит и льна курящегося не угасит» (Мф 12, 20). Ибо никто не мог бы устоять против коварства врага и даже пригасить пламенное движение природы, если бы благодать Божия не помогала немощи человеческой. Итак, когда исполнилось это спасительное благодеяние Божие, станем общими молитвами просить Бога, чтобы Он отнял простертый и на тебя бич. «Он поражает, и Его же руки врачуют» (Иов 5, 18); «умерщвляет и оживляет, низводит в преисподнюю и возводит, ...унижает и возвышает» (1Цар 2, 6–7)». Сказав это и помолившись, тотчас избавил его от наведенной на него напасти и советовал ему просить от Бога, чтобы «дал... язык мудрых, чтобы... мог словом подкреплять изнемогающего» (Ис 50, 4).

Из всего сказанного познаем, что нет другого надежнейшего пути к спасению, как открывать свои помыслы рассудительнейшим отцам и иметь их руководителями к добродетели, а не следовать собственному помыслу и рассуждению. А из-за неопытности, неискусности, простоты одного или нескольких не нужно опасаться открывать свои помыслы отцам опытейшим. Ибо и они не по собственному побуждению, но по внушению от Бога и Божественного Писания заповедали младшим спрашивать старших.

Глава 14. О призвании Самуила

Как приятно Богу это установление, можно видеть из Св. Писания, особенно из истории св. Самуила. Он, будучи с младенчества посвящен матерью Богу и удостоясь беседы с Богом, не поверил своему помыслу, но, дважды воззванный Богом, спешит к старцу Илию и от него получает наставление и правило, как подобает отвечать Богу; таким образом и того, кого Бог удостоил собеседования с Собою, Он восхотел руководить учением и наставлением старца, чтобы через то

вести его к смирению.

Глава 15. О призвании апостола Павла

И Христос, Сам призывая Павла и разговаривая с ним, хотя мог тотчас открыть глаза его и показать путь к совершенству, но отсылает к Анании и повелевает от него научиться пути истины, говоря: «встань и иди в город; и сказано будет тебе, что тебе надобно делать» (Деян. 9, 6), этим научая нас следовать опытнейшим. Но да не будет когда-либо достойный пример Павла для малоопытных, худо понимающих его, поводом к своеванию, по которому каждый хотел бы, подобно Павлу, быть ведомым к истине самим Богом, а не отцами. А что это истинно, можно видеть не только из вышесказанного, но и из того, что апостол показал на деле, как говорит в послании: «ходил я в Иерусалим видеться с Петром... и предложил... благовествование, проповедуемое мною язычникам, не напрасно ли я подвизаюсь или подвизался» (Гал 1:18, 2:2), хотя и сопутствовала ему благодать Св. Духа в силе знамений, которые он творил. Поэтому кто будет настолько горд и кичлив, чтобы стал основываться на собственном мнении и суждении, когда сосуд избранный сознается, что он имел нужду в совете предшествовавших ему апостолов? Таким образом, совершенно ясно доказывается, что Господь никому не открывает пути совершенства, кроме руководимых духовными отцами, как и через пророка говорит: «спроси отца твоего, и он возвестит тебе, старцев твоих, и они скажут тебе» (Втор 32, 7).

Глава 16. О приобретении рассудительности

Итак, всей силою и со всей тщательностью мы должны стараться смирением приобрести себе благой дар рассудительности, которая может сохранить нас невредимыми от чрезмерности с обеих сторон. Ибо, как говорят отцы,

крайности с той и с другой стороны одинаково вредны, – и излишество поста и пресыщение чрева, чрезмерность бдения и продолжительность сна и прочие излишества. Ибо знаем мы некоторых не побежденных чревоугодием, но низложенных безмерным постом и впавших в ту же страсть чревоугодия по причине слабости, происшедшей от чрезмерного поста.

Глава 17. О неумеренном посте и бдении

Помню, что и я испытал нечто подобное, постясь до того, что потерял желание есть и пребывал два или три дня без пищи, пока другие не побудили меня к принятию ее. Также по коварному действию дьявола сон до того удалился от глаз моих, что я, проводя много ночей без сна, молил Господа, чтобы немного соснуть мне. И я был в большей опасности от неумеренности в посте и бдении, нежели от чревоугодия и долгого сна. Итак, нам следует заботиться как о том, чтобы по желанию плотского удовольствия не принять пищи прежде назначенного времени или сверх меры, так и о том, чтобы употреблять ее и спать в назначенный час, даже если не хочется. Потому что и чрезмерное желание плотского удовольствия и отвращение от пищи и сна возбуждаются врагом нашим; неумеренное воздержание вреднее пресыщения, потому что при содействии раскаяния можно от последнего перейти к правильному рассуждению, а от первого нельзя.

Глава 18. Вопрос о мере воздержания или употребления пищи

При этом Герман спросил: в чем же состоит умеренность, соблюдая которую, мы можем пройти между обеими крайностями?

Глава 19. О лучшей мере ежедневного употребления пищи

На это авва Моисей отвечал так: знаем, что об этом предмете предки наши часто рассуждали по той причине, что люди довольствуются не одинаковой пищей: одни питаются бобами, а другие овощами или яблоками. Всему этому они предпочли хлеб, которого постановили употреблять два небольших хлебца весом около фунта.

Глава 20. Возражение касательно легкости воздержания, которое ограничивается двумя хлебцами

Герман на это сказал: хотя мы беспрекословно принимаем это определение, но означенную меру не считаем за воздержание, потому что нельзя употребить целый хлеб.

Глава 21. Ответ: как нужно соблюдать указанное правило воздержания

Моисей на это отвечал: если вы хотите испытать силу этого определения, то постоянно держитесь этой меры, не прибавляя ничего вареного ни в воскресный день, ни в субботу, ни по случаю посещения братьев. Потому что подкрепивши себя вареным, можно не только меньшей мерою довольствоваться в остальные дни, но и без труда долго не употреблять любую пищу, между тем как тот, кто постоянно держится означенной меры, тот не может ни этого делать, ни откладывать употребление хлеба до другого дня. Поэтому-то старцы наши с таким усилием и воздержанием сохраняли эту меру, так что нехотя и с прискорбием прекращали употребление этого рода пищи.

Глава 22. Какая должна быть общая мера воздержания и принятия пищи

Впрочем, общее правило умеренности состоит в том, чтобы каждый сообразно с силами, состоянием тела и возрастом столько пищи вкушал, сколько нужно для поддержания

здоровья тела, а не сколько требует желание сытости. Кто не соблюдает одинаковой меры, – то чрезмерно постится, то пресыщается, – тот вредит как молитве, так и целомудрию; молитве – потому, что от голода не может быть бодрым в молитве, ибо от бессилия склоняется ко сну, а от объедения не может чисто и часто молиться; а целомудрию – потому, что тот огонь плотской похоти, который разжигается от чрезмерного употребления пищи, продолжается даже и во время строгого поста.

Глава 23. Как предотвращать избыток семенной влаги

Что однажды скопилось в членах от избытка пищи, то обязательно испражняется, изгоняется по закону самой природы, которая не терпит, чтобы оставался в ней какой-либо избыток влаги, как вредный ей и противный. Потому всегда надо обуздывать тело разумной и ровной воздержностью, чтобы, если пребывающие в плоти не могут не иметь этой природной потребности, по крайней мере, реже случалось у нас это истечение (семени) – не больше трех раз в течение всего года. Впрочем, и это пусть бы испражнялось во время спокойного сна без любострастного раздражения, а не от обольстительных мечтаний, которые указывают на скрытное удовольствие. Поэтому умеренность, по мнению отцов, состоит в том, чтобы ежедневно употреблять столько пищи, чтобы после вкушения всегда чувствовать голод. Такая мера сохранит душу и тело в одинаковом состоянии и не позволит человеку уклониться ни в чрезмерный пост, ни в пресыщение, подавляющее дух. Плодом же ее бывает такая трезвость, что человек иногда не чувствует или не помнит, что он вкушал пищу.

Глава 24. О трудности равномерного питания и пресыщении брата Вениамина

Что такой умеренности не без труда можно достигнуть, это

доказывают собою те не имеющие рассудительности люди, которые желают лучше два дня поститься, и которые то, что должны употребить сегодня, откладывают до завтра; но когда им нужно подкрепить себя, то пресыщаются. Такого обыкновения держался один брат, соотечественник вам – Вениамин, который вместо того, чтобы ежедневно употреблять по два хлебца и таким образом соблюсти одинаковую умеренность, постился по два дня; но зато, когда подкреплял себя пищею, то употреблял вдвойне, т.е. по четыре хлебца. Вы помните, какой конец имело это обыкновение его, противное преданиям старцев и основанное на сомнении. Оставив пустыню, он обратился к тщетной философии мирской и суете века сего и падением своим оправдал то мнение старцев, что полагающийся на свое мнение и доверяющий своему рассуждению не может достигнуть высоты совершенства и избежать гибельных обольщений дьявола.

Глава 25. Вопрос: как соблюсти всегда одну и ту же меру?

Герман спросил: как же можно нам ненарушимо сохранить эту меру? Ибо иногда в девятом (третьем) часу, уже после разрешения ⁶ поста, по случаю посещения братьев необходимо бывает ради них или прибавить к установленной, обычной мере пищи, или совсем отказаться от гостеприимства, которое повелевается нам оказывать всем.

Глава 26. Ответ о том, что нельзя превышать меру употребления пищи

Моисей на это сказал: то и другое в одинаковой мере и с равной заботою нужно исполнять, т.е. мы должны в точности соблюдать и меру употребления пищи для сохранения умеренности и целомудрия, и оказывать гостеприимство и уважение посещающим братьям ради любви; потому что

безрассудно было бы, предлагая трапезу брату или даже Христу, не разделять ее с ним. В том и другом случае мы будем безукоризненны, если станем держаться такого обычая, чтобы в девятом (третьем) часу из двух хлебцев, назначенных нам узаконенной мерою, съесть один хлебец, а другой оставить к вечеру в ожидании посещения брата, и если кто придет из братьев, то съесть его вместе с пришедшим, не прибавляя ничего против принятого обычая. При таком распределении не опечалит нас и посещение брата, которое должно быть для нас приятно, и, оказывая гостеприимство, мы нисколько не ослабим строгости воздержания. Если же никто не придет, то свободно съедим его одни, как назначенный в узаконенной мере. Таким употреблением пищи мы не обременим желудка ввечеру, как это обычно случается с теми, которые, заботясь о строгом воздержании, откладывают употребление пищи до вечера, и сохраним охоту и усердие к вечерним и ночным молитвам. Итак, удобно и полезно принимать пищу в девятом часу; ибо монах, подкрепляющий себя пищею в это время, не только бывает легким и бодрым в ночных бдениях, но и к вечерним собраниям уже бывает способен. Такими-то, столь высокими наставлениями возвеселил нас блаженный Моисей, так что мы, получив назидание, прославили Господа, дающего такую премудрость боящимся Его.

* * *

4

Этого Пафнутия, пресвитера Скитского, надо отличать от Пафнутия, епископа верхней Фиваиды, бывшего на Никейском соборе.

5

Из трех известных Серапионов-подвижников один был

епископом, посвященным от св. Афанасия Великого, второй был так называемый Синдонит; здесь подразумевается третий – арсеноитский настоятель 10 тыс. монахов. О нем говорится в «Лавсаике» гл. 76. Ему принадлежит 5-е собеседование

6

То есть после вкушения пищи

Третье собеседование аввы Пафнутия. О трех отречениях от мира

Глава 1

В лике святых, сиявших как чистейшие звезды в ночи мира, наподобие великого светила блистал светлостью знания св. Пафнутий. Он был пресвитером в нашем собрании, которое находилось в скитской пустыне. Пребывая здесь, он до последних лет не менял той кельи, в которой поселился вначале, хотя она отстояла от церкви тысяч на пять шагов. Обремененный годами, он не тяготился тем, что одолевал такое расстояние, приходя к церкви каждый субботний и воскресный день, и, не желая возвращаться оттуда праздным, возлагал на свою перевязь сосуд воды, которой надлежало пользоваться всю неделю, и приносил к келье. Он, даже перешагнув за девяносто лет, не позволял более молодым братьям делать это для себя. В юности своей он с таким усердием предавался правилам общежития, что за короткое время стяжал сокровище послушания и обогатился познанием всех добродетелей. Когда же через умерщвление своих желаний под наукою смирения и покорности он погасил в себе страсти и преуспел во всяких добродетелях, какие требуются и уставом монашеским, и учением древнейших отцов, то, воспламенившись желанием высшего совершенства, поспешил проникнуть в сокровеннейшие места пустыни, чтобы здесь,

без всякого развлечения общением с людьми, беспрепятственнее прилепиться к Господу, с Которым он жаждал пребывать нераздельно, находясь среди множества братьев. Здесь опять по рвению и любви к непрестанному божественному созерцанию он с такой заботливостью избегал взора других, что превзошел в этом всех отшельников. Для того уходил в дальние пустынные и неприступные места и укрывался в них долгое время, так что сами отшельники очень редко видали его. И нельзя было не верить, что он каждодневно наслаждается там обществом ангелов.

Глава 2. О речи этого старца и нашем ответе

Желая воспользоваться его наставлениями, а также смущаемые различными помыслами, уже под вечер мы пришли в его келью. После непродолжительного молчания он начал превозносить наше дело, т.е. что оставив отечество из любви к Богу, посетив столько областей, терпеливо сносим бедность и скуку пустыни и с таким рвением стремимся подражать их строгому образу жизни, который едва сносят и те, кто родились и выросли в нужде и скудости. На это мы отвечали, что мы заботливо искали его ради наставления и учения, – затем, чтобы сколько-нибудь настроить дух свой его правилами и совершенствами, бесчисленные доказательства которых уже видели и знаем, а не затем, чтобы принимать похвалу за добро, которого, однако, в нас нет, и меньше всего затем, чтобы, по поводу его бесед, предаваться высокомерию и возношению ума, которое и без того по внушению врага часто беспокоит нас в наших кельях. Почему желали бы услышать то, что сокрушало бы нас и смиряло, а не то, что может вести к самообольщению и гордости.

Глава 3. Предложение аввы Пафнутия о трех видах призвания и о трех отречениях

Тогда блаженный Пафнутий начал говорить: есть три

способа призвания, также признаем необходимыми и три отречения для монаха, каким бы образом он ни был призван. Но прежде следует знать, для чего сказал я о трех видах призвания. Это для того, чтобы мы, увидев, что пробуждены к богоугождению тем призванием, которое занимает первое место, старались соответственно высоте его учредить и весь образ своей жизни. Ибо нет никакой пользы от высокого начала, когда этому началу не будет соответствовать и конец. Увидев же, что изъяты из оков мира последним видом призвания, тем с большим рвением устремились достигнуть совершеннейшего конца, чем менее совершенным кажется начало нашего обращения к благочестию. Надлежит также знать и необходимость троякого отречения, ибо нельзя достигнуть совершенства, если мы или совсем не знаем о нем, или, зная, не стараемся совершить его самим делом.

Глава 4. Объяснение трех способов призвания

Будем теперь подробнее раскрывать эти три способа призвания. Первое из них бывает непосредственно от Бога, второе – через человека, а третье – от нужды. Призвание бывает от Бога, когда некое вдохновение, наполняя наше сердце, нередко даже во время сна, возбуждает нас искать вечной жизни и спасения и посредством спасительного сокрушения сердца невольно влечет обратиться к Богу и прилепиться к Его заповедям. Так Авраам, как читаем в Св. Писании, голосом Господним был вызван из места рождения своего, из приятного круга родных и из дома отеческого; потому что Сам Господь сказал ему: «пойди от земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего» (Быт. 12, 1). Этим же способом, как известно нам, призван и блаженный Антоний, который первое возбуждение к обращению воспринял от самого Божества. Ибо войдя в церковь и слыша здесь в Евангелии проповедь Господа: «если кто приходит ко Мне, и не возненавидит отца своего и матери, и жены, и детей, и

братьев, и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником» (Лк 14, 26); еще: «если хочешь быть совершенным, пойди продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною» (Мф 19, 21), – в величайшем сокрушении сердца принял это наставление так, будто оно относилось собственно к нему, и тотчас, оставив все, последовал Христу без посредства убеждения и учения человеческого.

Второго рода призвание, как мы сказали, бывает через человека, когда мы воспламеняемся желанием спасения, примерами или увещеваниями святых. Так призванными, по благодати Господа, признаем себя мы, которые предали себя таким занятиям и такому роду жизни, будучи поощрены к тому увещеваниями и добродетелями упомянутого мужа (т.е. св. Антония). Таким же способом, как читаем и в Св. Писании, сыны Израиля были освобождены Моисеем от рабства египетского (Исх 14).

Наконец третьего рода призвание есть то, которое бывает по необходимости. Когда мы, будучи привязаны к богатству и удовольствиям мира сего, подвергаемся неожиданным бедствиям, которые или угрожают опасностью жизни, или поражают потерей и лишением благ, или сокрушают смертью друзей, тогда как бы невольно вынуждены обратиться к Богу, Которого знать и искать не хотели во время счастья. Примеры такого призвания часто встречаем в Св. Писании. Так, когда сынов Израиля за грехи их Господь предавал в руки врагов, то по причине вражьего тиранства и жестокости они снова обращались к Нему и взывали. «И Господь воздвигнул им, – говорится, – спасителя Аода, сына Геры, сына Иеминиева, который был левша» (Суд. 3, 15); и еще несколько прежде: «возопили сыны Израилевы к Господу, и воздвигнул Господь спасителя сынам Израилевым, который спас их, Гофониила, сына Кеназа,

младшего брата Халевова» (Суд. 3, 9). О таковых говорится и в псалме: «когда Он убивал их, они искали Его и обращались, и с раннего утра прибегали к Богу, и вспоминали, что Бог – их прибежище, и Бог Всевышний – Избавитель их» (Пс. 77:34–35). И опять: «но воззвали к Господу в скорби своей, и Он спас их от бедствий их» (Пс.106:19).

Глава 5. Ленивому и первое призвание не на пользу, а ревностному и последнее не вредит

Из этих трех способов обращения, хотя первые два утверждают, кажется, на лучших началах, однако нередко находим, что и от последнего, который ниже других и не предполагает особенного жара ревности, выходят мужи совершенные, духом горящие, подобно тем, которые, лучше начав, остальное время жизни провели с похвальным рвением духа; как и наоборот, очень многие, упав с высшей в начале ступени по причине охлаждения, являлись в конце достойными осуждения. И потому, как первым нисколько не повредило то, что обратились не своею, по-видимому, волею, а принужденные обстоятельствами, так как случай, приведший их в сокрушение, учредила для них благодать Господня, так и последним не было никакой пользы от лучшего начала обращения, когда не заботились остальную часть жизни довести до соответственного им конца. Так авве Моисею, обитавшему в той части пустыни, которая называется Каламон, нисколько не препятствовало достигнуть совершеннейшего блаженства то, что он притек в монастырь, гонимый страхом смерти за человекоубийство; потому что, вынужденное обращение свое превратив готовностью духа в собственное желание сердца, он взошел потом на самый верх духовного совершенства. Напротив, очень многим, которых поименно приводить здесь не следует, нисколько не помогло хорошее начало, с каким принялись служить Господу, потому что затем по нерадению и ожесточению сердца они впали в

гибельное охлаждение и даже в самую пропасть духовной смерти. Очевиднейшее подтверждение этой истины видим в призывании апостолов. Что пользы было для Иуды от того, что он произвольно принял верховную степень апостольства, таким же порядком, каким призваны Петр и другие апостолы, когда он под конец, погубив преславное начало своего призывания ядом похоти и корыстолюбия, упал до того, что предал Господа, как жестокосердный убийца (Мф.26:14-16)? С другой стороны, какой вред для Павла от того, что внезапным ослеплением (Деян 9) как бы неволью привлечен на путь спасения, когда он, после с таким жаром следуя Господу, невольное начало обращения украшал добродетелью благочестием и жизнь свою, славную такими подвигами, заключил неподражаемой кончиною? Итак, все дело состоит в конце, в котором и удостоенный лучшего призвания может оказаться худшим по причине нерадения своего, а нуждою привлеченный принять чин монашества может явиться совершенным при помощи страха Божия и особенной ревности.

Глава 6. Объяснение трех отречений от мира

Теперь начнем рассуждать об отречениях, которых также три, как это подтверждается и преданием отцов и свидетельством Св. Писания, и которые каждый из нас непременно должен совершить со всем старанием. Первое из них есть то, в котором телесно оставляем все богатства и стяжания мира; второе – то, в котором оставляем прежние нравы и порочные страсти, как телесные, так и душевные; третье – то, в котором, отвлекая ум свой от всего настоящего и видимого, созерцаем только будущее и желаем невидимого. Эти три отречения все вместе повелел совершить Господь Аврааму, когда сказал ему: «пойди от земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего» (Быт 12, 1). Во-первых, сказал: «от земли твоей», т.е. от богатства мирского и

стяжаний земных; во-вторых, «от родства твоего», т.е. от прежнего образа жизни, прежних нравов и пороков, которые, прилепившись к нам с самого рождения, являются родственными и единокровными нам; в-третьих, «из дома отца твоего», т.е. от всякого воспоминания о мире и о всем, что представляется взору очей. О двух также отцах, т.е. том, которого оставить, и том, которого искать нужно, так воспевает Давид от лица Божия: «слыши, дочь, и смотри, и приклони ухо твое, и забудь народ твой, и дом отца твоего» (Пс 44, 11). Ибо кто говорит: «слыши, дочь», без сомнения, есть отец; но и тот, чей дом и народ советуется предать забвению, тем не менее признается отцом своей дочери. Всё же это совершается тогда, когда умерши со Христом для стихий этого мира, уже «смотрим, – по апостолу, – не на видимое, но на невидимое; ибо видимое временно, а невидимое вечно» (2Кор 4, 18), и, удалившись сердцем от того временного и видимого, очи свои и ум обращаем к тому, в чем пребываем постоянно, когда, пребывая во плоти, не по плоти воинствуем в Господе, делом и жизнью оправдывая следующее изречение апостола: «наше же жительство – на небесах» (Флп 3, 20). К этим же трем отречениям приспособлены и три книги Соломона. Так, Притчи приличествуют первому отречению, так как ими отсекается вожделение земных вещей и чувственных пороков; Екклесиаст – второму, так как в нем все, бывающее под солнцем, провозглашается суетным; Песни Песней – третьему, так как в них ум, возвышаясь над всем видимым, погружается в созерцание одних вещей небесных.

Глава 7. Как надо желать усовершенствования в каждом отречении от мира

Потому, при всей силе веры, немного пользы принесет нам первое отречение, если вслед за ним с таким же усердием и ревностью не позаботимся совершить и второе. Ибо только

тогда, как успеем стяжать второе, сможем достигнуть и третьего, в котором оставившие дом прежнего своего отца, который, как упомянули мы, есть отец от начала рождения нашего, по ветхому человеку и прежней жизни, когда мы «были естеством чада гнева, как и прочие» (Еф 2, 3), всецело устремим взор ума своего к небесному. Об этом отце говорится к Иерусалиму, презревшему истинного отца своего – Бога: «мать ваша Хеттеянка, и отец ваш Аморрей» (Иез.16:45). И в Евангелии: «ваш отец дьявол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего» (Ин 8, 44). Когда оставив его, мы вознесемся от видимого к невидимому, тогда можем сказать с апостолом: «ибо знаем, когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный» (2Кор 5, 1), и то, о чем мы упомянули несколько прежде: «наше же жительство – на небесах, откуда мы ожидаем и Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа, Который уничиженное тело наше преобразит так, что оно будет сообразно славному телу Его» (Флп 3, 20–21); и следующее изречение св. Давида: «странник я у Тебя и пришлец, как и все отцы мои» (Пс 38, 13), – чтобы, по слову Господа, и нам сделаться такими, каковы были те, о коих говорил Он в Евангелии к Отцу Своему: «они не от мира, как и Я не от мира» (Ин 17, 16), и потом к самим апостолам: «если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир» (Ин 15, 19).

Итак, тогда только мы удостоимся обладать истинным совершенством этого третьего отречения, когда ум наш, освобожденный разумным очищением от всякой страсти и услаждения земного, не стесняясь узами бранный плоти, при непрестанном размышлении о Божественных Писаниях и созерцании духовном, так далеко входит в область невидимого и до того углубляется в высшие бестелесные

предметы, что не чувствует ни своего положения телесного, ни даже плоти своей; возносится до такого восхищения, что не только не ощущает никаких звуков телесным слухом и не обращает внимания на проходящих мимо людей, но не замечает даже деревьев и других огромных предметов, находящихся пред его глазами. Поверить, впрочем, этому и понять силу этого состояния может только тот, кто собственным опытом познал то, о чем здесь говорится; тот, чьи очи сердечный Господь так отвлек от всего настоящего, что он считает то не только преходящим, но как бы не существующим, как бы дымом исчезающим, чем-то, превратившимся в ничто; кто, подобно Еноху, ходя пред Богом, не обретаётся в суетном настоящем веке, потому что отошел от соображения и нравов человеческих, что, впрочем, в Енохе совершилось телесно, как упоминается в книге Бытия: «и ходил Енох пред Богом; и не стало его, потому что Бог взял его» (Быт 5, 24), и как говорит о том апостол: «верую Енох переселен был так, что не видел смерти» (Евр.11:5). О каковой смерти Господь говорит в Евангелии: «всякий живущий и верующий в Меня, не умрет вовек» (Ин 11:26). Потому, желая достигнуть истинного совершенства, мы должны деятельно стремиться к тому, чтобы, как телесно мы оставили родителей, родину, богатства и удовольствия мирские, так, оставив все и сердцем, никогда уже не обращаться пожеланиями к тому, что отвергли, подобно израильтянам, выведенным Моисеем из Египта, которые хотя не возвращались туда телесно, однако называются возвратившимися; потому что, оставив Бога, с такою силою знамений изведшего их из Египта, сердцами своими опять обратились к нему (Египту) и, чтя египетских идолов, прежде отвергнутых, говорили к Аарону: «сделай нам бога, который бы шел перед нами» (Исх 32, 1). Иначе не быть бы нам осужденными вместе с теми, кои, во время пребывания в пустыне, вкусив небесной манны, желали нечистых, скверных

яств, и не показаться ропщущими подобно им: хорошо было нам в Египте, где сидели мы над котлами мясными и ели лук, и чеснок, и огурцы, и дыни (Исх 16, 3; Чис 11, 5). Такой опыт, хотя, как образ, прежде совершился еще в том народе, однако и ныне, как видим, он каждодневно повторяется в нашем чине и звании. Ибо всякий, отрекшийся от мира, возвращаясь к прежним заботам и увлекаясь прежними желаниями, делом и мыслью говорит то же, что и те: хорошо было мне в Египте. И таких найдется не столько ли, сколько тогда, при Моисее, являлось возмутителей, за что из всех, вышедших из Египта, которых насчитывалось шестьсот тысяч одних вооруженных, не более двух удостоились вступить в землю обетованную (Чис 14, 30)?

Итак, поспешим заимствовать примеры добродетелей от тех людей, каких немного и которые очень редки, потому что и в Евангелии говорится, что «много званых, а мало избранных» (Мф 20, 16). Никакой не будет нам пользы от телесного отречения и местного, так сказать, исхода из Египта, если не постараемся стяжать также и отречение сердечное, которое выше и полезнее. О телесном отречении так говорит апостол: «если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы» (1Кор 13, 3). Этого святой апостол никак не сказал бы, если бы не предвидел в духе, что впоследствии появятся люди, которые, и раздав все имение свое бедным, не достигнут, однако, евангельского совершенства и высших степеней любви, так как по гордости или недостатку терпения, удержав в сердцах своих прежние страсти и непостоянство нравов, нисколько не позаботятся очистить себя от них; по этой причине никак не стяжут любви Божией, никогда не отпадающей. Если же, таким образом, они стоят ниже этой второй степени отречения, то тем менее способны к третьей, которая, без сомнения, есть самая высшая. Рассудите

внимательно в уме своем, что не просто сказал апостол: если раздам имение; ибо при этом можно было бы думать, что он говорит и о том, кто, исполняя заповедь Евангелия еще не в полной мере, оставляет нечто для себя, как поступают некоторые, слабые духом; но если раздам, говорит, все имение мое, т.е. если совершенно отвергну все земные стяжания. Сверх того, к отречению он присоединил еще нечто другое, лучшее: и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы. Другими словами, он как бы говорил: если раздам бедным всё имение мое по заповеди Евангелия, в коей говорится: «если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах, и приходи и следуй за Мною» (Мф 19, 21); т.е. если так отрекусь, что совершенно ничего не оставляю для себя, и потом к делу щедрости присоединю еще мученичество и сожжение тела или предание его за Христа; однако буду притом или нетерпелив, или гневлив, или завистлив, или горд, буду оскорбляться обидами других, искать только своего, питать злые помыслы, нетерпеливо и неохотно сносить, что встретится неприятного; то никакой не будет мне пользы от отречения и сожжения внешнего человека, когда внутренний все еще будет обложен прежними страстями, когда в первом жару обращения, презрев только стяжания мира сего, – вещь ни добрую, ни злую, но среднюю – не позабочусь также отсесть пагубные расположения порочного сердца и достигнуть божественной любви, которая «долготерпит, милосердствует, ...не завидует, не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, ...не мыслит зла, ...все терпит, все покрывает» (1Кор 13, 4–7), и которая, наконец, никогда не попускает последователю своему пасть от искушений греховных.

Глава 8. О духовном богатстве, в котором состоит

красота души или безобразие

Итак, со всем постоянством следует нам заботиться о том, чтобы и внутренний наш человек отверг и расточил все собранное им в прежнем состоянии богатство пороков, которые, внутренне сроднившись с телом и душою, составляют неотъемлемую нашу собственность, так что и после исхода не перестанут сопровождать нас, если не будут отсечены и отвергнуты, пока еще пребываем в этом теле. Ибо как добродетели или сама любовь, которая есть источник их, приобретенная в настоящем веке, и после кончины этой жизни облакает красотою и блеском любителя своего; так и пороки, очернив ум наш отвратительными красками, в таком искаженном виде предпосылают и в вечную жизнь. Красота и безобразие души зависит от свойства добродетелей и пороков. Из них извлекается как бы некоторая краска, от которой душа или делается такою светлою и прекрасною, что удостаивается слышать от пророка: «и возжелает Царь красоты твоей» (Пс 44, 12); или такою мрачною, отвратительною и безобразною, что сама невольно исповедует свое безобразие и зловоние, говоря: «смердят и гноятся раны мои от безумия моего» (Пс 37, 6). И Господь говорит к ней: «отчего же нет исцеления дщери народа моего?» (Иер 8, 22). Итак вот собственно наше богатство, неразлучно пребывающее с душою нашей, которого никакой царь даровать нам и никакой враг отнять у нас не силен. Вот собственно наше богатство, которого сама смерть не отторгнет от души, и отвергнув которое, восходим к совершенству, а привязавшись к нему, предаемся вечной смерти.

Глава 9. О трех родах богатства

В Св. Писании говорится о трояком богатстве, т.е. зло, добро и нечто среднее. Есть богатство злое, о котором говорится: «скимны бедствуют и терпят голод» (Пс 33, 11).

Еще: «горе вам, богатые! ибо вы уже получили свое утешение» (Лк 6, 24). Отвергнуть такого рода богатство есть верх совершенства. В противоположность им поставляются те нищие, которых Сам Господь превозносит в Евангелии: «блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Мф 5, 3). Также в Псалме: «сей нищий воззвал, – и Господь услышал и спас его» (Пс 33, 7). И опять: «нищий и убогий да восхвалят имя Твое» (Пс 73, 21). Есть богатство благое, собирать которое есть великая добродетель и заслуга, и за обладание которым муж праведный удостоивается похвалы, как говорит Давид: «род правых благословится. Обилие и богатство в доме его, и правда его пребывает вовек» (Пс 111:2–3). И опять: «богатством своим человек выкупает жизнь свою» (Притч 13, 8). О таком богатстве говорится в Апокалипсисе к тому, кто, не имея его по собственной вине, является бедным и нагим: «извергну тебя из уст Моих. Ибо ты говоришь: «я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды»; а не знаешь, что ты несчастен, и беден, и нищ, и слеп, и наг. Советую тебе купить у Меня золото, огнем очищенное, чтобы тебе обогатиться, и белую одежду, чтобы тебе одеться и чтобы, не была видна срамота наготы твоей» (Апок 3:16–18). Бывает богатство чем-то средним, т.е. и добром, и злом, потому что по свойству и расположению пользующихся им, может переходить на ту или другую сторону, о нем говорит апостол: «богатых в настоящем веке увещевай, чтобы они не высоко думали о себе и уповали не на богатство неверное, но на Бога живого, дающего нам все обильно для наслаждения; чтобы благодетельствовали, богатели добрыми делами, были щедры и общительны, собирая себе сокровище, доброе основание для будущего, чтобы достигнуть вечной жизни» (1Тим 6, 17–19). С другой стороны говорится в Евангелии, что богач, удерживавший такое богатство и нисколько не хотевший помочь из него нуждающимся, когда от крупниц его ждал насытиться бедный

Лазарь, предан за то огню геенскому и вечному пламени (Лк.16:19-31).

Глава 10. Никто из находящихся на первой ступени отречения не может быть совершенным

Итак, оставляя видимое богатство мира сего, мы оставляем не свое, а чужое, хотя хвалимся тем, что оно или собрано нашими трудами, или досталось нам от родителей по наследству. Ибо у нас, как я сказал, нет ничего своего, кроме того, что усвоено сердцем, что сроднилось с душою нашей, и чего никто никогда не может похитить у нас. Об этом видимом богатстве с упреком говорит Господь к тем, которые, обладая им, не хотят уделять из него нуждающимся: «и если в чужом не были верны, кто даст вам ваше? (Лк 16, 12). Итак, что богатство у нас чужое, в этом уверяет нас не только повседневный опыт, но и то, что оно именно так обозначено в изречении Господа. А о том пагубнейшем богатстве (которое в сердце, т.е. о страстях) так говорит к Господу апостол Петр: «вот, мы оставили все и последовали за Тобою; что же будет нам?» (Мф 19, 27). Ибо известно, что они оставили не более, как худые изорванные сети. Потому если не понимать этого об отвержении порочных страстей – деле великом и важном, – то не видно, что такое ценное оставили апостолы и что нашел в них Господь, что удостоил их обетования такой славы и блаженства: «в пакибытии, когда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей, сядете и вы на двенадцати престолах, судить двенадцать колен Израилевых» (Мф 19, 28). Если теперь и те, которые решительно отвергли все земные и видимые стяжания, могут по известным причинам не достичь совершенства апостольской любви, могут оказаться бессильными с свойственной живостью и силою взойти на эту третью ступень отречения – высшую и доступную для немногих, – то что должны подумать о себе те, которые, не совершив

надлежащим образом еще первого отречения – легчайшего – и удерживая в себе нечистоту любостяжания с прежним маловерием, тщеславятся только одним именем монахов?

Итак, первое, как мы сказали, отречение есть отвержение чужих вещей, и потому оно само по себе не способно доставить совершенства отрекающемуся, если он не дойдет до второго, в коем отвергается уже собственно наше, и стяжав которое, посредством искоренения всех страстей, свободно восходит и на высоту третьего. В том же последнем не только все, бывающее в мире и в частности принадлежащее людям, но и всю совокупность стихийного, каким бы оно ни представлялось величественным, устраняем от внимания, как подверженное суете и преходящее, и, возносясь умом и сердцем превыше всего, «мы смотрим уже, – по апостолу, – не на видимое, но на невидимое: ибо видимое временно, а невидимое вечно» (2Кор 4, 18), чтобы таким образом удостоиться наконец услышать и то высшее, что сказано было Аврааму: «и иди в землю, которую Я укажу тебе» (Быт 12, 1). Этим ясно доказывается, что кто со всем жаром духа не пройдет трех показанных ступеней отречения, тот не достигнет и этого четвертого блага (которое, впрочем, подается в виде воздаяния и награды уже отрехшимся) – не достигнет того, чтобы вступить в землю обетования, на которой не росли бы уже более тернии и волчцы порочных страстей, потому что обладать ею в настоящей жизни удостоиваются не иначе, как после очищения сердца, после искоренения всех страстей и притом так, что не собственная добродетель и не собственное тщание трудящегося, но Сам Господь открывает вход в нее по обетованию Своему: «и иди в землю, которую Я укажу тебе». Этим ясно показывается, что как начало нашего спасения полагается призыванием Господа: «пойди из земли твоей», так и окончательное совершенство чистоты равным образом подается Им же: «и

иди в землю, которую Я укажу тебе», т.е. не ту, какую ты можешь познать сам и открыть своими трудами, но какую Я тебе покажу, и какой сам ты еще не знаешь и не ищешь. Из этого ясно открывается, что как мы вступаем на путь спасения по особенному внушению от Господа, – так и достигаем высшего совершенства и блаженства под Его же руководством и просвещением.

Глава 11. Вопрос о свободной воле человека и о благодати Божией

Герман. В чем же состоит свободная воля, и почему приписывается нашей тщательности что-нибудь похвальное, если все, относящееся к нашему совершенству, и начинает, и совершает Сам Бог?

Глава 12. Ответ о действии благодати Божией при сохранении свободы воли

Пафнутий. Это приводило бы вас в справедливое недоумение, если бы во всяком деле и всяком обучении было только начало и конец, а не было некоторой середины. Правда, случаи к спасению, как известно, различным образом устраивает Сам Бог; но с готовностью подчиниться этим, посылаемым от Бога, случаям зависит от нас. Так предложение: «пойди из земли твоей» – принадлежит Богу призывающему, повиновение же принадлежит Аврааму; «и иди в землю» – предлагается дело покорному; а в словах: «которую Я укажу тебе» – указывается благодать повелевающего, или обещающего Бога. Но мы всегда должны быть твердо уверены, что не можем достигнуть совершенства своими трудами и подвигами, хотя бы со всей неутомимостью упражнялись во всякой добродетели; одни человеческие усилия не могут иметь такой цены и силы, чтобы возводить на высоту святости и блаженства, если Сам Господь не будет содействовать нам и направлять сердце наше к тому, что для

нас полезно. Потому каждое мгновение мы должны взывать к Богу с Давидом: «утверди шаги мои на путях Твоих, да не колеблются стопы мои» (Пс 16, 5). «Поставил на камне ноги мои и утвердил стопы мои» (Пс 39, 3), – дабы невидимый правитель ума человеческого обращал волю нашу к добродетели, так как она более склонна к пороку – то по неведению добра, то по обольщению страстей. Это очень ясно выражено пророком в одном стихе: «сильно толкнули меня, чтобы я упал, – этим означает нетвердость нашей воли; но Господь поддержал меня» (Пс 117, 13), – этим означает всегдашняя помощь от Господа, Который всякий раз, как начинаем колебаться, простирает к нам руки Свои, поддерживает и утверждает, чтобы иначе с одним своим произволом не пали мы. И еще: «когда я говорил: колеблется нога моя – от шаткой нашей свободы, – милость Твоя, Господи, поддерживала меня» (Пс 93, 18): опять со своею нетвердостью соединяет помощь Божию, исповедуя, что непоколебимость веры не есть дело собственного усилия, но единственно милосердия Божия. Также: «при умножении скорбей моих в сердце моем, которые породила моя свободная воля, утешения Твои услаждают душу мою» (Пс 93, 19), – утешения, которые, нисходя в сердце мое по Твоему вдохновению, открывали созерцанию будущие блага, уготованные Тобою труждающимся ради имени Твоего, и тем не только всю печаль изгоняли из сердца моего, но еще переполняли его высшей радостью. Опять: «если не Господь был мне помощником, вскоре вселилась бы душа моя в страну молчания» (Пс 93, 17), – свидетельствует, что по развращению свободы он давно бы уже был в аду, если бы не был спасаем помощью и покровительством Божиим. Ибо Господом, а не от свободной воли утверждаются стопы такого человека. «Когда он будет падать, не разобьется». Почему же? «Ибо Господь поддерживает его за руку» (Пс 36:23-24). Сказать яснее, ни один праведник не имеет в себе достаточно сил стяжать

праведность. Непрестанно колеблется он и в каждое мгновение готов пасть, потому милость Господа подкрепляет его рукою Своею, чтобы иначе, подвергшись падению по слабости произвола, совершенно не погиб он в падении своем.

Глава 13. Устройство нашей жизни зависит от Бога

И святые мужи никогда не надеялись собственным своим тщанием устроить тот путь, по которому надлежало идти, стремясь к полноте и совершенству в добродетелях, но всегда умоляли о том Господа: «направь меня на истину Твою» (Пс 24, 5), «уровняй предо мною путь Твой» (Пс 5, 9), «укажи мне, Господи, путь, по которому мне идти» (Пс 142, 8). Другой же пророк свидетельствует, что он познал это не только верою, но и из опыта, из самой природы вещей: «знаю, Господи, что не в воле человека путь его, что не во власти идущего давать направление стопам своим» (Иер 10, 23). И Сам Господь так говорит к Израилю: «Я услышу его и призрю на него; Я буду как зеленеющий кипарис; от Меня будут тебе плоды» (Ос 14, 9).

Глава 14. Знание закона сообщается от Бога

И само познание закона не надеялись они приобрести только трудами чтения, но искали вразумления и просвещения от Бога, взывая к Нему: «укажи мне, Господи, пути Твои и научи меня стезям Твоим» (Пс 24, 4). «Открой очи мои, и увижу чудеса закона Твоего» (Пс 118, 18). Еще: «научи меня исполнять волю Твою, потому что Ты Бог мой» (Пс 142, 10).

Глава 15. Разум для познания повелений Божиих и расположение доброй воли даруются Богом

Так святой Давид ищет у Господа вразумления, посредством которого мог бы познать заповеди Божий, и хотя уже знал их, как они написаны в книге закона, однако говорит: я раб

Твой: «вразуми меня, и познаю откровения Твои» (Пс 118, 125). Хотя по самой природе своей он обладал разумом и имел уже действительное познание о заповедях, содержащихся в законе, однако, чтобы полнее постигнуть его, умоляет о том Господа, будучи уверен, что для духовного понимания закона и более ясного познания заповедей вовсе недостаточно того, что вложено в него природою, если не придет к тому Божественное просвещение и не осветит внутренних чувств его. И избранный сосуд гласно проповедует то же, что говорим мы: «Бог производит в нас и хотение и действие по Своему благоволению» (Флп 2, 13). И еще: «разумей, что я говорю. Да даст тебе Господь разумение во всем» (2Тим 2, 7). Можно ли сказать яснее, что и добрые желания наши, и само исполнение их делом совершаются в нас Господом?

Опять: «потому что вам даровано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него» (Флп 1, 29). И здесь тоже свидетельствует, что как начало нашего обращения и веры, так и терпение в страданиях даруются нам от Господа. Понимая это, Давид умоляет милосердие Господа подать ему сие благо, говоря: «утверди, Боже, то, что ты соделал в нас» (Пс 67, 29), чем показывает, что мало того, чтобы только начало спасения было положено благодатью Божией, если потом они не будут возведены и к совершенству тем же милосердием и непрестанною помощью Его. Ибо не свободная воля, но «Господь разрешает узников»; не наша сила, но «Господь восставляет согбенных»; не прилежное чтение, но «Господь отверзает очи слепым»; не наша осторожность, но «Господь хранит пришельцев» (Пс 145:7-9); не наше мужество, но «Господь поддерживает всех падающих» (Пс 144, 14).

Впрочем, это говорим мы не для того, чтобы упразднить всякое свое попечение или труд, как будто бы они напрасно употреблялись, но для того, чтобы показать, что как само

попечение не может у нас родиться без помощи Божией, так и все труды наши не сильны доставить нам совершенную чистоту, если она не будет дарована благостью и содействием Господа. «Коня готовят на день битвы, но победа – от Господа» (Притч 21, 31). «Ибо не силою крепок человек» (1Цар 2, 9). «Ненадежен конь для спасения» (Пс 32, 17). «Хвалящийся хвались Господом» (1Кор 1, 31). Итак, вместе с Давидом мы должны всегда воспевать: «Господь – сила моя и песнь, не собственная воля, но Он соделался моим спасением» (Пс 117, 14). И учитель язычников, сознавая, что поставлен служителем Нового Завета не за свои труды и заслуги, но по милости Божией, взывает: «не потому, чтобы мы сами были способны помыслить что от себя,... но способность наша от Бога» (2Кор 3, 5). Это иначе, хотя не совсем сообразно со свойством латинского языка, но зато более выразительно можно было бы так сказать: *idoneitas* наша от Бога.

Глава 16. Сама вера даруется от Бога

Апостолы в такой мере чувствовали, что всё, относящееся к спасению, подается от Господа, что даже самой веры просили себе у Него, говоря: Господи, «приложи нам веру» (Лк 17, 5), не присваивая ложно полноты ее свободе воли, но веруя, что она подается милостью Божьей. Сам Спаситель рода человеческого научает, как шатка вера наша, немощна, не может стоять сама по себе, если не будет подкреплена помощью Божией, говоря к Петру: «Симон! Симон! се сатана просил, чтобы сеять вас, как пшеницу, но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя» (Лк 22, 31–32). Другой же некто, чувствуя в себе такую слабость и как бы сознавая, что вера его готова потерпеть кораблекрушение, разбиваемая волнами неверия, молит того же Господа о помощи вере своей: «Господи! помоги моему неверию» (Мк 9, 24).

Итак, мужи евангельские и апостольские вполне чувствовали, что всякое добро совершается не иначе, как с помощью Господа, и исповедали, что своими силами, или свободой воли они не могут сохранить невредимой даже веру свою; почему молили Господа то помочь ей, то даровать ее. Если, таким образом, вера Петрова имела нужду в помощи Божией, чтобы не ослабеть, то кто будет настолько самонадеян и слеп, что для сохранения ее в себе думал бы не иметь нужды в непрестанном содействии Божию, особенно когда сам Господь в Евангелии ясно выразил: «как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе: так и вы, если не будете во Мне. ...ибо без Меня не можете делать ничего» (Ин 15, 4, 5). Очевидно теперь, как неразумно и даже святотатственно присвоить какие-нибудь добрые дела своим усилиям, а не благодати и содействию Божию, когда Господне изречение свидетельствует, что без Его вдохновения или содействия никто не может приносить духовных плодов. «Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца светов» (Иак 1, 17). И апостол постоянно внушает: «что ты имеешь, чего бы не получил? А если получил, что хвалишься, как будто не получил?» (1Кор 4, 7).

Глава 17. Умеренность и терпение в искушениях даруется нам от Бога

Что само терпение состоит не столько в нашей крепости, сколько в милосердии и утешении Божию, о том свидетельствует святой апостол: «вас постигло искушение не иное, как человеческое; и верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести» (1Кор 10, 13). Тот же апостол учит, что сам Бог располагает и укрепляет сердца наши на всякое дело благое и совершает в нас то, что Ему угодно: «Бог же мира, воздвигший из мертвых Пастыря овец

великого Кровию завета вечного, Господа нашего Иисуса Христа, да усовершит нас во всяком добром, деле, к исполнению воли Его, производя в нас благоугодное Ему» (Евр 13, 20–21). Сего же просит он и фессалоникийцам, говоря: «сам же Господь наш Иисус Христос и Бог и Отец наш, возлюбивший нас и давший утешение вечное и надежду благую во благодати, да утешит ваши сердца и да утвердит вас во всяком слове и деле благом» (2Сол 2, 16–17).

Глава 18. Страх Божий даруется нам также от Бога

Наконец, и страх Божий изливается в нас от Господа, как от лица Божия свидетельствует пророк Иеремия: «и дам им одно сердце и один путь, чтобы боялись Меня во все дни жизни, ко благу своему и благу детей своих после них. И заключу с ними вечный завет, по которому Я не отвращусь от них, чтобы благодетельствовать им, и страх Мой вложу в сердца их, чтобы они не отступали от Меня» (Иер 32, 39–40). То же подтверждает и пророк Иезекииль: «и дам им сердце единое, и дух новый вложу в них..., а Я буду их Богом» (Иез 11, 19–20).

Глава 19. Начало благой воли и совершение ее зависит от Бога

Все это очевиднейшим образом убеждает нас, что как начало благого расположения полагается в нас особенным внушением Божиим, когда Он или Сам непосредственно, или посредством увещания через какого-нибудь человека, или крайними обстоятельствами привлекает нас на путь спасения, так равно и совершенство добродетелей подается Им же. Наше же дело с большей или меньшей готовностью покоряться внушению Божию и принимать Его помощь. Мы заслуживаем награду или достойное наказание, судя по тому, нерадиво ли или заботливо, с благоговейной покорностью, сообразуем дела наши с распоряжениями и промыслием Божьим, простертым на нас благоволением Его. Это ясно

изображается во Второзаконии: «когда введет тебя Господь, Бог твой, в землю, в которую ты идешь, чтоб овладеть ею, и изгонит от лица твоего многочисленные народы,... семь народов, которые многочисленнее и сильнее тебя, и предаст их тебе Господь, Бог твой, и поразишь их, тогда предай их заклятию, не вступай с ними в союз» (Втор 7, 1–2). То, что они вводятся в землю обетованную, что истребляются перед лицом их многие народы, что в руки их предаются племена многочисленнее и сильнее самого народа израильского, это Св. Писание приписывает благодати Божией. Но поразит ли их Израиль до истребления или пощадит и сохранит, вступит ли с ним в союз и соединится ли с ними супружеством или не соединится, это зависит от них самих. Этим свидетельством ясно определяется и то, что мы должны приписать свободной воле и что устроению или повседневному содействию Божию; именно благодать Божия подает случаи к спасению, устраивает благоприятные обстоятельства, доставляет победу; наше же дело – с жаром или равнодушием принимать благодеяния Божий.

Такое различие довольно ясно выразилось в исцелении иерихонских слепых. Что Господь проходил мимо них, это есть благодать Божественного промысления и снисхождения. Но что они взывали: «помилуй нас, Господи, сын Давидов!» (Мф 20, 31), это дело их веры и упования. Само же прозрение опять от милосердия Божия. Но что и после получения какого-нибудь благодеяния и свободная воля, и благодать остаются в своей силе, это доказывает пример десяти прокаженных, которые все равно были исцелены (Лк 17:12–19). Когда один из них по доброму употреблению своей свободы принес благодарность, то Господь, порицая девятерых и похваляя одного, показал, что Он заботы Своего содействия не прекращает и в отношении к тем, кои не помнят Его благодеяний. Ибо то самое, что Он приемлет и одобряет

благодарного или упрекает неблагодарных, есть дар Его попечения.

Глава 20. Ничего не делается в этом мире без Бога

Впрочем, мы непоколебимо должны быть уверены, что в мире ничего не бывает без Бога, но что все происходит или по Его воле, или по Его попущению; именно, все доброе совершается по Его воле и с Его содействием; противное же этому бывает только по Его попущению, когда покровительство Божие, оставляя нас за нечистоту и ожесточение сердца, попускает тиранствовать над нами дьяволу или бесчестным плотским страстям. В этом же очевиднейшим образом уверяют нас слова апостола, который говорит: «потому предал их Бог постыдным страстям». И опять: «и как они не заботились иметь Бога в разуме, то предал их Бог превратному уму – делать непотребства» (Рим 1:26, 28). И сам Господь говорит через пророка: «но народ Мой не слушал гласа Моего, и Израиль не покорялся Мне; потому Я оставил их упорству сердца их, пусть ходят по своим помыслам» (Пс 80:12-13).

Глава 21. Возражение о власти свободной воли

Герман. Это свидетельство очевидно подтверждает силу свободной воли следующими словами: «О, если бы народ Мой слушал Меня; Но народ Мой не слушал гласа Моего» (Пс. 80:14, 12). Ибо когда говорит: «если бы народ Мой слушал», показывает, что в их власти состояло решение соглашаться или не соглашаться. Как же теперь не в нашей власти состоит наше спасение, когда Бог сам оставил на наш произвол слушать или не слушать?

Глава 22. Ответ: наша свободная воля всегда нуждается в помощи Божией

Пафнутий. Остроумно объяснили вы слова: «если бы народ Мой слушал Меня»; но нисколько не обратили внимания на то, кто говорит к слушающему или не слушающему, ни на то, что следует затем: «Я скоро смирил бы врагов их и обратил бы руку Мою на притеснителей их» (Пс.80:15). Пусть никто не покушается на слова, приведенные нами в доказательство того, что в мире ничего не бывает без Бога, не обращает в защиту свободной воли, с намерением отнять у человека благодать Божию и повседневное попечение, ссылаясь на то, что говорится: «но народ Мой не слушал гласа Моего»; и еще: «если бы народ Мой слушал Меня и Израиль ходил бы Моими путями» и проч. Но пусть лучше вникнет, что здесь как сила свободной воли доказывается неповиновением народа, так и попечение божественное о нем открывается из того, что Бог непрестанно взывает к нему и увещевает его. Ибо когда говорит: «если бы народ Мой слушал Меня», показывает тем, что Он всегда говорит к ним первый и совершает это не только посредством писаного закона, но и ежедневными увещаниями, как Он говорит через пророка Исайю: «всякий день простирал Я руки Мои к народу непокорному, ходившему путем недобрым, по своим помышлениям» (Ис 65, 2).

Итак, этим свидетельством: «если бы народ Мой слушал Меня и Израиль ходил бы Моими путями, Я скоро смирил бы врагов их и обратил бы руку Мою на притеснителей их», может быть доказываемо и то, и другое. Ибо как сила свободы доказывается неповиновением народа, так попечение и содействие Божие подтверждается началом и концом сего стиха, где Господь свидетельствует, что Он первый начал говорить и что если бы народ послушал Его, то после Он уничтожил бы всех врагов Его. Тем, что нами сказано, мы не хотим отнять свободу у воли человеческой, но только желаем доказать, что каждый день и каждое мгновение ей необходимы божественное содействие и благодать Божия.

Итак, научив нас такими словами, авва Пафнутий наконец отпустил нас из своей кельи около полуночи. Не с охотою, а с сокрушением сердца мы оставили его, получив великую пользу от его собеседования. Ибо, совершив первое отречение, которое мы старались исполнить со всем усилием, мы думали, что скоро достигнем самого верха совершенства. Но теперь сознаемся, что еще не начали и мечтать о высших степенях монашества. О втором роде отречения еще знали мы от отцов в киновиях, а о третьем, в котором заключается все совершенство и которое несравненно выше двух первых, мы ничего не знали даже и по слуху.

Четвертое собеседование аввы Даниила. О борьбе плоти и духа

Глава 1

Между мужами, исполненными христианскою мудростью, увидели мы и авву Даниила, который, будучи равен обитавшим в скитской пустыне во всяком роде добродетелей, особенно украшался смирением и который за свою чистоту и кротость блаженным Пафнутием, настоятелем той пустыни, скоро был возведен в диаконы, несмотря на то, что был моложе других летами. Блаженный Пафнутий весьма утешался его добродетелями и, почитая равным себе по делам жизни и благодати, поспешил сравнять с собою и по сану священства. Мало того, не терпя долее видеть его в низшем служении и желая оставить после себя достойнейшего преемника, еще при жизни своей облек его честью старейшинства. Впрочем, авва Даниил, не изменяя прежнего своего смиренного нрава, никогда в присутствии его не позволял себе совершать что-либо, принадлежащее высшему чину, но всегда, когда авва Пафнутий приносил духовную жертву, он, как диакон, по-прежнему прислуживал. Впрочем, хотя блаженный Пафнутий

был настолько высок и совершенен, что нередко являл в себе дар предвидения, но в настоящем случае его надежда преемства и избрания не оправдалась. Ибо спустя немного времени он предпослал к Богу того, кого готовил себе в преемники.

Глава 2. Вопрос: отчего происходит внезапная перемена в духе, после неизреченной радости наступает глубокая скорбь?

Итак, мы спросили блаженного Даниила, почему, сидя в келье, иногда исполняешься особенным каким-то вдохновением сердца, с неизъяснимою радостью и обилием сокровеннейших ощущений, которые, не говорю уже, выражать языком, даже воспринимать чувством бываем не в силах; тогда и молитва чиста и подвижна, и ум, исполняясь духовных плодов, чувствует, что его воздыхания, сильные и действенные, вознеслись к Богу даже и во сне; иногда же без всяких видимых причин вдруг находит печаль, начинает теснить какая-то безотчетная грусть; тогда не только в себе чувствуешь сухость, но досадуешь на келью, отвращаешься от чтения, в молитве неудержимо рассеиваешься и блуждаешь, не в силах восстановить в духе прежнее настроение; и чем сильнее устремляешь его к созерцанию Бога, тем стремительнее он (ум) как бы отбегает в плен непостоянных помыслов, расхищается и впадает в такое духовное изнеможение и бесплодие, что ни желанием Царства Небесного, ни страхом геенны не можешь пробудить его от этого как бы смертного сна.

Глава 3. Ответ на предложенный вопрос

Бесплодие ума, о котором вы говорите, зависит обыкновенно от трех причин: или от небрежения нашего, или от насилия бесовского, или по устройению и попущению Божию. От нашего небрежения бывает, когда, при уменьшении внутренней

теплоты, предаваясь невнимательности к себе и послаблению и в таком состоянии беспечности и лени питаюсь вредными помыслами, позволяем земле сердца нашего производить терния и волчцы страстей, с размножением которых уже неизбежно становимся бесплодными, теряем способность к созерцанию и всякому духовному действию. От нападения дьявола бывает, когда он, и при добрых иногда занятиях наших, с хитрою тонкостью проникает в наш дух, и мы, совершенно против воли, отвлекаемся от благих расположений.

Глава 4. Причина распорядка и попуска Божия бывает двоякая

А причина устроения или попуска Божия бывает двоякая: первая та, чтобы, на время оставленные Господом, смиренно усматривали мы слабость своего духа, не позволяли себе возноситься чистотою сердца, подаваемою благодатью Божией; испытывая при этом неспособность нашу возвратить прежнюю чистоту ума и отрадное расположение сердца, убедились, что как прежде жар ревности не нашим напряжением был возбужден в сердце, а посылался от Бога, так и теперь нужно искать его у Божией благодати и ожидать от Его озарения. Вторая причина попуска та, чтобы испытать нашу твердость, постоянство духа и желание сердца и видеть, с каким усердием сердечным и с какой неотступностью молитв мы будем опять искать скрывшегося от нас наития Св. Духа; давая же на опыте понять, с каким трудом радость духовная и потерянное блаженство чистоты приобретаются снова, побудить нас со всем тщанием и заботою хранить их и блюсти по возвращении. Ибо обыкновенно с некоторым небрежением хранят то, что надеются легко вернуть.

Глава 5. Наше старание и труд без помощи Божией не

могут иметь успеха

Таким образом, очевидно, что все добрые наши расположения происходят от благодати Божией. Почему, коль скоро она оставит, то своим трудом и тщанием уже ничего не успеешь, и без ее помощи не возвратишь себе прежнего состояния, как бы ни было велико собственное старание и усилие духа, так что над нами в точности исполняется тогда сказанное: «не от желающего, не от подвизающегося, но от Бога милующего» (Рим 9, 16). Сия благодать иногда даже нерадивых и беспечных посещает тем наитием святым и тем обилием благих помышлений, о коих вы говорили; она вдохновляет и недостойных, возбуждает усыпленных, просвещает одержимых слепотою неведения и, изливаясь в сердца наши, милостиво обличает и укоряет, чтобы хотя таким образом подвиглись мы восстать от сна беспечности. Иные же в ее сокровенных и неожиданных посещениях исполняются благоуханием духовным, превышающим всякую приятность мастей, составляемых человеческим искусством, так что дух, будучи проникнут этой сладостью, впадает в некоторое исступление духовное и забывает уже о том, в плоти ли он пребывает в то время.

Глава 6. Иногда для нас полезно бывает оставление Бога

Такое временное отсутствие благодати, или оставление Божие, святой Давид почитал столь полезным, что и не молился о том, чтобы совершенно ни в чем не быть оставляемым Богом, зная, что это и несообразно с человеческою природою и не совсем полезно для желающего достигнуть совершенства; а просил только, чтобы само оставление было в меру, говоря: «не оставляй меня совсем» (Пс 118, 8). Другими словами, он как бы говорил: знаю, что Ты для пользы оставляешь святых Твоих, чтобы испытать

их; ибо иначе враг не мог бы искушать их, если бы, хоть на время, они не были оставляемы Тобою! Потому не прошу, чтобы Ты никогда не оставлял меня; ибо это не полезно мне, иначе я не приду в чувство слабости своей и не скажу: «благо мне, что я пострадал» (Пс 118, 71); не буду также иметь случая упражняться в борьбе, если неотступно будет осенять меня Твой божественный покров. Враг не осмелится искушать меня, охраняемого Тобою, а возымеет только смелость вопить против Тебя и меня, как обыкновенно клеветает он на подвижающихся ради Тебя: «разве даром богобоязнен Иов? Не Ты ли кругом оградил его и дом его и все, что у него?» (Иов 1:9–10). Но молю, да не оставляешь меня во всем всюду и всегда, – вконец (как это читается по-гречески: μεχρι πρός αὔαντείου). Ибо насколько спасительно мне кратковременное Твое оставление для испытания постоянства любви моей, настолько пагубно оставление конечное, какое заслуживаю я по грехам моим. Никакая сила человеческая, надолго оставляемая без Твоей помощи, во время искушения не может устоять в своей непоколебимости, не может не пасть перед силою и хитростью врага, если Ты, единый, ведущий силы человеческие и с ними соразмеряющий попускаемые брани, «не попустишь нам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении дашь и облегчение, чтобы мы могли перенести» (1Кор 10, 13).

Подобное нечто таинственно изображено в распоряжении Божиим касательно враждебных Израилю народов, как читаем в книге Судей: «вот те народы, которых оставил Господь, чтобы искушать ими израильтян,... чтобы знали и учились войне» (Суд.3:1–2). И немного спустя: «они были оставлены, чтобы искушать ими израильтян и узнать, повинуются ли они заповедям Господним, которые Он заповедал отцам их чрез Моисея» (Суд.3:4). Такую войну Господь устроил не потому, чтобы не желал покоя Израилю или не заботился о его благе,

но потому, что видел, как она полезна для него. Подвергаясь почти непрерывному нападению тех народов, он не мог не чувствовать постоянной нужды в помощи Божией и потому должен был пребывать во всегдашнем мысленном обращении к Нему и молитве. Не имея возможности оставить войны, не имел времени и предаться беспечности или ослабеть от лени и праздности. Ибо часто безопасность и счастье низвергают того, кого не могли победить несчастья.

Глава 7. О пользе той войны, какую апостол находит в борьбе плоти и духа

Есть война и в членах наших, поселенная для нашей же пользы, как читаем у апостола: «плоть желает противного духу, а дух – противного плоти: они друг другу противятся, так что вы не то делаете, что хотели бы» (Гал 5, 17). По промыслительному распоряжению Божию она внедрилась как бы в самую природу нашу. И можно ли почитать ее чем иным, как не естественной принадлежностью человеческой природы после падения первого человека, если она всем без исключения обща? Можно ли не верить, что она находится в нас по воле Божией, во благо нам, а не во зло, если она всем присуща? Так, некоторым образом, самым промыслом Божиим оставлена в нас эта спасительная борьба, чтобы возбуждала нас и вела к высшему совершенству; и напротив, с прекращением ее должен настать опаснейший мир.

Глава 8. Вопрос: что значит, что в тексте апостола после изображения противоборства друг другу плоти и духа присоединяется третья воля?

Герман. Хотя несколько и прояснился для нас смысл этой борьбы, но так как мы все еще не можем во всей полноте представить учения апостольского, то желаем, чтобы оно яснее было раскрыто нам. Здесь, как видно, три предмета представляются: первый – борьба плоти против духа; другой –

борьба духа против плоти; третий, как бы в середине их, – воля наша, о коей говорится: не то делаете, что хотели бы. О всем этом хотя мы и имеем некоторое представление из того, что уже сказано, однако желаем, чтобы сие было рассмотрено для нас и несколько подробнее.

Глава 9. Ответ: о разуме правильно спрашивающего

Даниил. Различать части и стороны вопросов есть доля рассудка, и наибольшая часть знания – знать, чего не знаешь. Ибо кто спрашивает, хоть и не знает силы предложенного вопроса, но благоразумно ищет и понимает, что он не понимал, тому и вменяется в мудрость то самое. Итак, по вашему разделению, три предмета называет апостол в приведенном месте: желания плоти и желания духа, взаимная борьба которых друг против друга, кажется, имеет то значение, чтобы мы не могли творить того, что хотим. Но здесь есть еще и четвертый предмет, которого вы не видите, именно то назначение борьбы, чтобы мы творили то, чего не хотим. Итак, прежде всего нам надлежит понять силу двух желаний, т.е. плоти и духа, тогда мы сможем решить, что есть и какова воля наша, положенная как бы в середине между ними; после чего определится и то, к чему не лежит наша воля.

Глава 10. Слово «плоть» не в одном значении принимается

Слово плоть в многих смыслах употребляется в Св. Писании. Иногда оно означает всего человека, поскольку он состоит из тела и души, как: «Слово стало плотию» (Ин 1, 14), и еще: «и узрит всякая плоть спасение Божие» (Лк 3, 6). Иногда означает грешников и людей плотских, как: «не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками [сими], потому что они плоть» (Быт 6, 3). Иногда оно понимается в смысле грехов, как: «вы не по плоти живете, а по духу» (Рим 8, 9), и

опять: «плоть и кровь не могут наследовать Царствия Божия, и тление не наследует нетления» (1Кор 15, 50). Иногда употребляется в смысле родства и близости кровной, как: «мы – кости твои и плоть твоя» (2Цар 5, 1); и у апостола: «не возбужу ли ревность в сродниках моих по плоти и не спасу ли некоторых из них» (Рим 11, 14). Будем же искать, в каком из четырех значений следует здесь принять нам слово плоть. Очевидно, что в нашем месте оно не может стоять в том смысле, в каком положено в словах: «Слово стало плотию», и: «узрит всякая плоть спасение Божие»; как и в смысле: «не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками [сими], потому что они плоть»; потому что, когда говорится: «плоть желает противного духу, а дух – противного плоти»; то здесь слово плоть не означает человека-грешника, как там, к тому же и речь идет здесь не о существах, а о действиях, кои борются в одном и том же человеке – то вместе, то раздельно в некотором преемстве.

Глава 11. Что апостол называет здесь «плотью» и что значит «вожделение плоти»

Итак, слово плоть в этом месте надо принять не в смысле человека, как существа, а в смысле воли плотской, или злых похотей; равно и под словом дух понимать не какое-нибудь существо личное, а добрые и святые стремления души. Такой смысл апостол сам выше определил очень ясно: «я говорю: поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожделений плоти, плоть желает противного духу, а дух – противного плоти: они друг другу противятся, так что вы не то делаете, что хотели бы» (Гал 5:16–17). Так как теперь те и другие стремления находятся в одном и том же человеке, то и ведется внутри нас непрерывная междоусобная война. Тогда как похоть плоти неудержимо стремится только к греховному и находит удовольствие только в том, что доставляет временный покой, дух, напротив, весь желает прилепиться к

делам духовным, оставляя даже самые необходимые потребности плоти, желает предаться исключительно тем одним, не уделяя даже и малой заботы о тленной плоти. Плоть услаждается сладостями и похотями; духу неприятны даже естественные нужды. Та желает насыщаться сном и наполняться пищею; этому питательнее бдения и посты, и он не хотел бы принимать пищи и сна даже столько, сколько это необходимо для жизни. Та желает изобиловать всякими сокровищами; этот неохотно имеет даже малую часть хлеба на каждодневное содержание. Та желает нежиться и окружать себя толпою ласкателей; этому отраднее уединение пустыни, удаленной от сопребывания смертных. Та пленяется похвалами и почестями человеческими; этот радуется, если терпит гонения и обиды.

Глава 12. Что это за воля наша, которая находится между вожделениями плоти и духа

Находясь в середине между этими двумя стремлениями, воля души нашей не услаждается греховными делами и не находит удовольствия в трудах ради добродетелей, располагаясь так воздерживаться от плотских страстей, чтобы нисколько не терпеть скорбей, неизбежных при исполнении требований духа, желая без озлобления плоти достигнуть телесной чистоты, без трудов бдений стяжать чистоту сердца, с упоением плоти изобиловать духовными добродетелями, без всякого оскорбления злословием получить благодать терпения, являть смирение Христово без ущерба в чести мирской, следовать простоте благочестия с гордостью века сего, служить Христу с похвалою и благоволением людским, говорить решительную правду, не встречая никаких оскорблений, вообще приобретать блага будущие, не теряя настоящих. Воля наша (если оставить ее в таком состоянии) никогда не повела бы нас к истинному совершенству, но, содержа в состоянии противной теплоты, только сделала бы

такими, как и те, кому с укором изрекает Господь праведный суд Свой в Апокалипсисе: «знаю твои дела; ты не холоден, не горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Апок 3, 15–16). В таком состоянии теплоты мы оставались бы навсегда, если бы из него не выводила нас восстающая в нас борьба. Ибо когда, раболепствуя самоугодию, захотим сделать себе некоторое послабление, тотчас восстает плоть и, уязвляя нас жалами греховных движений и страстей, не дает пребывать в отрадной чистоте – желаемой и увлекает к охлаждающему удовольствию, – отвергаемому, увлекает как бы на путь, заросший тернием.

С другой стороны, если, воспламеняясь рвением духа и желая совершенно умертвить движения плоти, расположимся в возношении сердца всех себя предать непомерным подвигам в добродетелях, без всякого внимания к человеческой бречности; то немощь плоти скоро подает свой голос и, осаждая парение духа, отклоняет нас от таких несообразных крайностей. Но между тем как то и другое стремление ведет войну взаимным противлением друг другу, воля души нашей, которая сама по себе не хотела бы ни совершенно предаться плотским пожеланиям, ни посвятить себя подвигам в добродетелях, сама собою избирает правильную меру. Ибо тот взаимный спор уничтожает опаснейшее состояние ее (равнодушия) и вместе с тем устанавливает на весах нашего существа некоторое равновесие, в котором верным рассуждением определяется свойственное плоти и духу и не допускается преобладания ни ума, воспламененного рвением духа, ни плоти, возбуждаемой жалами страстей. Ежедневно действуя на нас так благотворительно, борьба эта приводит нас и к тому четвертому, чего не хотим, т.е. чтобы, отвергнув пространную и беспечную жизнь, приобретать чистоту сердца с многим потом и сокрушением духа; хранить чистоту тела

строгим постом, голодом, жаждою и бодрствованием; восходить в доброе настроение духа через чтение, бдения, непрестанные молитвы и скорби уединения; утверждаться в терпении опытами искушений, верно служа Творцу своему и среди злословия и поношений; держаться истины при неприязни и враждебности мира сего, если это необходимо будет. Так-то происходящая в нашем существе битва, извлекая нас из состояния беспечной холодности, призывает к ревности о добродетелях, учреждая в то же время прекрасную средину, в коей с одной стороны жар духа, с другой холодность плоти устанавливает соразмерную горячность ревности. Оттого ни необузданным страстям плоти увлекать душу нашу не попускает стремление духа, ни духу порываться непомерными желаниями добродетелей не позволяет немощь плоти, – чтобы иначе, в первом случае, не пустили корней всякого рода пороки, а во втором – возношение не нанесло нам глубокой раны мечом гордости; правильное же уравновешение взаимного их противоборства, сохраняя разумную меру между тем и другим стремлением, научает воина Христова всегда шествовать путем царским. Вот откуда происходит, что когда душа, по причине охлаждения или нерадения воли, готова бы склониться к плотским похотям, ее обуздывает рвение духа, не удовлетворяющегося земными благами; и напротив, когда дух, в возношении сердца, с непомерным жаром порывается к превышающим силы наши подвигам, его возвращает к должным пределам немощь плоти, и он, возвышаясь над охлажденным состоянием воли нашей, с умеренною ревностью и с усердием к трудам, ровною стезею начинает восходить к предназначенному совершенству. Нечто подобное случилось при столпотворении, как читаем в книге Бытия (Быт.11), когда неожиданным смешением языков Господь уничтожил дерзкие и богоборные замыслы людей. Состоялось бы их злое намерение, в противность Богу и всем, благоговейно почитающим Божественное Его величие, если бы это

разделение языка не понудило их обратиться к лучшему; и когда согласие пагубно воодушевляло их на зло, разногласие спасительно послужило во благо; потому что после разделения они должны были восчувствовать человеческую немощь, какой прежде не давало им понять возношение своим злым союзом.

Глава 13. О пользе борьбы, происходящей между плотью и духом

От этой борьбы зависит также очень полезное (Первая польза есть спасительное промедление, от которого зависит то, что задуманное зло не скоро исполняется, когда тому препятствует плоть, и мы легче отвлекаемся от него покаянием. Вторая польза – более удобное извинение перед Богом, получение прощения по причине немощи бранный человеческой природы, как говорит Псалмопевец: «помилуй меня, Господи, ибо я немощен» (Пс 6, 3), чего бесы не могут сказать, не могут извиняться немощью. Третья польза – большая осторожность и заботливость, чтобы враг, всегда готовый поразить нас, не повредил нам. Четвертая польза – смирение, так что и мужи духовные по причине немощи плоти и нечистоты, которой невольно подвергаются, спасительно смиряются и не превозносятся своими добродетелями, которые помогает совершать благодать Божия. Апостолу Павлу дан был пакостник плоти, чтобы не превозносился (2Кор 12, 7)) для нас промедление дела, и от этого спора – спасительное откладывание исполнения. Ибо когда, встречая препятствие в грубости плоти, мы вынуждены медлить в совершении того, что не к добру задумали, то нередко в этот промежуток приходим в лучшее настроение или через раскаяние в злом, или через исправление ошибки, которая может обнаружиться при новом рассмотрении дела во время промедления. Вот почему те, которые в исполнении своих желаний нисколько не замедляются сопротивлением плоти,

т.е. демоны, или нечистые духи, должны быть почитаемы хуже людей, потому что как с их желаниями всегда неразлучна возможность исполнения: что бы ни задумали злого, не медлят совершить то делом к невозвратной своей гибели, У них как ум скор в замыслах, так силы существа быстры и свободны в исполнении их. Потому, так как у них всегда есть полное удобство делать все, что ни захотят, то при этом не находит себе никакого места спасительное рассуждение, которое могло бы отвратить злое намерение.

Глава 14. О неисправимой злости злых духов

Сверх того, существо духовное, не обложенное грубою плотью, как не может иметь извинения в злых своих намерениях, так исключает всякое помилование в злодеяниях; ибо оно не наводится на грех никаким внешним возбуждением плоти, как мы, но замышляет его по одной своей злой воле, а потому грех его без прощения, болезнь без врачевания; духовное существо падает без увлечения со стороны земного вещества, потому нет для него никакого снисхождения, нет места покаянию. Отсюда само собою следует, что борьба между плотью и духом, в какой они поставлены в нас, не только не пагубна для нас, но напротив, доставляет нам большую пользу.

Глава 15. Какую пользу доставляет нам война плоти и духа

Во-первых, она прогоняет нашу беспечность, обличает нерадение и, как внимательнейший пестун, не позволяет в правилах жизни уклоняться от черты строгости. Если мы по беспечности своей хоть немного нарушим меру законной строгости, она тотчас уязвляет бичом возбуждений, отрезвляет нас и возвращает к должной осторожности. Во-вторых, когда при помощи благодати Божией, укрепляясь в целомудрии и чистоте, мы столь долгое время бываем

свободны от плотского осквернения (непроизвольного истечения), что начинаем думать, будто не беспокоит нас больше даже простое возбуждение плоти, и тем в тайне сердца своего возносимся, как будто не носим на себе бренной плоти; тогда истечениями (ночными), хотя простыми и спокойными, она смиряет нас и своими уязвлениями возвращает к мысли, что мы все еще люди. Ибо, тогда как в отношении к другим порокам, даже важнейшим и опаснейшим, мы обычно более равнодушны и не так легко приходим в сокрушение, – в этом случае очень сильно смиряется и уязвляется наша совесть, почитая себя виновною, как в этом деле, так и во многих других, опущенных без внимания страстных движениях, ясно убеждаясь, что она стала нечистою от естественного разжигания (истечения), а прежде не признавала, что еще более была нечиста от душевных страстей. А отсюда, обращаясь к исправлению допущенного нерадения, берет урок, что никогда нельзя слишком полагаться на свою чистоту, что она, как дар, получается единственно от благодати Божией, и потому тотчас можно погубить ее самым малым уклонением от Бога. Такого рода опыты более всего научают, что, если желаем утешаться постоянной чистотою, должны прежде со всей ревностью стяжать добродетель смирения.

Глава 16. О разжигании плоти, от которого если бы мы не смирялись, то более тяжко падали бы

А что возношение своею чистотою гибельнее всех пороков и преступлений и что при нем мы не получим никакой пользы от самой совершенной чистоты, в этом на опыте убеждают нас те силы (духовные), о коих мы упоминали. Ибо они, и не имея никаких щекотаний плоти, однако за возношение сердечное низвержены с высшей небесной области в неисходную бездну. Итак, мы навсегда оставались бы в состоянии равнодушия без надежды пробуждения, если бы не имели обличителя своей

беспечности в своем теле или в своей совести; не старались бы с горячностью достичь совершенства; не получали бы никакого плода от своего воздержания и постоянства, если бы возникающее в нас щеготание плоти не смиряло и не укрощало нас, а вместе с тем не делало заботливыми и внимательными к очищению и духовных страстей.

Глава 17. О равнодушии скопцов

И от чего иного мы находим у скопцов по плоти душу спящую, как не от того, что по заблуждению, освободив себя от этой плотской потребности, думают, что не нуждаются ни в труде телесного воздержания, ни в сокрушении сердца; расслабленные такою беспечностью, не заботятся о стяжании истинного совершенства или об очищении духовных страстей. Такое состояние, возвышаясь над состоянием плотским, остается только душевным, которое, без сомнения, есть худшая степень; оно – то самое, которое, от холодного переходя к теплomu, словом самого Господа названо достойным отвержения.

Глава 18. Вопрос: какое различие между плотским и душевным?

Герман. Польза борьбы между плотью и духом раскрыта теперь так ясно, что мы осязаем ее, кажется, руками. Но желаем еще знать, какое различие между человеком плотским и душевным, и почему душевный хуже плотского?

Глава 19. О трояком состоянии душ

Даниил. По определению Св. Писания есть три состояния душ: первое – плотское, второе – душевное, третье – духовное. Они у апостола изображаются так: о плотском говорится: «Я питал вас молоком, а не твердою пищею, ибо вы были еще не в силах, да и теперь не в силах, потому что вы еще плотские.

Ибо если между вами зависть, споры и разногласия, то не плотские ли вы?» (1Кор 3, 2-3). И о душевном почти также упоминается: «душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием» (1Кор 2, 14). О духовном же пишется: «духовный судит о всем, о нем судить никто не может» (1Кор 2, 15). И опять: «вы, духовные, исправляйте такового духом кротости» (Гал 6, 1). Итак, в самом начале отречения, переставая быть плотскими, т.е. начиная отделяться от обычаев мирских и воздерживаться от явной плотской нечистоты, мы должны поспешать и всею силою стараться усвоить себе и состояние духовное, чтобы иначе, по одному тому, что отреклись от мира по внешнему человеку или прекратили скверну плотского любодейства, мечтая о себе, как уже о достигших совершенства, не сделаться нам потом нерадивыми и беспечными в исправлении других страстей и, таким образом остановясь в середине между плотью и духом, не оказаться не достигшими степени совершенства духовного, думая, что для этого совершенства достаточно только внешне отделиться от жизни и удовольствий мира или быть только непричастным разврату и смешению плотскому. Ибо если останемся в этом состоянии теплоты (равнодушия), которое считается самым худшим, то должны знать, что будем изbleваны из уст Господа, как Он говорит: «о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Апок 3:15-16). Справедливо Господь объявил о тех, которые, будучи восприняты Им в утробу любви, потом охладели, что они будут Им изbleваны с некоторым омерзением. Ибо легче обращается к спасению и восходит на вершину духовного совершенства человек плотский, т.е. мирской, или язычник, нежели тот, кто, приняв монашество, не вступил на путь к совершенству по правилам благочиния и позволил охладеть первому огню духовной ревности. Ибо когда тот, смиряемый чувственными страстями,

сознавая себя нечистым по причине плотского осквернения, придет в сокрушение и прибегнет к источнику всякой чистоты, то, гнушаясь тем холодным состоянием неверия, в коем находился, удобнее достигнет совершенства. Напротив, кто с холодностью, как мы сказали, принимает монашество, в самом начале злоупотребляя именем его, без смирения и должного усердия вступает на путь этого звания, тот, будучи однажды поражен этой бедственной заразою, не может уже ни сам умудряться на лучшее, ни принимать вразумление от других. Ибо он, по слову Господа, говорит в сердце своем: я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды, хотя к нему всего приличнее приложить то, что следует: «не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и беден, и нищ, и слеп, и наг» (Апок 3, 17). Таким образом, он становится хуже мирского человека тем, что теряет сознание, как он беден, слеп и наг, как во многом требует исправления, сколь великую имеет нужду в наставлениях и вразумлении со стороны других; почему не принимает никакого увещания, спасительного слова, не понимая всей тяжести имени монаха и общего мнения, вследствие которого, так как все считают его святым и почитают как раба Божия, неизбежно в будущем веке подвергнется строжайшему суду и наказанию.

Зачем, впрочем, далее задерживаться на том, что довольно известно нам по опыту? Ибо часто наблюдаем, что во многих из молодых плотских, т.е. из мирских и язычников, разгорается огонь ревности духовной; а чтобы это случилось с теплыми и душевными, почти не видим. Господь через пророка засвидетельствовал такое решительное отвращение к ним, что мужам духовным и учителям повелел перестать учить их и увещевать, чтобы не тратить на них напрасно семени спасительного слова, как на землю негодную, бесплодную, заросшую бесполезным тернием, но, оставив ее, лучше возделывать землю новую, т.е. перенести возделывание

учения и проповедь спасительного слова к язычникам и людям мирским. Об этом читаем так: ибо так говорит Господь к мужам Иуды и Иерусалима: «распахните себе новые нивы и не сейте между тернами» (Иер 4, 3).

Глава 20. О тех, которые худо отрекаются от мира

Наконец, о чем стыдно и говорить, многие, как видим, так отрекаются от мира, что из прежнего образа жизни и прежних нравов не изменяют ничего, кроме мирской одежды и сопребывания. Они заботятся о приобретении денег, хотя прежде и не имели их; или не перестают удерживать при себе, какие имели; или, что плачевнее, желают еще и умножить их, под тем предлогом, будто справедливость требует от них питать и содержать рабов или братьев, – или под тем, чтобы собрать братство, которое предполагают устроить, сделавшись аввами. Но если бы они истинно искали только совершенства, то прежде всего со всем усердием спешили бы, отказавшись не только от денег, но и от всех прежних страстей и всех утешений этой жизни, всецело предать себя власти старцев, не имея уже никакой заботы не только о других, но даже о себе. В противном же случае бывает, что, заботясь о том, чтобы стать выше других, сами не покоряются старшим и не удостаиваются ни принять истинное учение, ни совершить что-либо угодное Богу. Необходимым следствием этого бывает, что слепые, по слову Спасителя, сделавшись вождями слепых, равно и сами впадают в яму (Мф 15, 14). Хотя род такой гордости один, но видов ее два: один – в коем принимают личину строгости и важности, а другой – в коем с необузданной свободой разливаются в смехе и безумном хохоте. Та любит молчать, а эта не хочет стесняться молчанием и нередко не стыдится произносить слова бессмысленные и нелепые, опасаясь показаться ниже других или менее ученой. Одна по самомнению принимает должность клира, другая презирает ее, почитая низкой для себя и не

сообразной с прежним своим достоинством или с заслугами предков своих. Какая из них хуже – пусть всякий взвесит сам и определит своим рассуждением. Правда, один и тот же род непослушания – преступить повеление старца для усиления ли работы или по желанию праздности. Столь же вредно нарушить правила монастырские в соблюдении сна, сколько и в соблюдении бдения; столь же недопустимо преступить заповедь аввы касательно чтения, сколько презреть ее касательно спанья. Но более губительны и трудны для врачевания те пороки, которые проявляются под личиною добродетелей и под образом духовных предметов, нежели те, которые совершаются явно для плотского удовольствия. Ибо эти, как явные, открытые недуги, скорее обличаются и врачуются. А те, прикрываясь видом добродетелей, остаются неисцеленными и всех, обольщенных ими, делают опасно и отчаянно больными.

Глава 21. О тех, которые, презрев великое, привязываются к малому

Как объяснить то достойное осмеяния дело, что многие, со всем усердием отрекшись от мира, охотно оставили множество житейских вещей, большие стяжания и сокровища мирские, и вступили в монастыри; но потом здесь так прирастились к немногим и малозначительным вещам, без которых не могли уже обойтись, что забота о них превышала их прежнюю страсть к богатству мира. Таким, без сомнения, мало пользы принесет то, что оставили большое богатство и имущество, потому что те страсти, для искоренения которых и надлежало оставить их, они перенесли на другие, хотя и маловажные вещи. Не имея возможности питать любостяжание и скупость вещами драгоценными, они удерживают их около вещей маловажных, и таким образом не отсекают страсти, а как бы переносят только на другие вещи. Связывая себя заботою о корзинке, мешочке, книге, рогожке и

других подобных вещах, они терзаются такой же страстью, какой и прежде. Хранят же их и оберегают с такой рачительностью, что не стыдятся ради них гневаться на брата и, что еще хуже, заводить споры. Притом, мучаясь еще прежней страстью, они не довольствуются по числу и мере общей иметь то, что необходимо монаху для потребности телесной, и в том обнаруживают жадность своего сердца, когда необходимое для употребления стараются иметь обильнее или, превышая меру заботы, берегут с особенною рачительностью, не позволяют другим и дотрагиваться до того, что должно быть в общем употреблении у всех братьев. Как будто вся сила в различии металлов, а не в самой страсти; будто только за большие вещи гневаться грешно, а за маловажные извинительно, и будто не для того мы оставили великие вещи, чтобы удобнее презреть малые. И какое различие в том, терзается ли кто страстью к стяжаниям обширным и величественным или к чему-нибудь маловажному? Тот скорее будет осужден, кто, презрев большее, привязывается к меньшему. Итак, отречение от мира еще не составляет совершенства сердца; потому что, считаясь малоимущим, не отвергает воли богатого.

Пятое собеседование аввы Серапиона. О восьми главных страстях

Глава 1

В числе (обитавших в скитской пустыне) древнейших старцев был муж по имени Серапион ⁷, особенно отличавшийся даром рассуждения, и собеседование которого весьма полезно изложить на бумаге. Мы просили его, чтобы он что-нибудь сказал о борьбе со страстями, дабы нам яснее знать причины и происхождение их; и он говорил следующее.

Глава 2. Перечень главных страстей, которые опустошают род человеческий

Главных страстей восемь: чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие и гордость.

Глава 3. О двух родах пороков и четырех способах их действия

Пороки эти разделяются на два рода: на естественные, к коим относятся чревоугодие и блуд, и неестественные, как сребролюбие. А способов действия их четыре. Некоторые из них не могут совершаться без содействия тела, например, чревоугодие и блуд; а некоторые совершаются без всякого содействия плоти, например, тщеславие и гордость; некоторые принимают причины возбуждения извне, например, сребролюбие и гнев, а некоторые от внутренних причин происходят, например, уныние и печаль.

Глава 4. Объяснение страсти чревоугодия и блуда

Поясним это не только рассуждением, но и свидетельствами Св. Писания. Так как страсти чревоугодия и блуда присутствуют в нас от рождения, то иногда без всякого возбуждения души, по одному влечению плоти, происходят, впрочем, нуждаются в веществе для своего осуществления. Ибо, по словам апостола, «каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственною похотью; похоть же, зачав, рождает грех, а сделанный грех рождает смерть» (Иак 1, 14, 15). Первый Адам не мог бы быть обольщен чревоугодием, если бы, имея в готовности снедь, не злоупотребил ею вопреки запрещению. И второй Адам не искушался без обольстительного представления вещества, когда было сказано Ему: «если Ты Сын Божий, то скажи, чтобы камни сии сделались хлебами» (Мф 4, 3). Также и блуд совершается только посредством тела, как всем известно. И

потому эти две страсти, которые исполняются при посредстве плоти, кроме духовного попечения, особенно нуждаются также и в телесном воздержании. Для обуздания этих страстей недостаточно одной тщательности духа (как иногда это бывает относительно гнева или печали и других страстей, которые может подавить тщательность духа, без всякого сокрушения плоти), если не будет присоединено также и телесное укрощение, которое совершается постом, бдением, сокрушением посредством труда; а к этому должно быть прибавлено и отшельничество, потому что как от порочности души и тела они происходят, так и побеждены быть могут не иначе, как трудом обоих.

Хотя блаженный апостол вообще все пороки назвал плотскими: вражду, гнев и ереси причислил к прочим плотским делам (Гал 5, 19-21); однако для врачевания и более точного обозначения природы мы разделили их на два рода. Ибо некоторые из них называем плотскими, а некоторые – духовными; именно плотские те, которые собственно принадлежат к возбуждению и чувству плоти, плотскими пороками она питается и услаждается, так что возбуждает и спокойные души, иногда невольно привлекая их согласиться со своим желанием. О таких пороках блаженный апостол говорит: «и мы все жили некогда по нашим плотским похотям, исполняя желания плоти и помыслов, и были по природе чадами гнева, как и прочие» (Еф 2, 3). А духовными называем те, которые, исходя только от склонности души, не только не доставляют никакого удовольствия плоти, но еще поражают ее тяжким недугом и только больной душе доставляют пищу жалким услаждением. И потому эти нуждаются в простом врачевании сердца; а плотские, как сказано, двояким лекарством врачуются. Потому заботящимся о чистоте весьма большую пользу доставляет то, чтобы они прежде всего удалили от себя сами предметы плотских

страстей, от которых может податься для больной души повод или воспоминание об этих страстях. Ибо необходимо для двоякой болезни употреблять и двоякое врачевание. Чтобы плотская похоть не переходила в дело, необходимо удалить обольстительный предмет и изображение его; а душе, чтобы она не воспринимала его и в помыслах, весьма полезно внимательное чтение Св. Писания, трезвенная бдительность и уединение. А в прочих страстях человеческое сообщество нисколько не вредит, даже приносит много пользы тем, которые искренно желают оставить их, потому что при частом сношении с людьми они обличаются, а когда чаще обнаруживаются, то, употребив против них лекарство, скорее можно достигнуть здоровья (См. Кн. 6, гл. 3).

Глава 5. Как Господь наш один без греха был искушаем

Итак, Господь наш Иисус Христос, по словам апостола (Евр 4, 15), был «искушаем во всем, подобно нам, кроме греха», т.е. без возбуждения страсти. Он вовсе не испытал жала плотской похоти, которым мы бессознательно и неизбежно уязвляемся, поскольку Его зачатие не подобно человеческому, без семени, как образ зачатия Его объясняет архангел: «Дух Святый найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим» (Лк 1, 35).

Глава 6. Об образе искушения Господа от дьявола

Спаситель, имея нетленный образ Божий и подобие, должен был также искушаться в тех страстях, в которых Адам был искушен, когда был еще в невинном состоянии, т.е. в чревоугодии, тщеславии, гордости. Ибо это – чревоугодие, по которому он съел плод запрещенного дерева; это – тщеславие, когда говорится: откроются глаза ваши; это – гордость, о которой говорится: «и вы будете, как боги, знающие добро и

зло» (Быт 3, 5). Итак, в этих трех страстях и Господь Спаситель был искушаем. Это – чревоугодие, когда дьявол говорил Ему: «скажи, чтобы камни сии сделались хлебами»; это – тщеславие: «если Ты Сын Божий, бросься вниз»; это – гордость, когда, показывая Ему все царства мира и славу их, говорил: «все это дам Тебе, если, пав, поклонишься мне» (Мф 4, 3, 6, 8, 9). Спаситель допустил дьявола с искушением, чтобы Своим примером научить нас, как мы должны побеждать искушителя, именно теми же способами, какими Он отразил искушителя. И тот и другой называются Адамом. Тот первый послужил к падению и смерти; а Этот первый – к воскресению и жизни. Через того весь род человеческий осуждается, а через Этого весь род человеческий освобождается. Тот образуется из грубой, неводеланной земли; а Этот рождается от Девы Марии (1Кор 15, 22, 45, 47).

Итак, Иисусу Христу надлежало перенести сказанные искушения, а больше не было надобности переносить (Это место яснее можно изложить так: как второму Адаму, Иисусу Христу нужно было перенести и победить искушения страстями чревоугодия, тщеславия и гордости, которыми был искушен и пал первый Адам, так не было необходимости Иисусу Христу перенести еще другое искушение, т.е. плотской похотью, которой не был искушаем и первый Адам в состоянии невинности). Ибо победивший чревоугодие не мог быть искушаем похотью, которая происходит от пресыщения, как корня, которою и первый Адам не был бы искушаем, если бы, обольщенный лестью дьявола, не принял сперва породившую ее страсть. И поэтому о Сыне Божиим не говорится, что пришел в плоти греха, но – «в подобии плоти греховной» (Рим 8, 3); потому что в Нем хотя была плоть истинная: Он ел, пил, спал, истинно терпел мучения (на кресте), но греховной наклонности ее, которая произвела

преступление, Он не имел. Ибо Он не испытывал огненного жала плотской похоти, которое по устройству природы уязвляет нас против нашего желания; Он принял только подобие нашей природы. Когда все, относящееся к нашей обязанности, Он истинно исполнил, понес все слабости людского рода, то думалось, что Он подвержен и этой страсти, так что из-за человеческих слабостей казалось, будто Он в своей плоти носит семя и этого греха. Наконец дьявол искушает Его только в тех (страстях), в которых обольстил и первого Адама, предполагая, что Он, как человек, также и в прочих страстях будет обольщен, если бы удалось искушить Его в том, чем низложен был первый Адам. Но побежденный в первой борьбе, он уже не мог нанести Ему второй болезни (т.е. возбудить плотскую похоть), которая происходит от корня начального порока (т.е. чревоугодия). Ибо видел, что Спаситель не имеет начальной причины этой болезни, и было напрасно ожидать от Него плода греха, семян или корней которого Он никак не принял. Евангелист Лука последним искушением называет следующее: «если Ты Сын Божий, бросься... вниз» (Лк 4:9). Здесь можно бы понимать страсть гордости. А в том, что дьявол, показывая все царства вселенной во мгновение времени, обещал Ему их (Лк 4:5-7), можно бы понимать страсть сребролюбия, потому что после победы над чревоугодием, будучи не в силах искушить Его похотью, перешел к сребролюбию, которое, как он знал, есть корень всех зол. Но, будучи опять побежден, не смея уже внушать Ему никакого порока из тех, которые за ним следуют (ибо он знал, что они происходят от его корня и подстрекательства), перешел к последней страсти – гордости, которую после победы над всеми пороками можно искушать даже совершенных, от которой, как помнил, и сам он, когда был Люцифером, и многие другие ниспали с неба без подстрекательства предыдущих страстей. Итак, с этим порядком, который описывается у евангелиста Луки, и само

подстрекательство и образ искушений, с которыми хитрейший враг приступал и к первому и ко второму Адаму, представляются сообразными. Ибо тому (первому Адаму) он говорит: откроются глаза ваши; этому (второму Адаму – Иисусу Христу) показывает все царства мира и славу их; там говорит: будете, как боги; здесь: если Ты Сын Божий.

Глава 7. О действии тщеславия и гордости без посредства тела

О прочих страстях (рассказ о которых заставило пересечь изъяснение чревоугодия, или искушение Господа), рассудим в том порядке, в каком предположили. Тщеславие и гордость без всякого посредства тела обыкновенно совершаются. Ибо какую нужду они имеют в телесном действии, когда, без стеснения и без вожделения, из-за одной воли – снискать похвалу и достигнуть славы человеческой, доводят до падения плененную душу? Или какое телесное действие имела древняя гордость вышесказанного Люцифера, которую он зачал только в душе и помышлении, как говорит пророк: «А говорил в сердце своем: «взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой; ...взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему» (Ис 14, 13–14). Он как не имел никакого подстрекателя к этой гордости, так и совершение порока и падение его произошло от одного помышления.

Глава 8. О сребролюбии, которое чуждо нашей природе, и какое различие между ним и природными пороками

Сребролюбие и гнев хотя не одной природы (ибо первое вне нашей природы, а второй, по-видимому, начальное семя имеет в нас), однако происходят подобным образом: большею частью извне получают причины возбуждения. Ибо те, которые еще слабы, часто жалуются, что впали в эти пороки по раздражению или подстрекательству некоторых, и извиняют

себя тем, что они по вызову других предались гневу или сребролюбию. Что сребролюбие вне природы, это ясно видно; потому что не имеет в нас главного начала, которое бы относилось к участию души или плоти, или сущности жизни. Ибо известно, что ничто не принадлежит к потребности нашей природы, кроме ежедневной пищи и питья; все прочие вещи, с каким бы старанием и любовью ни хранились, чужды человеческой потребности, как это видно из употребления в самой жизни; потому сребролюбие, как существующее вне природы нашей, искушает только холодных и худо расположенных монахов. А свойственные нашей природе страсти не перестают искушать даже опытейших монахов и пребывающих в уединении. Что это совершенно истинно, доказывается тем, что мы знаем некоторых язычников совсем свободных от страсти сребролюбия⁸, потому что они не приобрели этого порока употреблением и обычаем. Мы уверены, что также и первый мир, бывший до потопа, очень долго не знал неистовства этой страсти⁹. Она также и в каждом из нас, при истинном самоотвержении, побеждается без всякого труда, когда, оставив все имущество, так держимся правил киновии, что не позволяем оставить себе ни одного динария¹⁰. В свидетели мы можем представить многие тысячи людей, которые, в короткое время расточив все свое имущество, до того истребили эту страсть, что уже не подвергаются никакому искушению от нее. Но от чревоугодия они не могут оградить себя, если не будут вести борьбу с особенной осмотрительностью сердца и воздержанием тела.

Глава 9. Печаль и уныние рождаются без всякого внешнего возбуждения, не как прочие страсти

Печаль и уныние, как выше сказано, обычно рождаются без всякого внешнего возбуждения. Ибо они часто и весьма жестоко удручают всех уединившихся и в пустыне пребывающих без всякого сообщения с людьми. Истинность

этого легко докажет опытом всякий, пребывавший в уединении и испытывавший борения внутреннего человека.

Глава 10. О согласии шести страстей и сродстве двух, отличных от тех

Итак, эти восемь страстей хотя имеют разное происхождение и разные действия, однако шесть первых, т.е. чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, соединены между собою каким-то сродством или связью, так что излишество первой страсти дает начало последующей. Ибо от излишества чревоугодия обязательно происходит блудная похоть, от блуда сребролюбие, от сребролюбия гнев, от гнева печаль, от печали уныние; и потому против них необходимо сражаться подобным же образом, тем же порядком, и в борьбе всегда нам следует переходить от предыдущих к последующим. Ибо всякое вредное дерево скорее завянет, если корни его, на которые опирается, будут обнажены или высушены. И потоки вредной воды мало-помалу пересохнут, когда порождающий их источник и проточные жилы с тщательностью будут засыпаны. Поэтому, чтобы победить уныние, сначала надо подавить печаль; чтобы прогнать печаль, прежде нужно подавить гнев; чтобы погасить гнев, необходимо попать сребролюбие; чтобы исторгнуть сребролюбие, надобно укротить блудную похоть; чтобы подавить блудную похоть, следует обуздать страсть чревоугодия. А остальные две страсти, т.е. тщеславие и гордость, соединяются между собою тем же способом, как и предыдущие страсти, так что усиление одной дает начало другой: от чрезмерного тщеславия рождается страсть гордости. Но от тех шести первых страстей они совершенно отличаются и не соединяются с ними подобным родством; не только не получают от них никакого повода к своему рождению, но даже противоположным образом и порядком возбуждаются. Ибо после истребления тех эти сильнее

плодятся, и после умерщвления тех живее возникают и возрастают. Потому эти две страсти особенным образом нападают на нас. Ибо в каждый из тех шести пороков мы впадаем тогда, как будем уязвлены от предшествующих им; а в эти две страсти мы чаще впадаем после победы над прочими пороками. Итак, все страсти как от усиления предыдущих рождаются, так уменьшением их подавляются. Таким же способом, чтобы истребить гордость, прежде следует подавить тщеславие. И таким образом, после подавления предыдущих последующие утихнут, и после истребления предшествующих остальные страсти без труда увянут. И хотя эти восемь страстей объединены между собою упомянутым образом и смешаны, однако они разделяются на четыре союза и сопряжения: ибо блудная похоть особенным союзом связана с чревоугодием, гнев со сребролюбием, уныние с печалью, а гордость тесно соединена с тщеславием.

Глава 11. О происхождении и качестве каждой страсти

Теперь подробнее рассмотрим роды каждой страсти. Чревоугодия три рода: первый понуждает спешить к обеду прежде установленного, законного часа; второй услаждается наполнением чрева и пожиранием некоторых кушаний; третий желает лакомой и отлично приготовленной пищи. Эти три рода вводят монаха в немалые расходы, если он не постарается воздерживаться от них с равным старанием и осторожностью. Ибо как окончание поста никак нельзя допускать прежде назначенного часа, так нужно отвергать и прожорливость чрева и дорогостоящее и изысканное приготовление кушанья. Ибо от этих трех причин происходят самые злые недуги души. От первой рождается ненависть к монастырю, а оттуда возрастает страх и несносность жительства в нем, за которую, без сомнения, тотчас последует скорое бегство. От второй возбуждаются огненные воспламенения сладострастия и похоти. А третья оплетает

шеи пленников нерасторжимыми узами сребролюбия и не позволяет монаху пребывать в совершенной нищете Христовой. Что зачатки этой страсти в нас есть, это мы познаем из того признака, когда, будучи удержаны каким-либо братом для обеда, не довольствуемся тем вкусом пищи, с каким она приготовлена, но с неблагоприятной и необузданной свободой просим что-нибудь влить в нее или прибавить. А этого совершенно не должно быть по трем причинам: во-первых, потому, что монах должен приучаться к терпеливости и бережливости и, по апостолу (Флп 4, 11), «научиться быть довольным тем, что есть»; ибо не может обуздать тайных или больших вожделений тела тот, кто, оскорбляясь вкушением и малой неприятности, ни на минуту не хочет оставить услаждения своей гортани; во-вторых, потому, что иногда случается, что в то время нет той вещи, какой нам хочется, и мы причиняем хозяину стыд скудости или скупости, открывая его бедность, которую он хотел оставить известной одному Богу; в-третьих, потому, что иногда тот вкус, какого мы себе требуем, не нравится другим, и мы причиняем неприятность многим, когда желаем удовлетворить своему желанию и чреву. Потому всячески надо обуздывать в себе такую вольность.

Блудной страсти три рода: первый совершается через смешение полов; второй, за который поразил Господь Онана, сына патриарха Иуды (Быт 38:9-10), производится без смешения с женщиною, этот род блудной страсти в Св. Писании называется нечистотою, о чем апостол говорит: «безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оставаться, как я. Но если не *могут* воздержаться, пусть вступают в брак; ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться» (1Кор 7:8-9). Третий (род), о котором Господь в Евангелии говорит: «кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем» (Мф 5, 28),

производится умом и сердцем. И блаженный апостол, также различая эти три рода, говорит: «умертвите земные члены ваши: блуд, нечистоту, ...похоть» и проч. (Кол 3:5). И еще о двух родах к ефесянам говорит: «блуд и всякая нечистота ...не должны даже именоваться у вас. Знайте, что никакой блудник, или нечистый, или любостяжатель, который есть идолослужитель, не имеет наследия в Царстве Христа и Бога» (Еф 5:3, 5). Одно исключение из Царства Христова должно устрашать нас, чтобы мы с одинаковой заботой остерегались этих трех родов.

Сребролюбия три рода: первый не позволяет отрекающимся от мира оставить богатство и имущество свое; второй убеждает нас с большею жадностью возвратить то, что нами было расточено или роздано бедным; третий побуждает желать и приобретать то, чего даже и прежде мы не имели.

Три рода и гнева: первый пылает внутри, что по-гречески называется *υμῶς* (ярость), второй прорывается в слово и дело и называется *οργή* (гнев), о котором апостол говорит: «теперь вы отложите все: гнев, ярость» (Кол 3, 8); третий вспыхивает не на короткое время, но сохраняется через несколько дней, долгое время, что называется злопамятность. Всего этого с одинаковым опасением мы должны отвращаться.

Печали два рода: первый происходит после прекращения гнева, или от нанесенного вреда, или когда желание встретило препятствие, не исполнилось; второй происходит от неразумной скорби сердца или отчаяния.

Уныния два рода: один повергает в сон во время жары (в полдень); а другой склоняет оставить келью и бежать.

Тщеславие хотя многолико, разделяется на разные виды, однако два рода его: первый заставляет превозноситься плотскими, видимыми вещами, а второй из-за духовных,

невидимых предметов воспламеняет нас желанием суетной похвалы.

Глава 12. В чем полезно тщеславие

Тщеславие, впрочем, в одном отношении бывает и полезно для новоначальных, для тех только, которые еще подвергаются искушениям от плотских пороков, например, если в то время, когда разжигаются духом блуда, они в уме представляют достоинство священнической должности или мнение всех, которые считают их святыми, безукоризненными, и, таким образом, нечистые возбуждения похоти считая гнусными и недостойными (людского) мнения о них или сана своего, по крайней мере, этим размышлением подавляют их, меньшим злом отсекая большее. Ибо лучше всякому подвергнуться искушению от страсти тщеславия, нежели впасть в пламя блудной похоти, откуда уже не в силах будет выйти или едва сможет выйти после падения. Эту мысль от лица Божия один пророк хорошо выразил, говоря: ради Себя удалю ярость Мою, и хвалою Моею обуздаю тебя, чтобы ты не погиб, т.е. чтобы от увлечения тщеславными похвалами не низвергся в глубину ада и от совершения смертных грехов не погрузился невозвратно. Неудивительно, что у этой страсти есть такая сила, что и впадающего в порок блуда может обуздать, когда доказано опытами многих, что она зараженного ядом ее делает неустойчивым, так что заставляет не чувствовать двухдневного или трехдневного поста. Мы знали некоторых в этой пустыне, которые сознавались, что они, находясь в киновиях Сирии, без труда сносили воздержание от пищи в течение пяти дней, а теперь даже с третьего часа дня томятся таким голодом, что ежедневный пост едва могут продолжать и до девятого часа. Касательно этого предмета авва Макарий одному спрашивавшему, отчего он в пустыне чувствует голод и с третьего часа, а в киновии, часто постясь целую неделю, не чувствовал голода, хорошо

отвечал: это оттого, что здесь нет свидетеля твоего поста, который бы питал и подкреплял тебя своими похвалами; а там похвалы людей и тщеславие насыщали тебя.

Образ этого дела, о котором мы сказали, что привходящим тщеславием устраняется порок блуда, довольно хорошо представляется в книге Царств (4Цар 23; 4Цар 24), где говорится, что, когда народ израильский был пленен царем египетским Нехао, ассирийский царь Навуходоносор, придя, отвел его от пределов Египта в свою область, но не для того, чтобы возвратить ему прежнюю свободу и родную страну, а чтобы отвести в свою землю, более отдаленную, нежели земля египетская. Этот образ прилично прилагается и здесь: хотя терпимее раболепствовать тщеславию, нежели пороку блуда, однако освободиться от владычества тщеславия труднее. Ибо пленнику, отведенному на более отдаленные места, труднее возвратиться в родную землю и отеческую свободу, и справедливо относится к нему пророческое порицание: для чего ты «состарился в земле чужой»? (Вар. 3:10). Правильно называется состарившимся в чужой земле тот, кто не обновляется от земных пороков. И, наконец, гордости два рода: первый плотский, второй духовный, который губительнее первого бывает. Ибо он особенно искушает тех, которые преуспели в некоторых добродетелях.

Глава 13. Страсти различным образом на нас нападают

Хотя эти восемь страстей искушают весь род человеческий, впрочем, не на всех одинаковым образом нападают. Ибо в одном главное место занимает дух блуда; в другом преобладает ярость; в ином властвует тщеславие; а в другом гордость господствует, так что хотя все страсти на всех нападают, но каждый из нас различным образом и порядком раболепствует им.

Глава 14. Надо вести борьбу со страстями сообразно с

их нападением

Поэтому нам следует вести борьбу с этими страстями так, чтобы всякий, испытывая какую-либо страсть, особенно против нее и направлял оружие, употребляя всякое старание и заботу духа для наблюдения за нею и подавления ее, направляя против нее копья ежедневных постов, ежеминутно бросая в нее стрелы сердечных стенаний и воздыханий, непрестанно проливая слезы в молитве к Богу, постоянно прося Господа прекратить борьбу его. Ибо никто не может восторжествовать над страстью, пока не убедится, что своим тщанием или трудом не может одержать победу в битве; однако для подавления страсти ему и со своей стороны необходимо стараться днем и ночью. А когда почувствует, что освобожден от этой страсти, то опять должен с полным вниманием рассмотреть тайники своего сердца, приметить, какая в нем есть еще более злая (страсть), против нее употребить все духовное оружие, и таким образом, победив сперва сильнейшие, он скорее и легче одержит победу над остальными; потому что от успеха побед и дух его делается сильнее, и последующая битва со слабейшими скорее доставит ему успех в борьбе. Как сражающиеся при глазах царей со зверями сначала высматривают сильнейших и свирепейших и с ними первыми вступают в борьбу, победив же их прочих, менее страшных и сильных, уже легче побеждают, так и мы, победив более сильные страсти, без труда одержим совершенную победу над последующими слабейшими.

Впрочем, следует остерегаться, чтобы, противоборствуя только главной страсти и не обращая внимания на стрелы прочих, не быть уязвленным неожиданным ударом. Кто, заботясь об очищении своего сердца, внимание ума будет напрягать для преодоления главной страсти, тому нельзя не иметь подобного опасения и бодрствования и по отношению к прочим страстям. Ибо одержать победу над той страстью, от

которой хочет освободиться, как удостоится тот, кто заражен другими страстями и делает себя недостойным награды за очищение? Но когда кто с полным вниманием вступит в сражение против одной страсти, то он должен молиться преимущественно о ней, с особенной заботливостью и прилежнее наблюдать за ней, чтобы через это одержать скорую победу. Что таков должен быть порядок в борьбе со страстями и что не следует полагаться на свою силу, это показывает Законодатель (Моисей) в следующих словах: «не страшись их, ибо Господь, Бог твой, среди тебя, Бог великий и страшный. И будет Господь, Бог твой, изгонять пред тобою народы сии мало-помалу; не можешь ты истребить их скоро, чтобы [земля, не сделалась пуста] и не умножились против тебя полевые звери; но предаст их тебе Господь, Бог твой, и приведет их в великое смятение, так что они погибнут» (Втор 7, 21-23).

Глава 15. Мы не можем победить страсти без помощи Божией, и победою над ними нельзя превозноситься

Но что нельзя превозноситься победою над страстями, этому также научает пророк Моисей, говоря: «когда будешь есть и насыщаться, и построишь хорошие дома и будешь жить в них, и когда будет у тебя много крупного и мелкого скота, и будет много серебра и золота, и всего у тебя будет много, – то смотри, чтобы не надмилось сердце твое и не забыл ты Господа, Бога твоего, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства; Который провел тебя по пустыне великой и страшной» (Втор 8, 12-15). Также и Соломон в Притчах говорит: «когда упадет враг твой, не радуйся; и когда он споткнется, не давай веселиться сердцу твоему. А иначе увидит Господь, и это будет злом пред очами Его. И Он от него на тебя обратит гнев Свой (Притч 24, 17-18), т. е. увидев надмение твоего сердца, перестанет подавлять его, и ты, оставленный Им, опять начнешь мучиться той же страстью,

которую победил было при помощи благодати Божией. Если бы пророк не знал, что некоторые за возношение сердца опять предаются тем же порокам, чтобы смирились, то не молился бы, говоря: Господи, «не предай зверям душу, исповедающуюся Тебе» (Пс 73, 19). Поэтому мы должны быть уверены, научаясь как из собственного опыта, так и из бесчисленных свидетельств Св. Писания, что мы своими силами, без подкрепления помощи Божией, не можем победить стольких врагов и всегда должны приписывать Ему нашу победу. Об этом, по наставлению Господа, Моисей так говорит: «когда будет изгонять их (народы) Господь, Бог твой, от лица твоего, не говори в сердце твоём, что за праведность мою привел меня Господь овладеть сею [доброю] землею, и что за нечестие народов сих Господь изгоняет их от лица твоего; не за праведность твою и не за правоту сердца твоего идешь ты наследовать землю их, но за нечестие [и беззакония] народов сих Господь, Бог твой, изгоняет их от лица твоего» (Втор 9:4–5). Что яснее можно сказать против губительного самомнения и самонадеянности нашей, по которой все, что делаем, хотим приписывать свободной воле или старанию нашему? Тогда, говорит: «будет изгонять их Господь, Бог твой, от лица твоего, то не говори в сердце твоём, что за праведность мою привел меня Господь овладеть сею землею». Не ясно ли Он изрек для тех, которые имеют душевные очи открытые и уши для слышания? Когда у тебя благополучно кончится битва с плотскими пороками и увидишь, что избавился от нечистоты их и от жизни мирской, то, вознесшись успехом борьбы и победы, не приписывай этого своей силе и мудрости, думая, что победу над духовными непотребствами и плотскими пороками ты одержал своими трудами, старанием и волей. Ты, без сомнения, не можешь преодолеть их ни в чем, если Господь не сообщит тебе помощи и не будет покровительствовать тебе.

Глава 16. О значении семи народов, землю которых занял Израиль

Это – те семь народов, земли которых Господь обещал дать вышедшим из Египта сынам Израилевым. Все это, по апостолу (1Кор 10, 6), было образом для нас, и мы должны принимать написанное для нашего назидания. Ибо так говорится: «когда введет тебя Господь, Бог твой, в землю, в которую ты идешь, чтоб овладеть ею, и изгонит от лица твоего многочисленные народы, хеттеев, гергесеев, аморреев, хананеев, ферезеев, еевеев и иевусеев, семь народов, которые многочисленнее и сильнее тебя, и предаст их тебе Господь, Бог твой, и поразишь их» (Втор 7, 1-2). А что говорится, что они многочисленнее, то это потому, что пороков больше, нежели добродетелей. И хотя перечисляются только семь народов, но, когда говорится о поражении их, представляются без обозначения числа. Ибо так Читаем: «и истребит многие народы пред тобою». Потому что многочисленнее Израиля народ плотских страстей, который происходит от семеричного корня страстей. Ибо отсюда происходят человекоубийства, споры, ереси, воровство, лжесвидетельство, хула, пьянство, пиршества, поношения, игральница, сквернословие, ложь, клятвопреступления, глупые речи, кощунство, беспокойство, хищничество, досада, крик, негодование, презрение, ропот, искушение, отчаяние и много других пороков, которые долго было бы перечислять. Так как они у нас считаются легкими, то послушаем, что апостол о них думает, или какое мнение высказывает о них: «не ропщите, – говорит, – как некоторые из них роптали и погибли от истребителя» (1Кор 10:10; Чис 14:36-37). Об искушении говорит: «не станем искушать Христа, как некоторые из них искушали и погибли от змей» (1Кор 10:9; Чис 21, 6). Об отчаянии: «они, дойдя до бесчувствия, предались распутству так, что делают всякую нечистоту с

ненасытимостью» (Еф. 4, 19). А что крик, как и гнев, негодование, хула, осуждаются, этому научаемся из ясных слов апостола, который так заповедует: «всякое раздражение и ярость, и гнев, и крик, и злоречие со всякою злобою да будут удалены от вас» (Еф 4:31) и т. п.

Хотя эти пороки многочисленнее добродетелей, однако с победою главных восьми страстей, от которых, как известно, те происходят, все тотчас прекратятся и вместе с ними навсегда погибнут. Ибо от чревоугодия рождаются пиршества, пьянство; от блудной страсти – сквернословие, шутовство, забавы, суесловие; от сребролюбия – ложь, обман, воровство, вероломство, жадность к корысти, лжесвидетельство, насилие, бесчеловечность, хищничество; от гнева – человекоубийство, крик, негодование; от печали – брюзгливость, малодушие, раздражительность, отчаяние; от уныния – праздность, сонливость, безвременность, беспокойство, бродяжничество, непостоянство ума и тела, говорливость, любопытство; от тщеславия – споры, ереси, самовыказывание, склонность к новизне, от гордости – презрение, зависть, неповиновение, хула, ропот, поношение. А что эти пороки сильнее, это ясно видим из борьбы самой природы (нашей). Ибо сильнее воинствует в членах наших услаждение плотских страстей или пороков, нежели ревность к добродетелям, которые только глубоким сокрушением сердца и тела приобретаются. Если же духовными очами будем созерцать и те бесчисленные полчища врагов, которые перечисляет апостол, говоря: «наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф 6, 12); и что говорится о муже праведном: «падут подле тебя тысяча и десять тысяч одесную тебя» (Пс 90, 7); то ясно увидим, что (враги) многочисленнее и сильнее, нежели мы – плотские и земные;

потому что им дана духовная и воздушная субстанция ¹¹.

Глава 17. Вопрос о сравнении семи пороков с семью народами

Герман. Если пороков, которые воюют против нас, восемь, то почему перечисленных Моисеем народов, которые противны народу Израильскому, только семь? И как удобно нам завладеть землею пороков?

Глава 18. Ответ: как по числу восьми пороков восполняется число восьми народов

Серапион. Это общее мнение всех, – что главных пороков, которые нападают на монаха, восемь. Эти пороки, образно представляемые под именем народов, теперь названы не все потому, что Моисей или Господь через него обращался к вышедшим из Египта и уже освободившимся от одного сильнейшего народа, т.е. египтян. Этот образ правильно относится и к нам, которые, отрешившись от мирских уз, не имеем порока чревоугодия. Мы сражаемся с этими остальными семью народами; а первый, как уже побежденный, не считается. Земля его не дается Израилю во владение; но заповедью Господней подтверждается, чтобы он оставил ее навсегда и вышел из нее. И потому посты должны так соблюдаться, чтобы из-за чрезмерного воздержания, сопровождаемого расстройством или слабостью тела, не было необходимости опять возвращаться в землю египетскую, т.е. к прежней страсти чревоугодия, которую мы отвергли, когда отрекались от этого мира. Это образно потерпели те, которые, выйдя в пустыню добродетелей, опять пожелали котлов с мясом, над которыми сидели в Египте (Чис 11).

Глава 19. Почему повелевается оставить один народ египетский, а семь истребить

А что тот народ, среди которого родились сыны Израилевы, заповедуется не истреблять совершенно, а только оставить землю его, а эти семь народов повелевается истребить окончательно, этому причина следующая: с какой бы горячностью духа мы ни вышли в пустыню добродетелей, но никак не можем оставить соседства власти чрева и ежедневного общения с ним. Ибо всегда живет в нас врожденная, естественная потребность в пище, хотя мы должны стараться отсекай излишние позывы и желания ее, которые как нельзя истребить вовсе, так с некоторой осторожностью следует их ограничивать. Ибо об этом говорится: «попечения о плоти не превращайте в похоти» (Рим 13:14). Следовательно, когда мы продолжаем это попечение, которое повелевается не пресечь вовсе, но только не превращать в похоти, то очевидно, мы не истребляем египетского народа, а отделяемся от него некоторым различием, не заботясь об излишней или лакомой пище, но, по апостолу (1Тим 6, 8), довольствуясь ежедневной пищею и одеждою. Об этом образно в законе предписывается так: «не гнушайся египтянином, ибо ты был пришельцем в земле его» (Втор 23, 7). В необходимом пропитании нельзя отказать телу без гибели для него, или без греха для души. А движения тех семи страстей, как совершенно вредных во всем, нужно вовсе изгонять из внутренности нашей души. Ибо о них так говорится: «всякое раздражение и ярость, и гнев, и крик, и злоречие со всякою злобою да будут удалены от вас» (Еф 4, 31). И еще: «блуд и всякая нечистота и любостяжание не должны даже именоваться у вас... Также сквернословие и пустословие и смехотворство не приличны вам» (Еф 5:3-4) Следовательно, мы можем отсечь корни тех пороков, которые прильнули к нашей природе; а употребления пищи для чрева не можем прекратить. Ибо сколько бы мы ни преуспевали, все же остаемся тем, чем рождаемся. Это доказывается как нашим опытом (хотя мы мало значим), так и

жизнью всех совершенных; они хотя отсекали возбуждения прочих страстей и удалились в пустыню со всей горячностью духа и в нищете телесной, однако не могут освободиться от ежедневного приготовления пищи и от заботы о годовом запасе хлеба.

Глава 20. О свойстве чревоугодия, сравниваемого с орлом

Образ этой страсти, которой обязательно подчиняется даже монах духовной и высокой жизни, довольно верно обозначается подобием орла. Хотя он в возвышенном полете поднимается за облака и скрывается от глаз всех смертных и от лица всей земли, но по требованию чрева принужден опять спускаться на низменности долин, сходить на землю и питаться мертвечиной. Этим ясно доказывается, что чревоугодия нельзя пресечь, как прочие пороки, или совершенно истребить, а только излишние возбуждения и пожелания его можно ограничить, обуздать силою души.

Глава 21. Разговор с философами о непрерывной борьбе с чревоугодием

Один старец, рассуждая с философами, которые, считая его простецом, думали поставить в затруднение, объясняя свойство чревоугодия, хорошо изобразил это следующей притчею. Отец мой, говорил он, оставил мне уплачивать долг многим кредиторам; заплатив всем сполна, я избавился от всякой неприятной докучливости их, только одному, ежедневно уплачивая, не могу удовлетворить. Когда же философы, не понимая значения предложенной притчи, просили объяснить ее, то он сказал: я по природе был подвержен многим порокам; но по внушению Богом желанию – освободиться от них, отрекшись от этого мира и оставив все имение, доставшееся мне по наследству от отца, я удовлетворил всем им, как докучливым займодавцам и

совершенно освободился от них, а от нападения чревоугодия никак не мог освободиться. Хотя требования его я уже ограничил до возможно малой меры, но ни в один день не избегаю его нападения, обязательно подвергаюсь постоянной докучливости его, постоянно плачу некоторую неопределенную плату и по его требованиям приношу неоплатный долг. После этого философы сознались, что старец этот, которого они сначала презирали, как невежду и простака, весьма хорошо постиг первую часть философии, т.е. нравственную науку, и очень удивлялись тому, что он природным смыслом мог постигнуть то, чего не доставила ему светская ученость, тогда как они с большим трудом и долгим учением не могли этого постичь. Этого довольно сказать в частности о чревоугодии; возвратимся к рассуждению об общем сродстве пороков, которое начали мы изъяснять.

Глава 22. Для чего Бог предсказал Аврааму, что десять народов будут побеждены народом Израильским

Когда Господь говорил Аврааму о будущем, о чем вы не спрашивали, то перечислил не семь, а десять народов, землю которых обещал дать семени его (Быт 15, 19-21; Исх 3, 17; Втор 7, 1). Это десятиричное число (т.е. пороков, обозначенное десятью народами) очевидно пополнится, когда будут присоединены (т.е. к восьми главным порокам, о которых здесь говорится) идолопоклонство и хула, коим было подвержено множество нечестивых язычников и богохульных иудеев, пока пребывало в духовном Египте, прежде познания Бога и благодати крещения. Если же кто, отрекшись от мира, выйдя оттуда по благодати Божией, победив чревоугодие (этот духовный Египет), вступит в духовную пустыню (т.е. на поприще добродетелей), то, освободившись от нападения трех народов, будет сражаться только против семи, исчисленных Моисеем.

Глава 23. Почему полезно нам завладеть землею пороков

А что нам спасительно заповедуется завладеть странами этих погибельных народов, то это так нужно понимать: всякий порок в нашем сердце имеет свое место, занимая которое, вытесняет Израиля, т.е. вытесняет созерцание высших, святых предметов и непрестанно противится им. Ибо добродетели не могут вместе с пороками ужиться. «Ибо какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмою» (2Кор 6, 14). Но когда пороки будут побеждены народом Израильским, т.е. добродетелями, воюющими против них, то место, которое занимал в нашем сердце дух похоти или блуда, потом займет целомудрие; какое захватила ярость, то присвоит терпение; какое занимала скорбь, причиняющая смерть, тем возобладает спасительная печаль, полная радости; какое попирала гордость, на том почиет смирение, и таким образом после изгнания каждого порока места их займут противоположные расположения – добродетели, которые справедливо называются сынами Израилевыми, т.е. душами, видящими Бога; после изгнания из сердца всех страстей они займут не чужие владения, а собственные возвратят.

Глава 24. Земли, из которых выгнаны хананеи, предоставлены племени Сима

По древнему преданию, земли хананеев, в которые введены сыны Израилевы, некогда при разделе вселенной получили в обладание сыны Сима, а затем потомство Хама при несправедливом нападении насильно завладело ими. В этом открывается праведный суд Божий, по которому Бог и хананеев выгнал из чужих мест, которые они неправильно заняли, и израильтянам возвратил древнее отеческое владение, которое племени их во время раздела вселенной

досталось. Этот образ верно относится и к нам. Ибо воля Божия обладание сердцем нашим предоставила не порокам, а добродетелям, которые после преступления Адама, по усилении пороков, – этих народов хананейских, из собственной области были выгнаны, а потом, по благодати Божией, нашим старанием и трудом опять возвращены ему, и они заняли не чужие, а свои земли.

Глава 25. Разные свидетельства о значении восьми пороков

Об этих восьми пороках и в Евангелии так говорится: «когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и, не находя, говорит: возвращусь в дом мой, откуда вышел; и, придя, находит его выметенным и убраным; тогда идет и берет с собою семь других духов, злейших себя, и, войдя, живут там, – и бывает для человека того последнее хуже первого» (Лк 11, 24–26). Как там (в Ветхом Завете) упоминаются семь народов, исключая египтян, от которых вышли сыны Израилевы; так здесь (в Евангелии) говорится, что возвратились семь духов нечистых кроме того, который прежде вышел из человека. Об этом семеричном числе пороков и Соломон в Притчах говорит: «если враг твой попросит тебя нежным голосом, не верь ему, потому что в сердце его семь мерзостей» (Притч 26:25), т. е. если побежденный дух чревоугодия своим смирением начнет улаживать тебя, упрашивая, чтобы ты несколько послабил ему, уменьшил ревность в воздержании и меру строгости, то ты не сдавайся на его покорность; видя, что немного успокоилось в тебе плотское разжигание, не думай, что ты защищен от нападений, не возвращайся к прежней невоздержности или прихотям чревоугодия. Ибо этим побежденный тобою дух говорит как бы так: возвращусь в дом мой, откуда вышел. Тогда тотчас происходящие от него семь духов – пороков будут для тебя злее, нежели та страсть, которая вначале была

побеждена тобою, и они скоро увлекут тебя к худшим грехам.

Глава 26. Победив страсть чревоугодия, надо приложить труд к приобретению прочих добродетелей

Потому старайтесь, чтобы, воздержанием и постом победив страсть чревоугодия, не оставлять душу нашу без необходимых добродетелей, но рачительно занимать ими все изгибы нашего сердца, чтобы дух чревоугодия, возвратившись, не нашел нас пустыми, не занятыми ими и, не довольствуясь открытием входа для себя одного, не ввел с собою в нашу душу семь страстей. Ибо после этого будет гнуснее, грязнее та душа, которая хвалится, что отвергалась этого мира, тогда как господствуют в ней все восемь страстей, и подвергнется более тяжкому наказанию, нежели когда была в мире и еще не обязывалась ни благочинием, ни именем монашеским. Ибо эти семь духов потому называются злейшими предыдущего духа, что пожелание чрева само по себе не было бы вредно, если бы не вводило за собою других более важных страстей, т.е. блуда, сребролюбия, гнева, печали или гордости, которые, без сомнения, вредны и губительны душе. И потому никогда не может достигнуть совершенной чистоты тот, кто надеется приобрести ее одним воздержанием, т.е. телесным постом, если не познает, что воздержание нужно для того, чтобы, по усмирении плоти постом, легче мог вступить в борьбу с прочими страстями.

Глава 27. Порядок борьбы различен от порядка пороков

Впрочем, надо знать, что порядок борьбы не во всем бывает одинаков, потому что, как мы сказали, не все мы одинаковым образом искушаемся, и всякому из нас следует вступить в борьбу особенно с той страстью, которая больше нападает на нас, так что иному необходимо прежде вступить в сражение с третьей страстью, иному с четвертой или пятой. Смотря по

тому, какие страсти сильнее в нас и как требует образ нападения их, так мы и должны установить порядок сражения, по которому бы последующий успех победы и торжества мог привести нас к чистоте сердца и полноте совершенства. Авва Серапион, рассуждая о свойстве восьми главных пороков, свойства скрывающихся в нашем сердце страстей, причины и связи которых мы прежде вовсе не могли различать, – раскрыл так ясно, что, казалось, они находились перед нашими глазами и мы увидели их, как в зеркале.

* * *

7

Серапион был пресвитер, игумен 10 тыс. монахов. О нем упоминается в Соб. 2, гл. 10.

8

По свидетельству Плутарха (in Lycurgo) у лакедемонян вовсе не было денег в употреблении до царя Агезилая, который первым ввел их в употребление, и этим многие были очень недовольны.

9

До потопа все люди, занимаясь земледелием и скотоводством, денег не имели, а производили торговлю посредством обмена скота (pecudis), отсюда название денег Pecunia.

10

Под динарием здесь понимается, вероятно, не серебряная, а малая медная монета, как сказано в примечании к Кн. 4, гл. 14.

11

См. Соб. 7, гл. 12.

Шестое собеседование аввы Феодора. Об умерщвлении святых

Глава 1

В пределах Палестины, близ Фекойского селения, удостоившейся быть местом рождения пророка Амоса, лежит обширная пустыня, простирающаяся до самой Аравии и Мертвого моря, в котором исчезают впадающие в него воды Иордана и холмы пепла Содомского. Монахи, мужи высокой жизни и святости, с давнего времени живущие в этой пустыне, внезапно умерщвлены были толпою сарацинских разбойников. Мы знали, что тела этих убиенных тайно были взяты и погребены между мощами мучеников, и что как начальники сей страны, так и вообще все аравляне оказали такое уважение к ним, что народ, стекшийся из двух городов в несчетном количестве, из-за этой священной добычи вступил в жестокую распрю между собою, дошедшую до действительного сражения мечами. В благочестивом усердии своем они спорили, кто имеет больше прав владеть гробами и заключенными в них останками этих пустынных подвижников. Одни выставляли на вид близкое к себе жительство их, другие – родственное отношение с ними. Между тем некоторые из братьев и мы сами немало соблазнялись этим происшествием; оно возбуждало желание узнать: почему столь достойные и добродетельные мужи так умерщвлены разбойниками и почему Господь попустил совершиться над рабами Своими этому злодеянию, предав в руки нечестивых таких мужей, дивных для всех? Опечалившись этим, мы пошли к святому Феодору¹², мужу отличному в деятельной жизни. Он жил в кельях¹³, которые находились между Нитрией и Скитом, в пяти милях¹⁴ от нитрийских монастырей и в восьмидесяти милях от Скитской пустыни, в которой мы пребывали. Мы

изъявили перед ним наше сожаление об умерщвлении тех мужей, удивляясь вместе с тем такому великому снисхождению Божию, допустившему столь заслуженным мужам быть так убитыми. Мы желали знать, отчего те, которые силою своей святости могли бы избавить других от такого искушения, не могли избавить самих себя от рук нечестивых, или почему Бог попустил совершиться над рабами Своими такому злодейству?

Глава 2. Ответ аввы Феодора на предложенный вопрос

Блаженный Феодор отвечал: этот вопрос обыкновенно возмущает души тех, которые, имея мало веры и знания, думают, что заслуги святых вознаграждаются в этой временной короткой жизни. Но поскольку мы не только в этой жизни надеемся на Христа, иначе мы, по апостолу, были бы «несчастнее всех человеков» (1Кор 15, 19), потому что, не получая в этом мире обещанного, лишимся его и в будущем за свое неверие; то не должны увлекаться заблуждениями тех невежд, чтобы, колеблясь и страшась при недостатке верного и определенного понятия, не возмущаться нам в искушениях, когда подвергнемся им, или (что и сказать страшно) чтобы не приписывать Богу отсутствие правосудия и промысла о делах человеческих, как будто Он не был защитником добродетельных и святых мужей во время искушений и не воздавал в настоящей жизни добром за добро и злом за зло; чтобы нам не подвергнуться осуждению с теми, о ком, обличая, говорит пророк Софония: «говорят в сердце своем: не делает Господь ни добра, ни зла» (Соф 1, 12), или чтобы не уподобиться тем, которые в богохульной жалобе своей говорят: «всякий, делающий зло, хорош пред очами Господа, и к таким Он благоволит, или: где Бог правосудия?» (Мал 2, 17). И еще присовокупляют к этому другие богохульные речи, следующие далее в пророческом писании: «тщетно служение Богу, и что пользы, что соблюдали постановления Его и ходили

в печальной одежде пред лицом Господа Саваофа? И ныне мы считаем надменных счастливыми: лучше устраивают себя делающие беззакония, и хотя искушают Бога, но остаются целыми» (Мал 3:14–15). Итак, чтобы нам избежать неведения, которое служит главной причиной этого пагубнейшего заблуждения, мы должны прежде всего знать, в чем состоит истинное добро и в чем действительное зло. Если мы определим то и другое не по ложному людскому понятию, а по смыслу Св. Писания, то мы не увлечемся заблуждением неверующих людей.

Глава 3. О трех предметах в этом мире: о зле, добре и среднем

Все, что есть в этом мире, бывает троякого рода, т.е. добро, зло и среднее. Итак, мы должны знать, что собственно добро, зло и что среднее, чтобы вера наша, утвержденная на истинном знании, пребывала непоколебимой во всех искушениях. Во всем, что собственно касается человека, главным образом нужно почитать одну только душевную добродетель, которая приводит нас к Богу посредством чистой веры, побуждает непрерывно прилепляться к этому неизменному благу. И напротив, злом следует называть один только грех, который, разлучая нас с благим Богом, заставляет входить в общение со злым дьяволом. Среднее между добром и злом есть то, что по воле и расположению человека может быть обращено в ту и другую сторону; таково, например, богатство, власть, честь, телесная крепость, здоровье, красота, сама жизнь или смерть, бедность, немощь плоти, обиды и тому подобное, что человек по свойству своему и расположению может употребить в добрую и худую сторону. Так и богатство часто служит ко благу, по слову апостола, который богатым в настоящем веке заповедует быть щедрыми, общительными, собирающими себе сокровище, обязанное быть добрым основанием для будущего, чтобы

достигнуть истинной жизни (1Тим 6, 17–19), и, по Евангелию, оно полезно тем, которые приобретают себе друзей «богатством неправедным» (т. е. вещественным – Лк 16, 9). Но то же самое богатство обращается и во зло, как скоро собирается только для сбережения или для роскоши, а не употребляется для пользы нуждающихся. Также и то, что власть, честь, телесная крепость и здоровье составляют нечто среднее, безразличное, это легко доказывается тем, что многие из ветхозаветных святых, обладающие этими благами (т. е. имевшие и великие богатства, и высокие достоинства, и крепость телесную), были, как известно, угодны и Богу. Напротив, употребившие во зло эти блага и обратившие их на служение своему бесчестью были по заслугам наказаны или погублены, о чем часто повествуют книги Царств.

Что сама жизнь и смерть есть нечто среднее, это ясно показывает рождение св. Иоанна или Иуды. Ибо жизнь одного сама по себе настолько была благотворна, что рождение его доставило радость и другим, как говорится в Евангелии: «и многие о рождении его возрадуются» (Лк 1, 14); между тем о жизни другого сказано: «лучше было бы этому человеку не родиться» (Мф 26, 24). О смерти Иоанна и всех святых говорится: «дорога в очах Господних смерть святых Его!» (Пс 115, 6); а о смерти Иуды и подобных ему: «смерть грешников люта» (Пс 33, 22). Насколько иногда бывает полезна и немощь плоти, это доказывается блаженством Лазаря, покрытого струпьями. Поскольку Св. Писание не упоминает ни о каких других заслугах его добродетелей, то это значит, что он заслужил блаженнейшую участь успокоения на лоне Авраама одним тем, что с величайшим терпением переносил нищету и телесную немощь (Лк 16, 20–25). Нищета, гонения, обиды обыкновенно считаются злом, но сколь они полезны и необходимы, это ясно доказывается тем, что святые мужи не только никогда не старались избегать, но еще со всею

ревностью желали или со всею твердостью переносили их, через что сделались друзьями Божиими и получили награду вечной жизни, как говорит апостол: «посему я благодушествую в немощи, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа, ибо, когда я немощен, тогда силен» (2Кор 12, 10). Итак, ни великие богатства этого мира, ни власть, ни отличия, сколько бы кто ни превозносился ими, не могут считаться существенным благом, которое заключается в одних добродетелях; они – нечто среднее между благом и злом; ибо как для праведных и правильно употребляющих их по нужде они бывают полезны и пригодны (поскольку подают случай к добрым делам и приносят плоды для вечной жизни), так, с другой стороны, для тех, которые во зло употребляют их, они бывают бесполезны и вредны, служа поводом к греху и смерти.

Глава 4. Зло никому не может быть причинено другим

Твердо помня это разделение и зная, что нет блага, кроме одной добродетели, проистекающей из страха и любви к Богу, и что нет зла, кроме одного греха и удаления от Бога, теперь тщательно исследуем: позволял ли Бог когда-нибудь Себе Самому или другому кому-либо подвергать святых Своих этому злу. Без сомнения, ты никогда не найдешь такого случая. Ибо если кто не сам хотел предаться греху и старался противиться, то другой никогда не мог подвергнуть его этому злу; подвергался же только тот, кто сам допускал к себе зло по невнимательности своего сердца и растлению воли. Когда и дьявол хотел подвергнуть этому греховному злу блаженного Иова, употребив все хитрые средства своей злобы, т.е. не только лишил его всего имущества и поразил тяжкой и неожиданной скорбью, умертвив семь сынов его, но и самого покрыл от головы до ног несносно мучительными ранами, – и дьявол никак не мог запятнать его грехом; поскольку он непоколебимо противостоял всем его искушениям и не

изъявил ни малейшего согласия на богохульство.

Глава 5. Возражение: как же о Боге говорится, что Он творит зло?

Герман. В Св. Писании мы неоднократно читаем, что Бог причиняет людям или наводит на них зло. Так, например: «что нет кроме Меня; Я, Господь, и нет иного. Я образую свет и творю тьму, делаю мир и произвожу бедствия» (Ис 45, 6–7), и в другом месте: «бывает ли в городе бедствие, которое не Господь попустил бы?» (Ам 3, 6).

Глава 6. Ответ на предложенный вопрос

Феодор. Св. Писание слово «зло» иногда полагает как озлобление, не потому, что они в существе своем были зло, но потому, что принимаются за зло чувством тех, которым с пользою причиняются. Божественная мудрость, вступая в рассуждение с людьми, по необходимости должна употреблять слова и страсти человеческие. Сечение или прижигание, нежно производимое врачом для исцеления гнилых и заразных ран, считают для себя злом те люди, которым приходится переносить это. И коню неприятно прищипывание, и грешнику – исправление. Всякое учение для тех, кому преподается, сперва кажется горьким, как говорит апостол: «всякое наказание в настоящее время кажется не радостью, а печалью; но после наученным через него доставляет мирный плод праведности». И еще: «ибо Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает. ...Ибо есть ли какой сын, которого бы не наказывал отец?» (Евр 12, 11, 6, 7). Таким образом, слово зло полагается иногда в значении скорбей, как в следующем изречении: «и пожалел Бог о бедствии, о котором сказал, что наведет на них, и не навел» (Ион. 3, 10). И в другом месте: «Ты Бог благий и милосердный, долготерпеливый и многомилостивый и сожалеешь о бедствии» (Ион. 4, 2), т.е. о напастях и бедствиях,

которые вынужден бываешь наводить на нас за грехи наши. Другой пророк, зная что эти бедствия для некоторых бывают полезны, не из враждебного к ним чувства, но из желания спасения для них, так молитвенно взывает к Богу: «приложи им зла, Господи, приложи зла славным земли» (Ис 26, 15). И сам Господь говорит: «вот, Я наведу на них бедствие» (Иер 11, 11), т.е. скорби и опустошение, чтобы настоящим спасительным наказанием заставить их обратиться и прибегнуть ко Мне, Которым они пренебрегли в своем счастье. Поэтому мы не можем признать бедствия существенным злом: ибо многим они способствуют ко благу и служат источником вечных радостей.

Таким образом (обратимся к предложенному вопросу), все, что ни делают к озлоблению нашему враги наши или кто бы то ни был другой, не должно считаться злом; ибо такие озлобления не тем являются, чем считает причиняющий их в раздражении сердца, а чем признает их чувство переносящего. Следовательно, если нанесена будет и смерть святому мужу, нельзя думать, что этим нанесено было ему действительное зло – только нечто среднее, что для грешника хотя и составляет зло, но для праведника покой и избавление от зол. Муж праведный со смертью ничего не теряет и ничего особенного не терпит, но что должно было приключиться с ним по требованию природы, тому он подвергается по злобе врага не без награды в вечной жизни, и тот долг, который по неумолимому закону каждый должен отдать смерти, он отдает, приобретая обильнейший плод за свое страдание и мзду великого воздаяния.

Глава 7. Вопрос виновен ли причиняющий праведному смерть, если праведный получает награду за смерть?

Герман. Если умерщвленный праведник не только не потерпел никакого зла, но еще получает награду за свое

страдание, то как можно обвинять того, кто таким умерщвлением не вред причинил ему, а доставил пользу?

Глава 8. Ответ на предложенный вопрос

Феодор. Мы рассуждаем о свойстве добра и зла или того, что мы называли средним, а не о душевном расположении людей, которые совершают их. Человек нечестивый и незаконный не может остаться ненаказанным, оттого что злобою своею не мог повредить праведнику. Ибо терпение и добродетель праведника привлекает награду не тому, кто был причиною его мучений и смерти, а тому, кто великодушно перенес их. Первый справедливо будет наказан за зверскую жестокость, по которой он хотел сделать зло, хотя последний и не потерпел от него никакого зла; потому что, терпеливо перенося искушения и скорби, через эту добродетель души своей он все, причиненное ему со злым намерением, обратил к улучшению своего состояния и к приобретению блаженства будущей жизни.

Глава 9. Пример блаженного Иова, искушаемого дьяволом, и Господа, преданного Иудою; праведнику как счастье, так и несчастье служат к спасению

Таким образом, терпение Иова приобрело награду не дьяволу, который своими искушениями сделал его более славным, а самому Иову, мужественно перенесшему их и Иуда не будет избавлен от вечного мучения из-за того, что его предательство послужило к спасению рода человеческого. Надо обращать внимание не на последствие дела, а на расположение делающего. Поэтому нам следует твердо сохранять в памяти ту мысль, что никому не может быть нанесено зло другим, если сам не навлечет его беспечностью своего сердца и малодушием. Ту же мысль подтверждает апостол в одном стихе: «знаем, что любящим Бога ...все содействует ко благу» (Рим 8, 28). Под словом «все» он вообще

понимает не только счастье, но и то, что почитается несчастьем, как в другом месте пишет о себе тот же апостол, говоря, что он испытал то и другое. «С оружием правды в правой и левой руке, в чести и бесчестии, при порицаниях и похвалах: ...нас огорчают, а мы всегда радуемся; мы нищи, но многих обогащаем» (2Кор 6, 7, 8, 10). Следовательно, все то, что почитается счастьем и что святой апостол относит к правой руке, обозначая словами «честь» и «похвала»; также и все то, что почитается несчастьем и что, очевидно, апостол выражает словами «бесчестие» и «порицание», относя это к левой руке, – все это для мужа совершенного делается оружием правды, если он переносит великодушно, т.е. если эти несчастья он употребляет вместо оружия; если он действует ими, как неким луком, мечами, твердым щитом, наступательно и оборонительно против нападающих на него врагов; то через это приобретает больше терпения и мужества, и тогда сами смертельные вражеские стрелы доставляют славное торжество его твердости. Ибо, не возносясь в счастье, он не отчаивается и в несчастии, но всегда идет ровным путем и царской стезею: приходит ли к нему радость и ведет его как бы на правую сторону или устремляются на него беды и овладевшая им скорбь как бы снова влечет его на левую сторону, он нисколько не теряет состояния спокойствия. Ибо «велик мир у любящих закон Твой, и нет им преткновения» (Пс 118, 165). А о тех, которые при каждом встречающемся им случае изменяются, в Св. Писании говорится так: «безумный изменяется, как луна» (Сир 27, 11). Как о совершенных и мудрых говорится: «мудрость разумного – знание пути своего»; так и о немощных и неразумных говорится: «глупость же безрассудных – заблуждение» (Притч 14, 8); поскольку он ни счастливыми обстоятельствами не пользуется, ни несчастными не исправляется. Ибо такое же мужество потребно для того, чтобы сохранить умеренность в радостях, какое нужно и для

того, чтобы великодушно переносить скорби, и кого может преодолеть одно из этих искушений, тот, без сомнения, не может устоять и против другого. Впрочем, счастье легче губит человека, нежели несчастье. Ибо последнее иногда против воли обуздывает его и смиряет и, приводя в спасительное сокрушение, заставляет его меньше грешить или исправляет; между тем первое, обольстительными своими прелестями доставляя уму надменность, низвергает беспечного в глубочайшую бездну погибели.

Глава 10. О мужестве совершенного мужа, который называется ободесноручным

Эти-то совершенные мужи в Св. Писании исключительно называются ободесноручными, каким именно, по сказанию книги Судей, был Аод: ему та и другая рука служила правой (Суд. 3, 15). В духовном смысле это означает такую добродетель, которую и мы можем приобрести, если и то, что почитается правым – счастьем, и то, что называется левым – несчастьем, будем уметь обращать к правой стороне, т.е. если будем уметь хорошо и правильно пользоваться и счастьем и несчастьем, так чтобы то и другое служило для нас «оружием правды» (2Кор 6, 7). Подлинно, мы усматриваем во внутреннем нашем человеке две стороны и, так сказать, две руки, и ни один святой не может обойтись без так называемой левой руки; но совершенная в нем добродетель обнаруживается тем, что он ту и другую руку, посредством доброго употребления, обращает в правую. Представим свои мысли яснее, для удобнейшего их понимания. Святой человек имеет у себя правую сторону, т.е. духовное преуспевание. На этой стороне он находится тогда, когда, горя духом, владычествует над всеми своими вожделениями и похотями; когда, не опасаясь никакого дьявольского нападения, без всякого труда и усилия отвергает или удаляет от себя плотские пороки; когда, возвысившись над землею, смотрит на все настоящее и

земное, как на исчезающий дым, пустую тень, и презирает, как скоро преходящее; когда в восхищении ума не только пламенно желает будущего, но и ясно видит его; когда охотно предается духовному созерцанию; когда ясно видит открытые перед собою небесные таинства; когда посылает к Богу чистые и усердные молитвы; когда таким образом, пламенея духом, всем сердцем стремится к невидимому и вечному, так что не думает о своем пребывании в плоти. Равным образом он имеет у себя и левую сторону, на которой находится тогда, когда бывает обуреваем искушениями; когда разжигается сильным огнем плотских вожделений; когда объемлется жестоким пламенем неистового гнева; когда подстрекается гордостью или тщеславием; когда подавляется печалью, причиняющей смерть; когда поражается оружием уныния и когда, утратив весь духовный жар, цепенеет от некоего охлаждения и безотчетной скуки, так что не только помыслы, горевшие чистым пламенем, оставляют его, но вместе с ними и псалмопение, чтение, молитва, келейное уединение становятся для него скучными, и все, что только служит руководством к добродетели, возбуждает в нем ужасное и несносное отвращение к себе. Когда монах подвергается этому, то пусть знает, что левая сторона угнетает его. Итак, кто, обладая совершенствами, которые мы отнесли к правой стороне, нисколько не увлечется легко обольщающим тщеславием и, мужественно сражаясь против пороков, принадлежащих к стороне левой, не впадет в отчаяние, но с обеих противоположных сторон воспримет оружие терпения, для упражнения своей Добродетели, у того обе руки будут служить как правые, и он, действуя победоносно той и другой, получит победный венец, как по отношению к правостороннему, так и левостороннему своему положению.

Так, мы читаем о блаженном Иове, что он заслужил этот победный венец. По отношению к правой стороне, он венчался

им тогда, когда, будучи богатым и зажиточным отцом семи сынов, ежедневно приносил жертвы Господу для их очищения, желая сделать их не столько угодными и близкими себе, сколько Богу; когда дверь отворена была у него всякому приходящему; когда он был ногою для хромых и оком для слепых; когда волною овец его согревались плечи немощных; когда он был отцом сирот и вдовиц; когда и в сердце своем не радовался о гибели врага своего. Тот же Иов, по отношению к левой стороне, высотой своей добродетели торжествовал над бедствиями, когда, в одно мгновение лишившись семи сынов, не предался жестокой печали, как естественно отцу, но, как прилично истинному рабу Божию, радовался исполнению над собою воли Творца своего; когда, из богатого сделавшись бедным, из изобилующего богатствами – нищим до наготы, из сильного – немощным, из знаменитого и славного – незнатным и презренным, сохранял непреодолимое мужество в душе своей; когда, наконец, лишившись всего своего имущества и богатства, принужден был сидеть в пепле и, как некий жестокий мучитель тела своего, должен был соскабливать черепицею текущий гной и, вложив персты в глубину ран, вынимать из всякой части телесного члена груды червей. При всем этом, он нисколько не впал в богохульное отчаяние, не возроптал на своего Создателя, и, не подавленный столь великой тяжестью жестоких искушений, даже последнюю одежду, которая от всего прежнего имущества оставалась еще на теле его и которая одна, служа ему единственным покровом, могла быть спасена от дьявольского расхищения, растерзал на себе и, сбросив ее, отдал тому же лютому врагу. Волосы с головы своей, которые одни оставались неприкосновенными, остригши, поверг перед своим жестоким мучителем, произнося к нему со всею силою восторженного чувства эти небесные слова: «неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать? наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Господь дал,

Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!» (Иов 2:10, 1:21).

Ободесноручным справедливо можно назвать и Иосифа, который в счастье был любезен отцу, почтителен к братьям, угоден Богу; в злосчастьи целомудрен, верен своему господину, в темнице кроток, не помнил обид, готов делать добро врагам и, несмотря на всю ненависть братьев своих, не только был нежным братом, но и щедрым благодетелем их. Таковые и подобные им мужи справедливо называются ободесноручными. Ибо они той и другой рукою действуют как десницею и, проходя исчисляемые апостолом искушения, подобно ему говорят: с оружием правды в правой и левой руке, в чести и бесчестии, при порицаниях и похвалах. О той правой и левой руке Соломон в Песни Песней говорит от лица невесты таким образом: «левая рука Его у меня под головою, а правая обнимает меня» (Песн 2, 6). Хотя та и другая представляются полезными, однако левую кладет невеста под голову свою; поскольку противная сторона (несчастья) должна подчиняться главной стороне – сердцу, т.е. несчастья служат только для того, чтобы в известное время упражнять нашу добродетель и совершенствовать в терпении; между тем правой рукою жениха она желает быть всецело объята и неразрывно соединиться с ним для того, чтобы быть непрестанно хранимой и утешаемой.

Итак, и мы сделаемся ободесноручными, когда ни избыток, ни недостаток временных вещей не изменит нас; когда ни первый не понудит нас предаться пагубному наслаждению, ни последний не повергнет в отчаяние и не исторгнет у нас жалобы; когда, напротив, за то и другое равно благодаря Бога, мы получим одинаковый плод от благоприятных и неблагоприятных своих обстоятельств. Действительно, таким ободесноручным был учитель язычников, как сам о себе свидетельствует, говоря: «я научился быть довольным тем,

что у меня есть. Умею жить и в скудости, умею жить и в изобилии; научился всему и во всем, насыщаться и терпеть голод, быть и в обилии и в недостатке» (Флп 4, 11-12).

Глава 11. О двояком роде искушений, которые находят по трем причинам

Хотя мы сказали, что искушение бывает двояким, т.е. в счастье и несчастье, однако нужно знать, что все люди искушаются по трем причинам: по большей части для испытания, иногда для исправления, нередко для наказания за грехи. Для испытания искушаемы были блаженный Авраам, Иов и многие святые, переносившие, как известно, бесчисленные скорби. Сюда же относится то, что во Второзаконии Моисей говорит народу: «и помни весь путь, которым вел тебя Господь, Бог твой, по пустыне, вот уже сорок лет, чтобы смирить тебя, чтобы испытать тебя и узнать, что в сердце твоём, будешь ли хранить заповеди Его, или нет» (Втор 8, 2); и то, что говорится в псалме: «Я услышал тебя, при водах Меривы испытал тебя» (Пс 80, 8); и к Иову: «ты хочешь ниспровергнуть суд Мой, обвинить Меня, чтобы оправдать себя?» (Иов 40, 3). Для очищения Господь искушает праведников Своих за некоторые малые и легкие грехи и для уничтожения высокого их мнения о чистоте своей, дабы, очистив их от всякой скверны помыслов, говоря словами пророка: «как в щелочи очищу с тебя примесь» (Ис 1, 25), представить их в день будущего испытания подобными чистому золоту, не имеющими в себе ничего, что служило бы пищею искушающему судному огню и требовало бы мучительного очищения его. В этом смысле сказано: «много скорбей у праведного» (Пс 33, 20); также: «не пренебрегай наказания Господня, и не унывай, когда Он обличает тебя. Ибо Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает. Если вы терпите наказание, то Бог поступает с вами, как с сынами. Ибо есть ли какой сын,

которого бы не наказывал отец? Если же остаетесь без наказания, которое всем обще, то вы незаконные дети, а не сыны» (Евр 12, 5–8); и в Апокалипсисе говорится: «кого Я люблю, тех обличаю и наказываю» (Апок 3, 19). К таковым, под образом Иерусалима, пророк Иеремия от лица Божия простирает следующее слово: «Я совершенно истреблю все народы, среди которых рассеял тебя, а тебя не истреблю; Я буду наказывать тебя в мере» (Иер 30, 11). Об этом спасительном очищении молится Давид: «искуси меня, Господи, и испытай меня» (Пс 25, 2). Понимая пользу этого искушения, пророк Иеремия также взывает: «наказывай меня, Господи, но по правде, не во гневе» (Иер 10, 24); и пророк Исайя говорит: «славлю тебя, Господи; Ты гневался на меня, но отвратил гнев Твой и утешил меня» (Ис 12, 1). В-третьих, человек подвергается ударам искушения в наказание за грехи; таким поражением Господь угрожает народу израильскому: «и пошлю на них зубы зверей и яд ползающих по земле» (Втор 32, 24); также: «вотще поражал Я детей ваших: они не приняли вразумления» (Иер 2, 30). Также в псалмах говорится: «много скорбей нечестивому» (Пс 31, 10), и в Евангелии: «вот ты выздоровел; не греши больше, чтобы не случилось с тобой чего хуже» (Ин 5, 14).

Впрочем, мы находим и четвертую причину, по которой люди подвергаются некоторым страданиям и которая также открыта нам в Св. Писании: это есть явление над нами славы и дел Божиих, как именно говорится в Евангелии: «не согрешил ни он, ни родители его, но *это для того*, чтобы на нем явились дела Божии» (Ин 9, 3), и еще: «эта болезнь не к смерти, но к славе Божией, да прославится чрез нее сын Божий» (Ин 11, 4). Есть еще и другие наказания, коими в настоящее время поражаются только те, которые перешли уже меру бесчестья. На такое наказание, как известно, осуждены были Дафан, Авирон и Корей, особенно же те, о которых говорит

апостол: «потому предал их Бог постыдным страстям, ...превратному уму» (Рим 1, 26, 28); и это наказание следует считать тягчайшим из всех прочих. Ибо поражаемых таким наказанием «на работе человеческой нет, – как говорит Псалмопевец, – и с *прочими* людьми не подвергаются ударам» (Пс 72, 5). Ибо они не заслуживают быть спасенными посещением Господа. Не получают лечения посредством временных наказаний те, которые, «дойдя до бесчувствия, предались распутству так, что делают всякую нечистоту с ненасытимостью» (Еф 4, 19) и которые ожесточением своего сердца и склонностью к грехам превышают способ очищения в этом кратком веке и меру наказания в настоящей жизни. К такому слово Божие с укоризной взывает через пророка Амоса: «производил Я среди вас разрушения, как разрушил Бог Содом и Гоморру, и вы были выхвачены, как головня из огня, – и при всем том вы не обратились ко Мне, говорит Господь» (Ам 4, 11), и через пророка Иеремию: «гублю народ Мой; но они не возвращаются с путей своих» (Иер 15, 7), и в другом месте: «Ты поражаешь их, а они не чувствуют боли; Ты истребляешь их, а они не хотят принять вразумления; лица свои сделали они крепче камня, не хотят обратиться» (Иер 5, 3). Тот же пророк, видя, что все средства, употребляемые в то время к исцелению этих людей, остались тщетными, с некоторым уже отчаянием возглашает: «раздувальный мех обгорел, свинец истлел от огня: плавильщик плавил напрасно, ибо злые не отделились; отверженным серебром назовут их, ибо Господь отверг их» (Иер 6, 29–30). Сам Господь жалуется, что Он напрасно употребил огненное, спасительное очищение для тех, которые ожесточились в своих злодеяниях, представляя их под образом горшка, глубоко покрытого ржавчиною. «Поставь его на уголья, чтобы он разгорелся, и чтобы медь его раскалилась, и расплавилась в нем нечистота его, и вся накипь его исчезла. Труд будет тяжелый; но большая накипь его не сойдет с него;

и в огне *останется* на нем накипь его. В нечистоте твоей такая мерзость, что сколько Я ни чищу тебя, ты все нечист» (Иез 24, 11–13). Таким образом, Господь, подобно искуснейшему врачу, употребляет все средства к спасению людей Своих. Но поскольку видит, что не остается уже никакого лекарства против их немощи, то уступает непомерности их бесчестья и как бы вынужден отложить милостивое Свое наказание, и потому говорит им такие слова: «и отступит от тебя негодование Мое, и успокоюсь, и уже не буду гневаться» (Иез 16, 42). Между тем о других, у кого еще не ожесточилось сердце от множества грехов и которые не нуждаются в строгом и, так сказать, жгучем врачевании, а достаточно для них и наставления в спасительном слове Божиим, говорится: «накажу их, как слышало собрание их» (Ос 7, 12). Известны нам и другие причины, по которым тяжко согрешающие подвергаются наказанию не для препятствования их преступлениям, не для потребления грехов их, но для устрашения и исправления живущих. Так, мы знаем, что Иеровоам, сын Наватов, Вааса, сын Ахиин, также Ахав и Иезавель поражены были различными казнями, как говорится в Св. Писании: «Я наведу на тебя беды и вымету за тобою и истреблю у Ахава мочащегося к стене и заключенного и оставшегося в Израиле. И поступлю с домом твоим так, как поступил Я с домом Иеровоама, сына Наватова, и с домом Ваасы, сына Ахиина; за оскорбление, которым ты раздражил Меня и ввел Израиля в грех. Псы съедят Иезавель за стеною Иезраеля. Кто умрет у Ахава в городе, того съедят псы, а кто умрет на поле, того расклюют птицы небесные» (3Цар 21:21–24). Сюда же относится и эта страшная угроза: «тело твое не войдет в гробницу отцов твоих» (3Цар 13, 22). Нельзя думать, чтобы столь кратковременного наказания достаточно было для препятствия гнусному бесчестию Иеровоама, который первым поставил золотых тельцов для удержания народа во

всегдашнем вероломстве и отступлении от Бога, или для уничтожения бесчисленных и ужасных преступлений, совершенных упомянутыми нечестивцами; но оно должно было постигнуть их для того, чтобы такой пример заставил страшиться подобных наказаний и других грешников, которые, не обращая внимания на будущее или совершенно не веря ему, могли заботиться об одном настоящем, открытом для их взора; чтобы такая строгость для этих последних служила доказательством того, что Верховное существо, при всем величии Своем, не оставляет без внимания дел человеческих и не откладывает ежедневного промысления о них; и чтобы из тех ужасных примеров яснее видели, что Бог воздаст каждому по делам его. Еще мы знаем и то, что некоторые за легчайшие провинности подпадали под то же наказание временной смертью, какой наказаны и вышесказанные виновники святотатственного вероломства. Такая участь постигла того, кто собирал дрова в субботу (Чис 15, 35), также Ананию и Сапфиру, которые, по заблуждению неверия, нечто утаили из своего имущества (Деян 5, 10); постигла не потому, что грехи их были одинаково тяжки, но потому, что они, как первые виновники нового преступления, подавшие прочим пример греха, должны были послужить примером наказания и страха, чтобы всякий, впоследствии покусившийся на то же, знал уже, что и он, подобно тем людям, осужден будет, и что если откладывается в настоящее время его наказание, то оно постигнет его в день будущего судного испытания. Но поскольку, желая обозреть виды искушений или наказаний, мы, кажется, несколько уклонились от предложенного объяснения, в котором раскрывали ту мысль, что муж совершенный среди искушения, какого бы рода оно ни было ¹⁵, всегда остается непоколебимым, то теперь снова обратимся к тому же предмету.

Глава 12. Муж праведный должен быть подобен не воску, а адамантовой печати

Итак, ум праведного мужа не должен уподобляться воску или другому какому-либо мягкому веществу, которое, придавливаясь наложением печати, всегда принимает ее вид или образ и только до тех пор удерживает его на себе, пока другая печать не придаст ему новой формы, таким образом, никогда не сохраняя своего свойства, непрестанно изменяется соответственно тому, что на нем запечатлевается. Напротив, ум наш должен быть сам как бы адамантовой печатью, чтобы, постоянно сохраняя черты своего свойства неизгладимыми, запечатлевал и отражал на всем, прикасающемся к нему, качество собственного состояния, а сам был бы недоступен никакой силе.

Глава 13. Вопрос: может ли дух наш пребывать в одном и том же качестве?

Герман. Может ли ум наш непрерывно находиться в одном состоянии и всегда иметь одно и тоже качество?

Глава 14. Ответ на предложенный вопрос

Феодор. Необходимо, чтобы человек, «обновляясь духом ума» своего, преуспевал и «со дня на день обновлялся», как говорит апостол (Еф 4, 23; 2Кор 4, 16); или, если сделается нерадивым, он должен будет обратиться назад и впасть в худшее. Поэтому ум не может быть в одном и том же качестве, подобно тому, как если бы кто пытался плыть в лодке на веслах против течения бурной реки, то обязательно должен был бы или подниматься вверх, преодолевая силою мышц речное течение, или, если ослабеют руки, спускаться вниз по течению реки. Итак, если заметим, что мы ничего больше не приобретаем, то это очевидный признак нашей утраты; если в какой-либо день не почувствуем, что простерлись вперед, то

не должны сомневаться, что мы непременно отступили назад, поскольку ум человеческий, как я сказал, не может постоянно пребывать в одинаковом состоянии, и ни один из святых, пока находится в этой плоти, не достигнет той высоты добродетелей, чтобы смог уже остаться неподвижным. Они, по необходимости, всегда в чем-нибудь или увеличиваются, или уменьшаются, и во всякой твари не может быть такого совершенства, которое бы не терпело изменений, как читаем о том в книге блаженного Иова: «что такое человек, чтоб быть ему чистым, и чтобы рожденному женщиною быть праведным? Вот, Он и святым Своим не доверяет, и небеса нечисты в очах Его» (Иов 15, 14–15). Одного Бога мы признаем неизменяемым, каким называет Его и слово святого пророка: «но Ты – тот же» (Пс 101, 28), и каким Он сам себя именует: «Я – Господь, Я не изменяюсь» (Мал 3, 6); потому что Он один, по существу Своему, всегда благ и всегда и во всей полноте совершен, так что в Нем ничто и никогда не может ни увеличиться, ни умалиться. Итак, мы должны с неослабевающим старанием и ревностью устремляться к подвигам добродетели и непрестанно упражняться в них, чтобы из-за недостатка преуспеяния не последовало тотчас оскудение. Ибо, как мы сказали, в одном и том же состоянии ум не может пребывать, т.е. чтобы не получал приращения в совершенстве добродетелей или не терпел ущерба в нем. Ибо не приобрести значит утратить: поскольку оставляющий желание преуспевать в совершенстве недалек от опасности потерять его.

Глава 15. Какой бывает вред, если часто оставлять свою келью

Из этого видно, что пребывание в келье должно быть неисходным. Ибо кто сколько раз выйдет из нее, столько же раз, по возвращении, придет в замешательство и смущение, как будто новый и еще не привыкший обитатель ее. Поскольку

если ослабеет духовное внимание, которое он приобрел, сидя в келье, то уже не сможет возвратить его без труда и скорби, а если и возвратит, то будет помышлять не о потерянном успехе, который мог получить, не оставляя своей кельи, а будет радоваться уже тому, что почувствует себя возвратившимся в то состояние, из которого выходил. Как утраченное и прошедшее время не может быть возвращено, так и потерянные выгоды уже не могут быть получены обратно. Ибо в каком бы напряжении ни было после того духовное внимание, это составляет успех текущего дня и приобретение настоящего времени, а не служит вознаграждением потерянной прежде выгоды.

Глава 16. Об изменяемости небесных сил

Изменению подлежат, как мы сказали, и сами вышние силы; это ясно показали на себе те, которые, по растлению воли своей, низверглись из числа их. Поэтому и тех, которые пребывают до сих пор в том же состоянии блаженства, в каком были сотворены, нельзя считать по природе своей неизменяемыми только потому, что они, подобно другим, не уклонились в противную сторону. Ибо одно значит иметь неизменяемую природу, и другое – приобрести качество неизменяемости собственным старанием и силою добродетели, при содействии благодати неизменяемого Бога. Поскольку то, что посредством усиленного старания приобретается или сохраняется, может быть и потеряно через нерадение. Потому-то и говорится: «прежде смерти не называй никого блаженным» (Сир 11, 28), т.е. если кто-то и привык к победам и часто получал победные венцы, однако, пока еще находится в борьбе или на поле сражения, до тех пор не может быть свободен от страха и сомнения в успехе. И потому один Бог называется неизменяемым или благим: Он свойство благости не каким-либо усилием приобретает, но имеет его в природе Своей, и потому не может не быть

существом благим. Человеческая же добродетель, какая бы ни была, не может быть неизменяемой: напротив, если кто, приобретя эту добродетель, захочет непрерывно обладать ею, тот обязательно должен всегда прилагать то же старание и тот же труд, с каким соединено было приобретение добродетели, и особенно нужна для сохранения ее помощь благодати Божией.

Глава 17. Никто не подвергается падению внезапно

Впрочем, не следует думать, что падение человека происходит внезапно: сперва он или обольщается каким-либо злым внушением, или от продолжительной невнимательности к самому себе теряет мало-помалу душевную силу, а страсти постепенно растут, и он подвергается бедственному падению. «Погибели предшествует гордость, и падению – надменность» (Притч 16, 18). Дом никогда не разрушается внезапным падением: до того или повреждается его основание, или ветшает его кровля, в которую сперва, от продолжительного пренебрежения живущих, проникают малейшие капли дождя, а потом, когда он в большей мере раскрывается и распадается, льется дождь уже ручьями из многоводных туч. «От лености обвиснет потолок, и когда опустятся руки, то протечет дом» (Еккл 10, 18). То же самое в духовном смысле бывает и с душою; прекрасно сравнивается невнимательность души с оставленной в пренебрежении кровлею. Ибо через эту невнимательность сперва проникают в душу малейшие капли страстей, которыми по незначительности их сначала пренебрегли; они повреждают здание добродетелей, и тогда льется в него обильный дождь пороков, через которые душа, во время постигающего ее дьявольского искушения, будет изгнана из жилища добродетелей, где некогда утверждала свое пребывание и как в собственном доме обретала покой свой. Узнав это, мы вкусили беспредельную сладость духовной пищи, так что

души наши от этого собеседования наполнились радостью гораздо большей, чем та скорбь, какой прежде поражены были из-за умерщвления святых Ибо мы познали не только то, в чем прежде сомневались и просили вразумления, но и то, о чем, по слабости своих понятий, и спросить не умели.

* * *

12

О нем говорится в Кн. 5, гл. 33–35. Он был учеником св. Пахомия.

13

Это место так называлось от множества монашеских келий, рассеянно находившихся в пустыне.

14

Миля – расстояние в тысячу шагов.

15

То есть с правой и левой стороны – в счастье и несчастье.

Седьмое собеседование аввы Серена (первое). О непостоянстве души и о злых духах

Глава 1

Желая представить вниманию усердных подвижников аввы Серена, мужа, отличавшегося высшей святостью и воздержанием, зеркало своего ¹⁶ имени, которому мы особенно удивлялись, думаем, что можем исполнить свое желание не иначе, как если постараемся собеседования его записать в наших книжках. Ему свыше всех добродетелей, которые не только в его поступках или движениях, но и в самом лице сияли по благодати Божией, сообщен был по особенному

благодаянию Божию такой дар целомудрия, что даже и во сне не чувствовал естественных возбуждений (похоти). Впрочем, считаю необходимым сначала пояснить, как он при помощи благодати Божией достиг особенной чистоты плоти, потому-то она кажется выше природы человеческой.

Глава 2. Славное чудо в получении телесной чистоты и вопрос старца о состоянии наших помыслов

Итак, он, для внутренней чистоты сердца и души неумоимо пребывая в ночных и дневных молитвах, посте и бдении, когда увидел, что получил желаемое по своим молитвам и весь жар плотской похоти в его сердце погас, усладившись как бы приятнейшим чувством чистоты, с большей силою воспламенился ревностью к целомудрию и стал предаваться более строгому посту и молитве, чтобы умерщвление этой страсти, которое по дару Божию дано было его внутреннему человеку, перешло и к чистоте внешнего человека настолько, чтобы ему не чувствовать даже того простого естественного движения (похоти), которое возбуждается и в детях. По благодати Божией, а не своими трудами, получив дар сердечной чистоты, он сильнее воодушевился к получению и телесной чистоты, будучи уверен, что если Бог по Своей благодати даровал ему чистоту душевную, которая выше телесной и которую невозможно приобрести человеческим трудом или старанием, то также может совершенно истребить похоть плоти и даровать чистоту телесную. Когда он в постоянной молитве со слезами неумоимо умолял Бога об этом, то пришедший к нему ангел в ночном видении, как бы раскрыв его чрево, из чресл его вырвал какой-то огневик, желвак мяса, и, все внутренности уложив на своих местах, как были, сказал: вот похотник твоей плоти отсечен. Знай, что ты в этот день получил постоянную чистоту тела, которую с верою просил. Мы сказали коротко о благодати Божией, которая упомянутому мужу особенным образом была

дарована. Впрочем, о тех общих добродетелях, таких же, как у прочих высоких мужей, думаю, излишне что-нибудь упоминать, чтобы это частное повествование о нем не отняло у других того, что было бы сказано в особенности о нем. Итак, воспламенившись сильным желанием наставления, мы постарались увидеть его в дни Четыредесятницы. Когда он совершенно спокойным тоном спросил нас о качестве наших помыслов и о состоянии внутреннего человека, или что доставило для чистоты его пребывание в пустыне столько времени, то мы начали высказывать ему такие жалобы.

Глава 3. Ответ наш о непостоянстве души

Продолжительное пребывание в пустыне, в которой нам следовало бы созерцанием, как ты думаешь, достигнуть совершенства внутреннего человека, доставило нам только то, что мы узнали, чем мы не можем быть. Мы не сделали того, чтобы стать тем, чем стараемся, ибо сознаем, что не приобрели ни твердого постоянства желаемой чистоты, ни силы воли и знания, а только умножение смущения и стыда. Во всякой науке с усердием ежедневно упражняются и совершенствуются для того, чтобы, от слабых начал переходя к верному и постоянному искусству, овладеть тем, что сначала сомнительно знали или вовсе не знали, и чтобы, постепенно преуспевая в этой науке, овладеть ею совершенно. Напротив, я нахожу, что трудясь в подвиге душевной чистоты, я только то осознал, чем я не могу быть; чувствую, что из этого ничего другого не вышло для меня, кроме плача с таким сокрушением сердца, что никогда не будет недостатка о чем плакать; однако я не перестаю быть тем, чем не должен быть. И потому что пользы узнать о самом главном, если нельзя достигнуть познанного? Ибо когда мы попытались устремить сердце свое к определенному созерцанию, то дух, неприметно уклонившись, с быстрым стремлением впадает в прежнюю рассеянность и, ежедневно находясь в развлечении,

непрестанно отводится в плен, так что мы почти уже отчаиваемся в желаемом исправлении, и это наблюдение за собою оказывается излишним, так как душа ежеминутно развлекается непостоянными помыслами. Когда она приводится к страху Божию или духовному созерцанию, то прежде чем утвердится в нем, опять вскоре развлекается. И когда как бы проснувшись, заметим, что мысли наши уклонились от предпринятого намерения, и, приводя их к тому созерцанию, от которого уклонились, хотим более напряженным вниманием сердца, как бы некоторыми узами связать, то и при самом усилии нашем они быстрее угря выскальзывают из святилища духа. Поэтому, тревожась такими ежедневными наблюдениями и не видя, чтобы какая-нибудь сила постоянства прибывала в нашем сердце, мы, сокрушаемые отчаянием, приходим к тому мнению, что такие блуждания души бывают в роде человеческого не по нашей вине, а по испорченности природы.

Глава 4. Рассуждение старца о состоянии души и силе ее

Серен. Это опасное предубеждение – не исследовав правильно предметов, не найдя верной причины, делать предположение, определение о свойстве какой-либо вещи и из рассмотрения своей слабости делать догадку, а не на основании состояния и качества самой науки или опыта других произносить мнение. Ибо если кто, не умея плавать и зная, что вода не может поднимать тяжесть его тела, по опыту своего неумения захочет утверждать, что никто, имеющий тяжелую плоть, не может поддерживаться жидкой стихией, то поэтому нельзя еще считать истинным его мнение, которое он высказал по своему опыту, тогда как это не только не невозможно, но и очень легко делается другими. Итак, ум всегда бывает подвижен и многозаботлив. В книге премудрого Соломона о нем написано так: «земная храмина подавляет

многозаботливый ум» (Прем. 9, 15). Он по состоянию природы своей никогда не может быть праздным, и если кто намеренно не будет упражнять его известными действиями и постоянно занимать его, то разум обязательно будет рассеиваться и повсюду летать, пока долговременным упражнением и употреблением не узнает, какие предметы следует запечатлевать в своей памяти какими непрестанно заниматься, пока долгими занятиями не приобретет крепость и таким образом сможет отражать противные внушения врага, коими развлекался, и пребывать в том состоянии и качестве, какого желает. Следовательно, мы не должны приписывать это развлечение нашего сердца ни человеческой природе, ни Богу, Творцу ее. Ибо истинно изречение Св. Писания, что «Бог сотворил человека правым, а люди пустились во многие помыслы» (Еккл 7, 30). Следовательно, от нас зависит качество помыслов. Ибо помысел добрый, говорится, приближается к знающим его, и человек благоразумный найдет его. А все, что может быть найдено, подлежит нашему благоразумию и тщательности; если же не будет найдено, то, без сомнения, это надо вменить нашей беспечности или неблагоразумию, а не пороку природы.

Согласно с этой мыслью и Псалмопевец говорит: «блажен человек, которого сила в Тебе и у которого в сердце стези направлены к Тебе» (Пс 83, 6). Видите, что в нашей власти положить в сердцах своих или восхождения, т. е. помыслы, устремляющиеся к Богу, или нисхождения, т. е. ниспадающие к земному и плотскому. Если бы помыслы не состояли в нашей власти, то Господь не порицал бы фарисеев: «для чего вы мыслите худое в сердцах ваших?» (Мф 9, 4). И через пророка повелел: «удалите худые помыслы ваши от очей Моих» (Ис 1, 16). «Доколе будут гнездиться в тебе злочестивые мысли?» (Иер 4, 14) И в день суда не потребовался бы от нас отчет в качестве помыслов, как и дел, как через пророка

Исайю угрожает Господь: «ибо Я знаю деяния их и мысли их; и вот, приду собрать все народы и языки, и они придут и увидят славу Мою» (Ис 66, 18). Также во время страшного и ужасного испытания мы не заслуживали бы ни осуждения, ни оправдания свидетельством помыслов, по изречению блаженного апостола, который так говорит: «свидетельствует совесть и мысли их то обвиняющие, то оправдывающие одна другую, в день, когда, по благовествованию моему, Бог будет судить тайные дела человеков» (Рим 2, 15, 16).

Глава 5. О совершенстве души, представляемой в образе евангельского сотника

Итак, этот совершенный ум прекрасно представляется в образе евангельского сотника. Его сила и постоянство, по которому он не увлекается всякими приходящими помыслами, но по своему суждению или допускает добрые, или прогоняет противные без всякого затруднения, представлены в этом переносном значении. «Ибо я и подвластный человек; но, имея у себя в подчинении воинов, говорю одному: пойди, и идет, и другому: приди, и приходит, и слуге моему: сделай то, и делает» (Мф 8, 9). Итак, если бы и мы, также мужественно сражаясь против возмущений и пороков, могли подчинить их своей власти и рассуждению и, воинствуя, подавить страсти в своей плоти или непостоянную толпу наших помыслов покорить власти разума и спасительным знаменiem креста Господня прогонять от пределов нашего сердца свирепые полки противных властей; то за заслуги таких побед мы были бы возведены в чин этого духовного сотника, которого Моисей таинственно изображает так. «Поставь их... тысяченачальниками, стона начальниками, пятидесятиначальниками и десятиначальниками» (Исх 18, 21). Так и мы, поднявшись на высоту этого достоинства, будем иметь власть повелевать и силу, по которой не будем увлекаться теми помыслами, какими не хотим, но сможем

пребывать в тех или заниматься теми, какими духовно услаждаемся, а худым внушениям приказывать: отойдите, и отойдут; а добрым скажем придите, и придут; также и слуге нашему, т. е. телу прикажем то, что принадлежит к целомудрию или воздержанию, и оно без всякого прекословия будет повиноваться уже не производя в нас противных возбуждений похоти но оказывая всякую покорность духу. А какое оружие этого сотника или к каким упражнениям для сражения они приготавливаются, слушай, что проповедует блаженный апостол: «оружия воинствования нашего не плотские, но сильные Богом» (2Кор 10:4). Он сказал, какое оружие, т.е. не плотское, не слабое, но духовное и сильное Богом. Потом последовательно внушает, для каких сражений необходимо употреблять его: «на разрушение твердынь: ими ниспровергаем замыслы и всякое превозношение, восстающее против познания Божия и пленяем всякое помышление в послушание Христу, и готовы наказать всякое непослушание, когда ваше послушание исполнится» (2Кор 10:4–6).

Теперь хочу показать вам свойства и виды оружия, препоясавшись которым, мы постоянно должны ходить, если хотим вести войну Господню и вместе с евангельскими сотниками сражаться. «Возьмите, – сказано, – щит веры, которым возможете угасить все раскаленные стрелы лукавого» (Еф 6:16). Следовательно, вера есть щит, который, отражая раскаленные стрелы похоти, умерщвляет ее страхом будущего суда и верованием в Царство Небесное. «И облекитесь в броню любви»¹⁷ (Еф 6:14). Она, окружая и ограждая важнейшие части нашей груди, противостоит смертоносным ранам страстей, отражает удары противников и не допускает стрелам дьявола проникать до внутреннего нашего человека. Ибо она все покрывает, все терпит, все переносит (1Кор 13:4–7). И шлем спасения возьмите. Шлем есть защита головы. Поскольку голова наша есть Христос, то

мы должны всегда ограждать ее надеждою будущих благ, как несокрушимым шлемом, во всех искушениях и гонениях, и сохранять веру в Него ненарушимой, неповрежденной. Ибо у кого отняты другие члены, тот хотя и слаб, однако может еще как-нибудь жить, а без головы никому нельзя и краткого срока прожить. «Возьмите и меч духовный, который есть слово Божие» (Еф 6:17). «Ибо слово Божие острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные» (Евр 4, 12), именно отделяя и отсекая все то, что найдет в нас плотского или земного. Кто будет вооружен этим оружием и всегда защищен от стрел и нападений врагов, тот не будет отведен, как пленник покоренный, в неприятельскую землю помыслов, будучи связан путами грабителей, и не услышит от пророка: для чего состарился в земле чужой? (Вар. 3, 10). Но как торжествующий победитель останется в той стране помыслов, в какой захочет. Хочешь ли узнать саму силу и мужество этого сотника, с которыми он носит эти вышесказанные виды оружия, не плотские, но сильные Богом? Слушай самого царя, собирающего храбрых мужей на духовную войну, который избранных назначает и ободряет: «слабый пусть говорит: я силен» (Иоил. 3, 10). Итак, видите, что войну Господню могут вести только терпеливые и немощные, с той, без сомнения, немощью, о которой тот евангельский сотник с надеждою говорил: «когда я немощен, тогда силен» (2Кор 12, 10). Об этой немощи один из пророков говорит: «самый слабый между ними в тот день будет как Давид» (Зах 12, 8). Также и терпеливый будет вести эту войну, именно имеющий то терпение, о котором говорится: «терпение нужно вам, чтобы, исполнив волю Божию, получить обещанное» (Евр 10, 36).

Глава 6. О постоянном пребывании на страже помыслов

А что мы должны и можем соединяться с Господом, это

знаем и из собственного опыта, если в нас умерщвлены похоти и отсечены желания мирские; знаем и из свидетельства тех, которые, беседуя с Господом, дерзновенно говорят: «к Тебе прилепилась душа моя» (Пс 62, 9). «Я прилепился к откровениям Твоим, Господи» (Пс 118, 31). «А мне благо приближаться к Богу» (Пс 72, 28). «Соединяющийся с Господом есть один дух с Господом» (1Кор 6, 17). Итак, утомляемые устремлением помыслов души к Богу, мы не должны оставлять упражнения в этом. Ибо «кто возделывает землю свою, тот насытится хлебом; а кто подражает праздным, тот насытится нищетою» (Притч 28, 19). И в напряженном наблюдении за этим мы не должны ослабевать и впадать в губительное отчаяние, поскольку «от всякого труда есть прибыль, а от пустословия только ущерб» (Притч 14, 23). И еще: «трудящийся трудится для себя, потому что понуждает его к тому рот его» (Притч 16, 26). «Царствие Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф 11, 12). Ибо никакая добродетель без труда не совершенствуется, и без большого сокрушения сердца никто не может достигнуть того постоянства духа, какого вы желаете. Ибо «человек рождается на труд» (Иов 5, 7). Чтобы он мог придти «в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова» (Еф 4, 13), необходимо ему всегда бодрствовать с большим вниманием и трудиться с постоянной заботой; иначе полноты¹⁸ этой меры никто не достигнет в будущем, если не будет размышлять и не приучится к ней в настоящее время, находясь еще в этом веке, не будет предвкушать ее, и если, назначенный быть драгоценным членом Христовым, не получит залог¹⁹ того соединения со Христом, которым мог бы еще в этой плоти соединиться с Его телом, одного только желая, одного жаждая, к одному всегда направляя не только все свои действия, но и помыслы, чтобы удержать в себе уже данное в залог в настоящей жизни то, что говорится о блаженном пребывании святых в будущей жизни, т.е. чтобы «Бог был все

во всем» (1Кор 15, 28).

Глава 7. Вопрос о непостоянстве души и о нападении злых духов

Герман. Эта рассеянность ума, кажется, могла бы быть несколько сдерживаема, если бы окружающие враги непрестанно не побуждали разум к тому, чего не хочет, и к чему увлекает его и сама подвижность природы его. Поскольку окружают его столь бесчисленные, столь сильные и страшные враги, то нам думалось, что невозможно противиться им особенно в этой бренной плоти; при этом мнении мы ободрились вашим наставлением, как бы небесным изречением.

Глава 8. Ответ о помощи Божией и власти свободной воли

Серен. Испытавшие борьбу по внутреннему человеку не могут сомневаться в том, что враги непрестанно вредят нам. Но они так противоборствуют нашим успехам, что только подстрекают, а не принуждают к злу. Впрочем, никакой человек не мог бы совершенно избежать греха, какой бы они ни захотели запечатлеть в наших сердцах, если бы им дана была власть насильно внушать и понуждать. Поэтому как им дана власть подстрекать, так и нам дана сила отвергать или свобода соглашаться. Впрочем, если мы боимся их могущества и нападения, то должны просить покровительства и помощи Божией против них, о чем говорит апостол: «Тот, кто в вас (Христос), больше того (дьявола), кто в мире» (1Ин 4:4). Помощь Его гораздо с большей силою борется за нас, нежели сколько воюет против нас врагов. Ибо Бог не только внушает добрые мысли, но и покровительствует и способствует, так что иногда невольно, без ведома нашего привлекает нас к спасению. Бог это делает, благоприятно располагая обстоятельства; Он не принуждает, не делает насилия вашей

воле, но, просвещая ум светлыми мыслями, наполняет сердце чувствами умиления, действительно, приятно располагает, влечет волю к добру, препятствия устраняет, устраняет страх суда Божия, вечного мучения и другими способами действует так, что как бы невольно заставляет нас располагаться к тому, о чем прежде мы не думали, не желали, даже противились, а теперь с охотой следуем, ищем того. Потому Спаситель и говорит: «никто не может придти ко Мне, если не привлечет его Отец, Пославший Меня» (Ин 6, 44). Итак, верно, что никто не может быть обольщен дьяволом, если не захочет дать ему согласие по своей воле. Екклезиаст это ясно выражает такими словами: «не скоро совершается суд над худыми делами; от этого и не страшится сердце сынов человеческих делать зло» (Еккл 8, 11). Итак, отсюда очевидно, что всякий грешит оттого, что при нападении худых помыслов не отвергает их тотчас противоречием. Ибо сказано: «противостаньте диаволу, и убежит от вас» (Иак 4, 7).

Глава 9. Вопрос о соединении души с демонами

Герман. Что же, спрашиваю, значит это столь неудобобъяснимое и удобосмесительное общение души со злыми духами, по которому они так могут, не говоря уж, сочетаться с нею, но соединяться, нечувствительно разговаривать с нею, сеять и вдыхать в нее все, чего бы ни захотели, могут подстрекать ее к тому, что им угодно, помышления и движения ее видят, рассматривают, и такое между ними и душою единение бывает, что без благодати Божией почти нельзя различить, что происходит по их внушению и что по нашей воле?

Глава 10. Ответ: каким образом нечистые духи соединяются с душою человека

Серен. Неудивительно, что дух может нечувствительно сочетаться с духом и имеет силу скрытно склонять к тому, что

угодно ему. Ибо между ними, как и между людьми, есть некоторое подобие и родство субстанции; так как свойство природы души сходно со свойством их существа. Но совершенно невозможно им смешиваться или соединяться между собою, так чтобы друг друга могли вмещать в себе. Ибо это правильно присваивается только Божеству.

Глава 11. Возражение: могут ли нечистые духи смешиваться или соединяться с душами тех, в кого вошли?

Герман. Думаем, что этому объяснению противоречит то, что видим на бесноватых, когда они, объятые нечистыми духами, говорят и делают то, чего не знают. Как же не верить, что души их соединяются с теми духами, для которых они делаются как бы органом и, оставив свое естественное состояние, переходят к их движениям и страстям, так что выказывают уже не свои, а их слова, действия и волю?

Глава 12. Ответ: каким образом нечистые духи овладевают бесноватыми

Серен. Вышесказанному объяснению нашему не противоречит то, что бывает с бесноватыми, когда схваченные нечистыми духами говорят или делают то, чего не знают. Известно, они не одинаково терпят влияние духов. Ибо некоторые так бывают овладеваемы, что нисколько не сознают того, что делают или говорят, а некоторые сознают и после вспоминают. О таком влиянии нечистого духа не следует думать, что он, проникая в самое существо души, как бы соединившись с нею и некоторым образом облекшись ею, произносит слова и речи устами страдальца. Нельзя верить, чтобы это было для них возможно. Это происходит не через какое-либо умаление души, а через ослабление тела, когда в тех членах, в которых заключается сила души, нечистый дух, заседаая и налагая на них невыносимую, чрезмерную тяжесть,

умственные способности ее покрывает густейшим мраком и прерывает чувства. Это, как видим, иногда приключается также от вина и лихорадки или от чрезмерного холода и от других болезней. Чтобы блаженному Иову дьявол, получив власть над его плотью, не постарался причинить это, Господь запретил ему, говоря: «вот, он в руке твоей, только душу его сбереги» (Иов. 2:6), т. е. только не делай его безумным, ослабив жилище души, овладев рассудком или повредив орган разума, посредством которого ему необходимо противиться тебе; своею тяжестью не подавляй рассудка и мудрости противящегося.

Глава 13. Дух не может проникать в духа, это возможно одному Богу

Хотя дух соединяется с этим грубым, твердым веществом, т.е. плотью, что очень легко может быть; но отсюда нельзя заключать, что потому и с душою, которая есть дух, он может соединяться и сделать ее вместилищем своего существа²⁰. Это возможно одному Божеству, которое всю разумную природу так пронизывает, что может не только объять ее и овладеть ею, но и войти в нее и как бестелесное влиться в тело. Только Бог может проникать во все духовные и разумные существа, потому что Он один весь везде и во всем пребывает, так что и помыслы людей, внутренние движения и все сокровенности духа Он видит и освещает. О Нем одном блаженный апостол говорит: «слово Божие²¹ живо и действительно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные. И нет твари сокровенной от Него, но все обнажено и открыто пред очами Его» (Евр 4, 12–13). И блаженный Давид говорит: «Он создал сердца всех их» (Пс 32, 15). Также Соломон говорит: «Ты один знаешь сердце сынов человеческих» (2Пар 6, 30).

Глава 14. Возражение: надо думать, что демоны видят мысли человеческие

Герман. По этому объяснению выходит, что духи не могут видеть наших мыслей. Такое мнение мы считаем неправильным. Как можно думать, что им неизвестны наши мысли, семена которых по большей части они сеют и внушают нам, как мы чувствуем?

Глава 15. Ответ: что могут демоны сделать в помыслах человеческих и чего не могут

Серен. Нет сомнения, что нечистые духи могут познавать качества наших мыслей, но извне, узнавая о них по чувственным признакам, т.е. из нашего расположения или слов и занятий, к которым видят нас более склонными. Но они вовсе не могут знать те мысли, которые еще не обнаружились из сокровенности души. Да и те мысли, кои они внушают, узнают не по природе самой души, т.е. не по внутреннему движению, скрывающемуся, так сказать, в мозгах, но по движениям и признакам внешнего человека; например, когда внушают чревобесие, если видят, что монах с любопытством устремляет глаза в окно или на солнце, или заботливо спрашивает о часе, то узнают, что у него родилось желание есть. Если, внушая блуд, примечают, что он терпеливо принял стрелу похоти, или видят, что плоть возмутилась или, по крайней мере, он не вздохнул, как нужно, против внушения нечистого сладострастия, то понимают, что во внутренность души его вонзилась стрела похоти. Если они подстрекают кого к печали, гневу, ярости, то, залегли ли те в сердце, узнают из движения тела и возмущения чувств, именно когда видят, что он молча возмутился или с каким-нибудь негодованием вздыхает, или лицо покрылось бледностью, или краскою, и таким образом тонко познают, кто какому пороку предан. Ибо они верным способом узнают, чем всякий из нас услаждается,

когда замечают, к внушению чего тотчас показал сочувствие и согласие каким-нибудь мановением или движением тела. И не удивительно, что эти воздушные силы узнают это; очень часто и разумные люди узнают состояние внутреннего человека по фигуре, по лицу или другому внешнему качеству. Тем вернее могут узнавать это те, которые, как духи, без сомнения, гораздо тоньше и проницательнее людей.

Глава 16. Подобие, которым объясняется, как нечистые духи узнают мысли людей

Как некоторые разбойники в тех домах, которые хотят обокрасть, обычно находят спрятанное имущество людей, – в густой тьме ночи осторожно рукою разбрасывая мелкий песок, узнают скрытое богатство, которого нельзя видеть глазами, по некоторому звуку, издаваемому от падения песка, именно по звуку догадываются о качестве вещей. Так и бесы, чтобы испытать сокровище нашего сердца, сеют в нас вредные внушения, как песок какой; когда видят, что по качеству их произошла телесная страсть, по этому, как по какому-нибудь звуку, происходящему из внутренних частей, узнают, что скрыто в тайниках внутреннего человека.

Глава 17. Не все демоны возбуждают все страсти в людях

Впрочем, и то мы должны знать, что не все демоны возбуждают все страсти в людях; но ко всякому пороку подстрекают известные духи: иные подстрекают услаждаться нечистотою и скверною похоти, иные располагают к богохульству, иные – к гневу и ярости, иные располагают к печали, иные внушают тщеславие и гордость; и всякий сеет в сердца человеческие ту страсть, какой сам преимущественно болен; но не все вместе внушают свои пороки, а попеременно, смотря по тому, как будет благоприятствовать время или место, или приемлемость человека.

Глава 18. Вопрос: соблюдается ли между демонами порядок нападений?

Герман. Следовательно, надо думать, что у них соблюдается некоторый порядок сменяемости и разумная тактика нападений; между тем известно, что разумный порядок может быть только у добрых и честных, как говорится в Св. Писании: поищешь мудрости у злых и не найдешь (Притч 14, 6). Враги наши бессмысленны (Втор 32, 31). Еще: «нет мудрости, нет мужества, нет совета у нечестивых» (Притч 21, 30).

Глава 19. Ответ на предложенный вопрос

Серен. Это верное мнение, что между злыми не бывает единомыслия во всем, не может быть согласия даже и в тех самых пороках, которыми сообща утешаются. Ибо никогда не может соблюдаться правильный порядок в делах беспорядочных. Впрочем, в некоторых случаях необходимо им иметь временное согласие, когда этого требует общение в действовании или нужда, или соучастие в какой-нибудь выгоде. Мы ясно видим, что это бывает в войне нечистых духов, так что не только время и очередность между собою соблюдают, но знаем, что они и к местам некоторым особенно привязываются и в них постоянно заседают. Ибо им необходимо совершать свои нападения с переменой искушений, известных пороков и времен; это ясно доказывается тем, что никто не может обольщаться суетою тщеславия и одновременно разжигаться похотью блуда; не может возноситься духовной гордостью и одновременно с унижением подчиняться плотскому чревобесию, никто не может разливаться глумом смехе и в то же время раздражаться гневом или предаваться скорби, грусти; необходимо каждому духу отдельно нападать на душу, так что когда побежденный отходит, то уступает другому духу

сильнее нападать на нее; или если останется победителем, то все-таки предоставляет другому также и оболящать.

Глава 20. Не все злые духи имеют одинаковую силу, и власть искушать не состоит в их воле

Также и то мы должны знать, что не все они имеют одинаковую свирепость и желание, даже не одинаковую силу и злость: к начинающим и слабым допускаются для борьбы только более слабые духи, а после победы подвижника Христова над этими злыми духами всегда следует более яростное нападение. А с приобретением сил и успехов для человека увеличивается и трудность борьбы. Ибо никто из святых не в состоянии был бы выдержать злость таких врагов, не мог бы противиться их наветам, даже не мог бы снести их жестокости и свирепости, если бы всемилостивый заступник и подвигоположник Христос, присутствующий при нашей борьбе, не уравнивал силы борющихся, не отражал и не обуздывал сильные нападения их, и при искушении не подавал облегчения, чтобы мы могли перенести (1Кор 10, 13).

Глава 21. Демоны не без труда сражаются с людьми

Мы верим, что демоны ведут сражение не без труда. Ибо и сами они в этой борьбе имеют некоторое беспокойство и скорбь, особенно когда сразятся с более сильными соперниками, т.е. святыми и совершенными мужами. А иначе им приписывались бы не сражение, не борьба, а только простое и, так сказать, спокойное оболящение людей. И как бы стало сказанное апостолом: «наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф 6, 12). «Я... бьюсь не так, чтобы только бить воздух» (1Кор 9, 26). Еще: «подвигом добрым я подвизался» (2Тим 4, 7). Где есть подвиг, сражение, битва или борьба, там обязательно бывают усилие, труд, беспокойство.

Одинаково и у них бывают скорбь и стыд поражения или радость победы. А когда один состязается с усилием, а другой в сражении остается праздным и беспечным и для низложения соперника довольствуется одной волею вместо употребления всех сил, то это следует назвать не битвою, не борьбою, не сражением, а каким-то нечестивым и насильственным поражением. Но ясно, что и сами нападающие на род человеческий не меньше употребляют труда, силятся одержать над всяким ту победу, какой желают, чтобы не пало на них то посрамление, которое осталось бы на нас, если бы мы были поражены ими, по следующему изречению: «да покроет головы окружающих меня зло собственных уст их» (Пс 139, 10). «Злоба его обратится на его голову» (Пс 7, 17). «Да придет на него гибель неожиданная, и сеть его, которую он скрыл *для меня*, да уловит его самого, да впадет в нее на погибель» (Пс 34, 8). Итак, и сами они не меньше скорбят и как нас уязвляют, так и сами уязвляются, и побежденные не уходят без посрамления. Тот, кто имел здоровые очи по внутреннему человеку, ежедневно усматривая поражения и падения их, видя, что они радуются поражению и падению каждого, и опасаясь, чтобы они не обрадовались и касательно его, умоляет Господа: «просвети очи мои; да не усну я *сном* смертным, да не скажет враг мой: «я одолел его». Да не возрадуются гонители мои» (Пс 12, 4, 5). «Господи, Боже мой, и да не торжествуют они надо мною, да не говорят: «хорошо! [хорошо!] по душе нашей!» Да не говорят: мы поглотили его» (Пс 34:24–25). «Скрежетали на меня зубами своими. Господи, долго ли будешь смотреть на это?» (Пс 34:16–17). «Подстерегает в потаённом месте, как лев в логовище: подстерегает в засаде, чтобы схватить бедного» (Пс 9, 30). «И просят у Бога пищу себе» (Пс 103, 21).

Когда, истощив все усилия, они не смогут обольстить нас, то, кроме напрасного труда своего, они обязательно

испытывают стыд и посрамление; те, которые замышляют зло, ищут наши души, чтобы похитить их, облакаются стыдом и срамом. Также пророк Иеремия говорит: «пусть постыдятся гонители мои, а я не буду постыжен; пусть они вострепещут, а я буду бестрепетен; наведи на них день бедствия и сокруши их сугубым сокрушением» (Иер 17, 18). Нет сомнения, что когда они будут побеждены нами, то будут сокрушены двояким сокрушением, во-первых, потому, что люди стремятся к святости, а они, когда-то владея ею, потеряли ее и сделались причиною гибели людей; во-вторых, потому, что духовные существа побеждены земными существами, одетыми плотью. Итак, видя эти поражения врагов и свои победы, каждый из святых с восторгом восклицает: «я преследую врагов моих и настигаю их, и не возвращаюсь, доколе не истреблю их; поражаю их, и они не могут встать, падают под ноги мои» (Пс 17, 38, 39). Против них тот же пророк, молясь, говорит: «вступишь, Господи, в тяжбу с тяжущимися со мною, побори борющихся со мною; возьми щит и латы и восстань на помощь мне; обнажи меч и прегради путь преследующим меня; скажи душе моей: «Я – спасение твое!» (Пс 34, 1–3). Когда, покорив и подавив все страсти, мы победим врагов, то удостоимся услышать этот благословенный голос: «поднимется рука твоя на врагов твоих, и все неприятели твои будут истреблены» (Мих 5, 9).

Итак, читая все это и тому подобное, заключающееся в священных книгах, если не будем понимать, что написано это против тех злых духов²², которые вредят нам днем и ночью, то не только не получим никакого назидания в кротости и терпении, но еще усвоим жестокое и противное евангельскому совершенству расположение. Ибо не только научимся не молиться за своих врагов, не любить их, но еще будем отворачиваться от них с неумолимой ненавистью, злословить и постоянно изливать молитву против них. Но было бы

беззаконно и нечестиво думать, будто в таком духе изрекли это святые мужи и друзья Божий, которым до пришествия Христова не был положен закон, потому что, превышая повеления его, они желали повиноваться евангельским заповедям и стараться достичь апостольского совершенства, предваряя устроение времени.

Глава 22. Демонам не дана власть вредить по произволу

А что бесы не имеют власти вредить всякому человеку, это ясно доказывает пример блаженного Иова, которого враг не смел искушать больше, нежели дозволено ему распоряжением Божиим, и свидетельствует изложенная в евангельской истории исповедь злых духов, которые говорили: «если выгонишь нас, то пошли нас в стадо свиней» (Мф 8, 31). Тем более нужно верить, что они не могут по своему произволу войти ни в какого человека, созданного по образу Божию, когда без позволения Божия они не имели власти войти в нечистых и немых животных. Даже никто, не говоря, из молодых, которых видим постоянно пребывающими в этой пустыне, но и из совершенных, окруженный полчищем таких врагов, не мог бы обитать в пустыне одиноким, если бы у них была власть и свобода по своей воле вредить или искушать. Это подтверждает изречение нашего Господа и Спасителя, которое Он по смирению воспринятого Им человечества произнес Пилату, говоря: «ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше» (Ин 19, 11).

Глава 23. Об ограничении власти демонов

Впрочем, нам достаточно известно и из нашего опыта, и из предания старцев, что демоны ныне не имеют такой силы, как в прежнее время, в самом начале отшельничества, когда еще редкие монахи жили в пустыне. Ибо тогда такая была лютость их, что немногие, очень твердые и преклонные возрастом,

едва могли сносить жизнь в пустыне. Хотя и в самих киновиях, в которых жили по восемь, десять человек, они нападали столь часто и явно, что монахи не смели все в одно время спать ночью. Когда одни предавались сну, другие, бодрствуя, занимались пением псалмов, молитвою или чтением. Когда требование природы побуждало этих ко сну, другие, пробудившись, становились на стражу для охраны тех, которые должны были спать. Если же ныне такой безопасностью или благонадежностью пользуемся не только мы, которые по-видимому от опыта старости несколько укрепились, но и юные возрастом, то отсюда следует одно из двух: или силою креста, проникающей даже в пустыни, и блистающей везде благодатью его обуздана злость демонов, или наше нерадение делает их менее злыми в нападении, чем прежде, так как они не устаивают вооружаться против нас с таким усилием, с каким прежде свирепствовали против искуснейших воинов Христовых; и этой хитростью невидимых искушений более жестоко поражают нас. Ибо мы видим, что некоторые впали в такое равнодушие, что необходимо увещевать их более снисходительно, чтобы они только, не оставляя своих келий, не вдавались в более гибельные хлопоты и, бродя повсюду и скитаясь, не предавались более грубым порокам. И надо верить, что они получают большой плод, если только, хоть и с некоторым нерадением, заставят себя оставаться в пустыне, и старцы обычно предлагают им как важное средство: сидите в своих кельях, и сколько угодно ешьте, пейте и спите, только постоянно пребывайте в них.

Глава 24. Каким образом демоны открывают себе вход в тьму тех, которыми хотят овладеть

Итак, ясно, что нечистые духи не могут иначе проникнуть в тех, телами которых хотят овладеть, если сперва не овладеют их умом и мыслями. Когда лишат их страха и памяти Божией или духовного размышления, то как на обезоруженных,

лишенных помощи и охранения Божия, и потому легко побеждаемых, смело нападают, потом устраивают в них жилище, как в предоставленном им владении.

Глава 25. Более жалки те, которые преданы порокам, нежели одержимые бесами

Впрочем, верно то, что тяжелее и сильнее удручаются те, которые хотя по телу, видимо, и не бывают одержимы бесами, но по душе гибельнее бывают обладаемы, так как предаются их порокам и удовольствиям. Ибо, по изречению апостола, «кто кем побежден, тот тому и раб» (2Пет 2, 19). Разве в том безнадежнее болезнь бесноватых, что они, будучи рабами бесов, не сознают того, что терпят от них нападение и подверглись господству их. Впрочем, мы знаем, что и святые мужи за какие-нибудь самые легкие погрешности были предаваемы по телу сатане или большим недугам; поскольку милосердие Божие не допускает, чтобы оказалось в них даже самое малое греховное пятно в день страшного суда, – Бог очищает их в настоящей жизни, чтобы переселились в вечность, как золото или серебро, очищенное огнем, не имея нужды ни в каком очищении посредством наказания. И выплавлю, говорит Бог, дочиста ржавчину твою, и сниму с тебя все олово твое, и после этого назовешься городом праведным, городом верным (Ис 1, 25, 26). Еще: как искушается серебро и золото в горниле, так испытывает сердца Господь (Притч 17, 3). Еще: «золото и серебро испытывается в огне, а человек, испытывается в горниле уничижения» (Сир 2, 5). Также и это: «Господь кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает» (Евр 12, 6).

Глава 26. Об убиении пресытившегося пророка и о немощи аввы Павла, которой он подвергся для своего исправления

Мы ясно видим, что это исполнилось на том пророке, человеке Божиим, который за неповиновение, допущенное, однако, не намеренно, не по порочности своей воли, а по обману другого, тотчас был умерщвлен львом; о нем так говорится в Св. Писании: «это тот человек Божий, который не повиновался устам Господа; Господь предал его льву, который изломал его и умертвил его, по слову Господа, которое Он изрек ему» (3Цар 13, 26). И то, что хищный, прожорливый зверь не смел ничего есть от пораженного им трупа, показывает, что настоящий грех, неосторожная погрешность, за которую Господь своего пророка временно предал мучителю, прощена ему; показывает также и заслуги праведности. Ясное доказательство этого и в наши времена проявилось на авве Павле²³ и Моисее, который обитал в этой пустыне, в месте, называемом Калам²⁴; а первый пребывал в пустыне, прилегающей к городу Панефису²⁵. Мы знаем, что пустыня эта некогда сделалась такой от наводнения соленой воды, которая, сильным северным ветром гонимая от озера, разлившись по окрестным землям, покрыла всю поверхность этой страны, так что древние селения, давно опустевшие по этой причине, сделались как бы островами. Итак, этот авва Павел в покое и безмолвии пустыни достиг такой чистоты сердца, что не позволял представляться своему взору, не говоря, лицу женскому, но и одежде этого пола. Когда он вместе с аввою Архебием²⁶, обитателем той же пустыни, шел к келье одного старца, и случайно встретила женщина, то он, смутившись от встречи, так быстро побежал опять в свой монастырь (оставив обязанность благочестивого посещения, которое предпринял было), как никто не стал бы убегать от льва или свирепого дракона, так что не послушался голоса и просьбы упомянутого аввы Архебия, звавшего его назад, чтобы начатый путь продолжить для посещения старца, как предположили было. Хотя это сделано по ревности к целомудрию, по любви к чистоте, однако сделано не по

разуму, эта осторожность превзошла уже меру справедливой строгости и благоразумия. (Ибо он думал, что следует отвращаться не только обращения с женщинами, которое точно бывает вредно, но и самого лицезрения этого пола). Он тотчас был поражен потрясением так, что все тело его подверглось болезни паралича, и никакой член в нем не мог исполнять своей обязанности – не только ноги и руки, но и язык, и сам орган слуха лишились чувства, так что в нем ничего больше не осталось от человека, только неподвижная и бесчувственная фигура. Он был доведен до того, что в его недуге усердие мужчин никак не в состоянии было помочь ему, разве только женская рачительность могла услужить. После отнесения его в киновию святых дев, пищу и питье, которые он не мог просить даже знаками, доставляли ему женщины. Они, исполняя все потребности природы, усердно служили почти четыре года, т.е. до конца его жизни. Хотя он и был поражен такой слабостью, что никакой член в нем не имел жизненного движения и чувства, однако от него происходила такая благодать и сила, что когда елеем, касавшимся его тела (которое лучше назвать трупом), помазывались недужные, то тотчас исцелялись от всех болезней. Из этого ясно открывалось даже самым неверным, что он подвергся ослаблению всех членов по распоряжению и любви Господа, и благодать исцелений силою Св. Духа дарована ему в знак свидетельства чистоты и заслуг его.

Глава 27. Об искушении аввы Моисея

Авва Моисей, о котором мы сказали выше, будучи сам отличным и несравненным мужем, одно укорительное слово, которое при рассуждении, по какому-то предубеждению, несколько жестоко высказал касательно аввы Макария (египетского), тотчас предан был такому злему демону²⁷, что одержимый им стал класть себе в рот человеческие извержения. Что этот бич для очищения послал ему Господь,

чтобы не оставалось в нем пятна даже и кратковременной погрешности, это Господь доказал скоростью исцеления его через виновника лечения. Ибо когда авва Макарий тотчас, повергшись перед Богом, стал молиться о Моисее, то злой дух, гонимый им, быстрее слова удалился.

Глава 28. Нельзя презирать одержимых нечистыми духами

Из этого ясно усматривается, что нельзя отвращаться или презирать тех, которые подвергаются разным искушениям или нечистым духам; ибо мы должны твердо верить, во-первых, что никто не подвергается им без воли Божией; во-вторых, что все, что посылается нам от Бога, кажется ли оно прискорбным в настоящее время или радостным, посылается как от нежнейшего отца и сострадательного врача для нашей пользы. Потому они, подвергаясь им (злым духам и искушениям), смиряются, чтобы, переселяясь из этого мира, перейти в другую жизнь более очищенными или понести более легкое наказание. По апостолу, такие в настоящей жизни бывают преданы сатане для «измождения плоти, чтобы дух был спасен в день Господа нашего Иисуса Христа» (1Кор 5, 5).

Глава 29. Вопрос: для чего одержимые злыми духами отлучаются от причащения Господня?

Герман. Как же мы видим, что люди не только презирают и боятся их, но и постоянно отлучают их от причащения Господня в наших странах, по изречению Евангелия: «не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями» (Мф 7, 6), тогда как нужно верить, как ты говоришь, что им посылается это смиряющее искушение для очищения, или для пользы?

Глава 30. Ответ на предложенный вопрос

Серен. Если мы будем иметь такое мнение, веру, как я выше сказал, что все производится Господом и все делается для пользы душ, то не только не будем презирать их, но еще будем непрестанно молиться о них, как о своих членах, и станем сострадать им всем сердцем, с полным расположением. Ибо когда «страдает один член, то страдают с ним и все члены» (1Кор 12, 26). Должны знать, что без них, как своих членов, мы не можем вполне совершенствоваться, как читаем, что и предки наши без нас не могли достигнуть полноты обещанного, как говорит о них апостол: «все сии, свидетельствованные в вере, не получили обещанного, потому что Бог предусмотрел о нас нечто лучшее, дабы они не без нас достигли совершенства» (Евр 11, 39–40). А святое причащение нашими старцами, помним, не запрещалось им, напротив, они думали, что им даже ежедневно, если возможно, следует давать его. Ибо нельзя думать, что святое причащение, по изречению евангельскому (которое вы неверно приложили к этой мысли), не давайте святыни псам, – поступает в пищу демону, а не в очищение и охранение тела и души. Будучи принято человеком, оно, как пламя дожигающее, прогоняет того духа, который в его членах заседает или скрывается. Мы недавно видели, что таким способом был исцелен авва Андроник и многие другие. Ибо враг больше и больше будет нападать на одержимого им, когда увидит, что тот отлучен от небесного целительства, и тем злее и чаще будет мучить, чем дольше тот будет уклоняться от духовного целительства.

Глава 31. Жалки те, которые не удостаиваются временных искушений

Но следует считать истинно несчастными и достойными сожаления тех, которые, оскверняя себя всеми пороками и преступлениями, не терпят явно не только никакого нападения дьявольского, но и не подвергаются никакому искушению, соответствующему их делам, и никакому бичу для

исправления²⁸. Ибо не заслуживают скорого и легкого излечения в этом времени те, чье упорство и нераскаянность сердца, превосходя наказание настоящей жизни, собирает им гнев и негодование в день гнева и откровения праведного суда Божия (Рим 2, 5), когда «червь их не умрет и огонь их не угаснет» (Ис 66, 24). Против таких пророк, как бы огорченный скорбью святых, видя, что они подвергаются разным горестям и искушениям, а грешники, напротив, не только без всякого смиряющего наказания проходят поприще этого мира, но еще пользуются обилием богатства и полным благополучием всех обстоятельств, воспламенившись безудержной ревностью и горячностью своего духа, восклицает: «едва не пошатнулись ноги мои, едва не поскользнулись стопы мои, – я позавидовал безумным, видя благоденствие нечестивых, ибо им нет страданий до смерти их, и крепки силы их; на работе человеческой нет их, и с прочими людьми не подвергаются ударам» (Пс 72, 2–5); именно в будущей жизни должны быть наказаны с демонами те, которые в настоящей не заслужили быть наказанными вместе с прочими людьми, как свойственно сынам.

Также и пророк Иеремия препирается с Богом о таком благополучии нечестивых, хотя не сомневается в правде Господней, говоря: «праведен будешь, Ты, Господи, если я стану судиться с Тобою»; однако, исследуя причины такой несоразмерности (счастья с несчастьем), присоединяет: но изложу пред Тобою дело; «почему путь нечестивых благоуспешен, и все вероломные благоденствуют? Ты насадил их, и они укореняются, выросли и приносят плод. В устах их Ты близок, но далек от сердца их» (Иер 12, 1, 2). Пророк, оплакивая падение таких, заботливо приглашая врачей и учителей к врачеванию их и как бы призывая их к подобному оплакиванию, говорит: «вдруг упал Вавилон и расшибся. Рыдайте о нем, возьмите бальзама для раны его: может быть,

он исцелит». Ангелы, которым поручена забота о спасении человеческого или пророк от лица апостолов или духовных мужей и учителей, видящих упорство духа и нераскаянное сердце (нечестивых), отчаиваясь, отвечают: «врачевали мы Вавилон, но не исцелился; оставьте его, и пойдем каждый в свою землю, потому что приговор о нем достиг до небес и поднялся до облаков» (Иер 51, 8, 9). Итак, об отчаянной болезни таких пророк Исайя от лица Бога говорит к Иерусалиму: «от подошвы ноги до темени головы нет у него здорового места: язвы, пятна, гноящиеся раны, неочищенные и необвязанные и не смягченные елеем» (Ис 1, 6).

Глава 32. О разности занятий и воли нечистых духов

У нечистых духов, без сомнения, столько же занятий, сколько и у людей ²⁹. Некоторые из них (которых простой народ называет также фавнами, лесными богами) бывают обольстители и шутники, постоянно занимая известные места или пути, не развлекаются мучением тех проходящих мимо, коих могли бы уловить в сеть, а довольствуясь только насмешкою и озорством, стараются скорее обеспокоить их, нежели повредить ³⁰ им; некоторые только производят во сне безвредные кошмары ³¹; иные бывают столь яростны и свирепы, что не довольствуются тем, чтобы жестоким терзанием мучить тела тех, в кого вошли, но спешат еще напасть на проходящих вдали и поразить их жестокими ударами, описанными в Евангелии, и «никто не смел проходить тем путем» (Мф 8, 28). Иные, насыщая сердца одержимых гордостью, внушают казаться то величавыми тщеславными великанами, то униженными, льстивыми, то знаменитыми, достойными внимания всех, то показывать, что они поклоном отдают почтение высшим властям и другие действия совершают гордо или униженно. Иные стараются внушить людям не только ложь, но и богохульство. Мы были свидетелями этого дела, слышали, что демон явно признавался,

что он через Ария и Евномия учил бесчестному святотатству. Также читаем, что один из этих духов говорил: «я выйду и сделаюсь духом лживым в устах, всех пророков его» (Израиля) (3Цар 22, 22; 2Пар 18, 21). Апостол, обличая обольщающихся ими, так говорит о них: «отступят... от веры, внимая духам обольстителям и учениям бесовским, через лицемерие лжесловесников» (1Тим 4, 1, 2). Евангелие свидетельствует, что есть и другие демоны – немые и глухие (Лк 11, 14; Мк 9, 25). Пророк упоминает, что также есть некоторые духи, разжигающие похоть и сластолюбие: «дух блуда обольстил их, и они блудят, отступив от Бога своего» (Ос 4, 12). Св. Писание учит, что есть также бесы дневные и полуденные³² (Пс 90, 6). Было бы слишком долго подробно рассуждать о различии их, рассматривая все места Св. Писания, в которых они называются – кто кентаврами, кто косматыми, кто сиренами, кто кикиморами, кто совами, кто страусами, кто ежами (Ис 13:21–22, 34:11, 14), кто аспидом и василиском, кто львом, кто драконом (Пс 90, 13), кто скорпионом (Лк 10, 19), кто «князем этого мира» (Ин 14, 30), кто «мироправителями тьмы века сего», кто «духами злобы» (Еф 6, 12). Мы думаем, что эти имена даны им не случайно, не без намерения, но названием этих зверей, которые бывают более или менее вредны, обозначается их жестокость и ярость, называются именами их по сходству ядовитой злости или главенства, которое дает им среди прочих зверей или змей превосходство их злости, поэтому иной получил название льва по причине сильной ярости и свирепости своего зверства, иной – имя василиска по причине смертоносного яда, который убивает прежде, чем почувствуется, а иной – имя кентавра или ежа и страуса – по причине вялости своей злости.

Глава 33. Вопрос: отчего происходит такое различие злых духов?

Герман. Мы не сомневаемся, что к этим относятся и те чины,

которых перечисляет апостол: «наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф 6, 12). Однако хотим знать, от чего такое различие между ними, или каким образом произошло столько степеней зла, или для того ли они сотворены, чтобы заняли эти чины зла и служили этому злу?

Глава 34. Разрешение предложенного вопроса откладывается до другого времени

Серен. Хотя предложения ваши отняли у наших очей все время ночного покоя, так что мы и не заметили приближение зари и до восхода солнца ненасытно увлеклись этой беседою; однако, поскольку разрешение предложенного вопроса введет нас в обширнейшее и глубочайшее море следующих вопросов, а краткость настоящего времени не позволяет его пройти, думаю, удобнее отложить исследование его до следующей ночи, чем и мне доставит духовную радость и более обильный плод от вашего задушевного разговора по случаю этого вопроса. Поэтому, вкусив немного сна, отгоним прильнувшую на рассвете к очам нашим дремоту, потом вместе пойдем в церковь, так как к этому побуждает нас праздник дня Господня. По возвращении от богослужения с двойной радостью предложим то, что Господь по вашему желанию дарует для общего назидания.

* * *

16

Серен значит ясный, светлый, вид его соответствовал его имени.

17

В русском переводе – «праведности».

То есть до совершенства и уподобления Христу.

Под залогом здесь понимается благодать Св Духа и постоянное пребывание в любви Бога, которая есть как бы задаток для уверения в будущем бессмертии и славе, когда святые совершенно соединятся с Христом, как члены со своей главою, и вполне получают обещанное наследство, к которому призваны и усыновлены (Еф 1, 14; 2Кор 1, 22; Рим 5, 5).

Мнение, что ангелы добрые и злые демоны не бестелесны и имеют тело, только самое тонкое, как бы воздухообразное, из школы платоников распространилось и между православными христианами первых веков христианства. Впрочем, думают, что христианские мыслители под телом духов понимали не вещество, хотя бы оно тончайшее было, а субстанцию как бы сложенную, состоящую из разных сил, изменяемую, ограничиваемую временем и пространством, или в сравнении с простотою, чистотою, неизменяемостью Божественного существа природа ангелов кажется гораздо грубее, как бы отелесенной.

Авва под Словом Божиим здесь понимает Ипостасное Слово Божие, Сына Божия. Слово живо – так называется по живительной действенности; сила его проникает до сокровенных оснований души и тела, видит не только сокровенные дела, но и сокровенные мысли, причины и намерения их.

Некоторые под этими врагами понимают людей, которым св.

писатели просят наказания не по ненависти или зложелательству, а по ревности к правде, по желанию образумить их, удержать от делания зла благочестивым людям, чтобы временным наказанием исправить их и избавить от вечной гибели, как говорит апостол «если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы. Будучи же судимы, наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром» (1Кор 11, 31, 32). Или, по крайней мере, это – не проклятия, а угрозы и предсказания наказаний нечестивым.

23

О нем говорится в Кн. 10, гл. 24 и 25. О Моисее там же и в Соб. 1 и 2.

24

Калам иначе назывался Порфирионом См Соб. 3, гл 5; Соб. 24, гл. 4.

25

О нем говорится у Кассиана в Кн. 4, гл. 30.

26

Об Архебие говорится в Кн. 5, гл. 37, Соб. 11, гл. 2.

27

См. Духовный луг, гл. 180.

28

Лактаций говорит, что Бог развратным, порочным позволяет жить роскошно, развратно, потому что не считает их достойными исправления. А добрых, которых любит, чаще наказывает, постоянными трудностями упражняет для приучения к добродетели и не допускает им портиться от тленных скоропреходящих благ. Потому никому не должно

казаться удивительным, если Бог часто наказывает нас за наши грехи, даже когда мы подвергаемся искушениям, скорбям, тогда особенно должны благодарить милостивого Отца за то, что Он не позволяет нашей порче дальше продолжаться, застаревать, но исправляет ее бичами. Из того мы и познаем, что Бог заботится о нас, когда несчастиями, скорбями исцеляет наши грехи.

29

Как сказано в гл. 17.

30

Св. Антоний Великий говорит, что у всех демонов есть враждебная ненависть к людям, сильнее к христианам, а самая сильная – к монахам и девственницам, посвятившим себя Богу. Впрочем, каждый бес столько вредит людям, сколько Бог позволяет. Если Бог не допускает сделать большой вред, то они довольствуются обольщениями, насмешками или подстрекательством к каким-нибудь легким грехам, каковы праздное слово, праздное смотрение, нескромный смех, рассеянность помыслов на молитве, сонливость и другие подобные, в которые легко впадают и совершенные.

31

Кошмар во сне происходит иногда от обременения желудка, от несварения пищи, от меланхолической болезни, а иногда и от бесов.

32

Иные бесы больше ночью искушают, а иные днем, или иные скрытно строят козни, не приметно расставляют сети, а иные явно, открыто нападают с искушениями, как бы при ясном свете дня, как в полдень полуденным бесом называется дух

сладострастия и уныния, который больше нападает в полдень в жарких странах после принятия пищи и при расслаблении от чрезмерной жары.

Восьмое собеседование аввы Серена (второе). О начальствах и властях

Глава 1

Совершив то, чего требовало празднество дня Господня, и после собрания церкви возвратившись в келью старца, мы сначала были весьма хорошо угощены обедом. Ибо вместо рыбного рассола, который с несколькими каплями масла предлагался ежедневно на обед, он приготовил немного похлебки и влил масла несколько больше обычного. Ибо эту толику масла каждый ежедневно вливает не для того, чтобы доставить какую-нибудь сладость гортани (потому что вливается его такая малость, что едва ли достаточна бывает, не говорю, смазать, даже и пройти в глотку), но для того, чтобы этим употреблением подавить тщеславие сердца и побуждение к возношению, которое при строгом воздержании обычно льстиво и неприметно подкрадывается. Ибо чем сокровеннее бывает само воздержание, когда никто из людей не бывает свидетелем, тем тоньше оно искушает своего укрывателя. Потом он предложил по три маслины, приправленные солью, после того принес корзинку с приправленными бобами, которые они называют сладью (вместо десерта), из которых мы взяли только по пять зерен, по две сливы, по одной смокве (фиге); а больше этого числа взять считается в той (скитской) пустыне неприличным. После обеда, когда мы стали просить об обещанном разрешении вопроса, старец сказал: повторите ваш вопрос, исследование которого мы отложили до этого часа.

Глава 2. Второй вопрос о различии злых духов

Герман. Откуда, спрашиваем, произошло такое различие противных человеку властей? Блаженный апостол так перечисляет их: «наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф 6, 12). И еще: «ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ...ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим 8, 38, 39). Откуда же произошло такое различие злых духов, враждебных нам? Неужели следует думать, что эти власти для того сотворены Господом, чтобы в этих степенях и чинах воевать против людей?

Глава 3. Ответ о многообразной пище Священного Писания

Серен. Божественное Писание о том, чему хотело научить нас, даже и не имеющим острого ума так ясно и очевидно изрекло нечто, что не только никакой тенью сокровенного смысла не помрачено или не прикрыто, но и не нуждается в помощи толкования, выражает свои понятия и мысли в собственном, буквальном значении слов. А некоторые места так прикрыты и как бы затемнены таинственностью, что в исследовании и понимании их представляется для нас неизмеримое поле упражнения и заботы. Это так Бог устроил по многим причинам: во-первых для того, чтобы божественные тайны не открывались всем людям, т.е. как верным, так и неверным, с одинаковым знанием и пониманием; через это между нерадивыми и рачительными не было бы такого различия касательно добродетели и благоразумия; во-вторых, для того, чтобы и между самими верующими, когда простирается перед ними неизмеримое поле понимания, обличалась нерадивость беспечных и открылась ревность и тщательность усердных. Потому Божественное Писание

хорошо сравнивается с тучным, плодоносным полем, которое рождает и приносит много таких плодов, которые полезны для пищи людей без приготовления на огне. Некоторые, если от варения и умягчения на огне не потеряют жестокость своей терпкости, признаются негодными для употребления людей или вредными; а некоторые признаются удобными для употребления в том и другом виде, так что, и неваренные, они при своей терпкости не противны или не вредны, однако сваренные на огне становятся более полезными. Многие растения также вырастают в пищу только неразумным скотам и животным или зверям и птицам, а в пищу людям не полезны; они, оставаясь в своей суровости, без всякого варения на огне доставляют животным жизненную сытость.

Подобное видим и в этом плодоносном саду духовных писаний, в котором некоторые места сияют ясным, очевидным, буквальным значением, так что не нуждаются в высшем истолковании и только простым буквальным смыслом достаточно питают слушающих, как например: «слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь един есть; и люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею и всеми силами твоими» (Втор 6, 4, 5). А некоторые изречения, если не будут утончены аллегорическим изъяснением и размягчены испытанием духовного огня, то без причинения расстройства никак не послужат спасительной пищею для внутреннего человека, и от принятия их последует скорее вред, нежели какая-либо польза, каково следующее: «да будут чресла ваши препоясаны и светильники горящи» (Лк 12, 35). «Кто не берет креста своего и следует за Мною, тот недостоин Меня» (Мф 10, 38). Некоторые весьма строгие монахи, имеющие ревность Божию, но не по разуму, понимая это просто, сделали себе деревянные кресты и, нося их постоянно на плечах всем видящим доставили не назидание, а смех. А некоторые изречения удобно

прилагаются к тому и другому пониманию, т.е. как историческому, так и иносказательному, так что то и другое объяснение доставляет жизненные соки душе, каково следующее: «кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Мф 5, 39); «когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой». «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною» (Мф 10:23, 19:21). Вращивает оно и сено скотам, каковой пищею наполнены все поля Св. Писания, т.е. содержит простое и чистое повествование истории, от которого все более простые и менее способные к совершенному и чистому пониманию, по состоянию и мере своей, делают здоровее и сильнее только к работе и труду деятельной жизни.

Глава 4. О двояком смысле священного писания

Поэтому о том, что ясными словами выражено, мы можем твердо определить и смело произнести свое мнение. А те предметы, которые, предоставляя нашему размышлению и упражнению, Дух Божий поместил в Св. Писании, желая, чтобы о них заключали по некоторым знакам и предположениям, неспешно и осторожно должны обсуждаться, так что удостоверение или утверждение их зависит от произвола рассуждающего или принимающего. Ибо иногда, когда об одном предмете произносится различное мнение, то и другое может считаться разумным, и без ущерба для веры может быть принято или положительно, или в среднем смысле, т.е. так, чтобы не принимать их с полной уверенностью и не отвергать совершенно. Другое мнение не следует отвергать, если оно, как и предыдущее, не оказывается противным вере; пример тому, что Илия пришел в лице Иоанна (Мф 11, 14) и опять придет перед пришествием Христовым; и мнение о мерзости запустения, которая стояла на месте святом

(Дан 9, 27), под которой понимают изображение Юпитера, поставленное в храме Иерусалимском, и еще будет стоять она с пришествием антихриста; также понимают и все то, что изображается в Евангелии (Мф 24), что исполнилось и перед пленением Иерусалима, и в конце мира исполнится. Из этих ни одно мнение не опровергает другого, и первое толкование не упраздняет последующего.

Глава 5. Предложенный вопрос должен считаться средним, проблематическим

Потому предложенный вами вопрос, как недостаточно ясный, не часто встречается между людьми, очень многим он и неизвестен, и потому некоторым кажется сомнительным то, о чем мы говорим. Так как тут нет ничего противного вере в Св. Троицу, мы должны так постановить свое мнение, чтобы считать его средним (неопределенным), хотя не в том смысле, до которого обычно доходят только по предположениям и догадкам, но где все доказывается ясными свидетельствами Св.Писания.

Глава 6. Богом не сотворено ничего злого

Итак, мы не должны думать, что Бог сотворил что-нибудь злое по существу, когда Св. Писание свидетельствует: все, что Бог сотворил, «весьма хорошо» (Быт 1, 31). Ибо если бы духи были сотворены Богом такими или для того сотворены, чтобы занять эти ступени зла и всегда заниматься обольщением людей, то вопреки приведенному изречению Св. Писания мы обесславим Бога, как творца и изобретателя зла, как будто Он сотворил злые силы, и притом для того, чтобы они, всегда пребывая в злости, никогда не могли прийти в расположение доброй воли. Такое мнение мы приняли по преданию отцов из источника Св. Писания.

Глава 7. О сотворении начальств, или властей

Никто из верных не сомневается, что прежде сотворения этой видимой твари Бог сотворил духовные и небесные силы, которые, зная, что они из ничтожества сотворены для такой славы блаженства по благодати Творца, воссылают Ему всегдашнее благодарение и непрестанно занимаются прославлением Его. Апостол, перечисляя их по порядку, пишет: «Им (Христом) создано все, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли, – все Им и для Него создано» (Кол 1, 16).

Глава 8. О падении дьявола и ангелов

Итак, некоторые начальники из числа их пали; это ясно доказывает сетование пророков Иезекииля и Исаяи, у которых князь Тира или тот Люцифер, который поутру восходил, слезным плачем оплакиваются. О первом Господь так говорит Иезекиилю: «сын человеческий! Произнеси плачевную песнь о царе Тирском и скажи ему: так говорит Господь Иегова: ты печать совершенства, полный мудростью, и совершенный, ты находился в Эдеме, в саду Божием; всякими дорогими камнями блистало облачение твое; рубин, хризолит и алмаз, топаз, оникс и яспис, сапфир, карбункул и изумруд и золото, все, искусно усаженное у тебя в гнездышках и нанизанное на тебе, было у тебя приготовлено в день сотворения твоего. Ты был ширококрылый, осеняющий херувим; и Я поставил тебя как бы на святой горе Божией, ты ходил среди огнистых камней. Ты совершен был в путях твоих со дня сотворения твоего, доколе не нашлось в тебе беззакония. От обширности торговли внутреннее твое исполнилось неправды, и ты согрешил; и Я низринул тебя с горы Божией, изгнал тебя, херувим осеняющий, из среды огнистых камней. От красоты твоей возгордилось сердце твое, ты потерял мудрость твою и блеск твой; за то Я повергну тебя на землю, перед царями отдам тебя на позор. Множеством беззаконий твоих,

неправедною торговлею своею ты опорочил святилища твои» (Иез 28, 12–18). И пророк Исайя говорит о другом: «как упал ты с неба, денница (Люцифер), сын зари! разбился о землю, попиравший народы. А говорил в сердце своем: взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой и сяду на горе, в сонме Богов, на краю севера; взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему»³³ (Ис 14:12–14). Впрочем, не об одних этих Св. Писание упоминает, что они пали с высоты блаженного состояния, говоря, что дракон вместе с собою увлек «третью часть звезд» (Апок 12, 4). Также один из апостолов яснее говорит: «ангелов, не сохранивших своего достоинства, но оставивших свое жилище, соблюдают в вечных узах, под мраком, на суд великого дня» (Иуд 1, 6). А то, что говорится к нам: «вы умрете, как человеки, и падете, как всякий из князей» (Пс 81, 7), – что другое означает, как не то, что многие князья пали? Из этих указаний ясно, что эти различия чинов, кои разные власти имеют подобно святым, небесным силам, они и ныне удерживают или от степени прежнего чина, в котором всякая (власть) сотворена, или низвергнутые с неба, по подобию сил, пребывающих там постоянно, они сохранили между собою эти степени и названия чинов с противной стороны от степени своей злости, в которой каждая (власть) возросла, делая зло³⁴.

Глава 9. Вопрос: падение дьявола не от обольщения ли Евы последовало?

Герман. Мы до сих пор верили, что причиною и началом преступления дьявола, за которое он низвержен из ангельского состояния, была особенно зависть, когда он завистливой хитростью обольстил Адама и Еву.

Глава 10. Ответ о начале падения дьявола

Серен. Книга Божия показывает, что не то было началом

преступления или низвержения; потому что еще прежде обольщения их он заклеямен был именем змея, как говорится: «змей был мудрейший», или как еврейские книги выражают: «хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог» (Быт 3, 1). Из этого видите, что прежде обольщения первого человека он отпал от ангельской святости, так что не только заслужил такое бесславное имя, но в излитии зла еще предпочитается прочим зверям земным. Ибо Св. Писание таким словом не обозначило бы доброго ангела и о пребывающих в блаженстве не сказало бы: «змей был хитрее всех зверей полевых». Это название никак не может быть присвоено не только Гавриилу или Михаилу, но и доброму какому-либо человеку неприлично. Итак, очевидно, что слово змей и сравнение со зверями означает не достоинство ангела, а бесчестье преступника. Наконец, повод к зависти, которой он подстрекался к обольщению человека, происходил от причины прежнего его падения: он видел, что недавно образованный из земли призывается к той славе, от которой он, быв одним из начальников, отпал. И потому за первым его падением, когда он пал от гордости, за что и заслужил название змея, последовало второе падение через зависть. По определению Господню он низвержен в преисподнюю, чтобы не ходил уже возвышенным, как прежде, видя в себе нечто высокое, но чтобы, прильнув к земле, ползал на чреве, униженный питался земной пищею, делами пороков; потом Бог объявляет его скрытным врагом и кладет между ним и человеком полезную вражду и спасительный раздор, чтобы он обманчивой дружбою уже не мог повредить человеку, когда тот будет бояться его, как вредного врага.

Глава 11. О наказании обольщающего и обольщаемого

Это должно научать нас в особенности уклоняться от злых советов; потому что хотя виновник обольщения подвергается осуждению и соответственному наказанию, но и тот, кто

обольщается, не избавляется от наказания, хотя и несколько меньшего, чем виновник обольщения. Это мы ясно видим в следующем: Адам, который прельстился или, говоря словами апостола (1Тим 2, 14), не прельстился, а по доверию к обольстившейся согласился с нею на погибель, за то осуждается только на труд в поте лица, который назначается ему вследствие проклятия и бесплодности земли. А жена, которая была советницею, заслужила умножение стенаний, болезней и скорбей, подверглась всегдашнему игу подчиненности. Змей же, который был первым подстрекателем к этому греху, наказывается вечным проклятием. Поэтому с большой заботливостью и осмотрительностью надо остерегаться злых советов. Ибо как виновника наказывают, так и обольщенный не избавляется от греха и наказания.

Глава 12. О скоплении и беспокойстве демонов, пребывающих в воздухе

А злых духов такое множество наполняет воздух, который разливается между небом и землею и в котором они летают в беспокойстве и непраздно, что провидение Божие для пользы скрыло и удалило их от взоров человеческих; иначе от боязни нападения их или устрашающих лиц, в которые они по своей воле, когда захотят, преобразуются и превращаются, люди поражались бы невыносимым ужасом до изнеможения, будучи не в состоянии видеть их телесными очами или ежедневно становились бы злее, будучи развращаемы их постоянными примерами, и через это между людьми и нечистыми, воздушными властями, было бы некоторое вредное содружество и гибельный союз. Ибо те преступления, которые ныне допускаются между людьми, скрываются или оградой стен, или расстоянием мест, или по стыдливости. А если бы постоянно видели их открытым взором, то возбуждались бы к большему безрассудству, неистовству страстей; потому что не

было бы никакого промежутка времени, в который видели бы их удерживающимися от этих злодеяний; поскольку ни усталость телесная, ни занятие домашним делом, ни забота о ежедневном пропитании не удерживают их, как иногда заставляют нас даже невольно удерживаться от предпринятых намерений.

Глава 13. Злые духи и между собою ведут такую же борьбу, какую ведут с людьми

Достоверно, что злые духи какую борьбу с людьми ведут, такую же взаимно ведут и между собою. Ибо из-за некоторых народов, принятых по некоторому, свойственному им, содружеству со злом, они с неослабевающим усилием непрестанно производят раздоры и сражения.

Глава 14. Отчего злые духи получили имена властей или начальств

Думаем, что начальства или власти потому так называются, что господствуют и начальствуют над разными (Так называются не потому, чтобы от Бога они получили власть, начальство, а из-за бесчестия и порочности тех, над которыми господствуют, и которые через грехи подверглись власти бесов. Кроме этого алые духи называются начальствами, властями, вероятно, и потому, что они отпали из всех девяти чинов ангельских и после падения удержали за собою название чинов добрых ангелов) народами или имеют начальство над низшими духами, демонами, о которых в Евангелии говорится, что они сами себя называли легионом (Лк 8, 30). Ибо они и не могли бы называться господствами, если бы не имели господства над кем-либо; не могли бы называться властями или начальствами, если бы не имели власти, начальства над кем-либо. Это ясно указывается и в Евангелии хулящими фарисеями, которые о Иисусе Христе говорили, что Он «силою веельзевула, князя бесовского,

изгоняет бесов» (Мф 12, 24). Они называются также «мироправителями тьмы века сего» (Еф 6, 12) и «князем мира сего» (Ин. 14, 30). Впрочем, блаженный апостол утверждает, что в будущем веке будут упразднены эти степени, когда все покорится Христу, «когда Он предаст царство Богу и Отцу, когда упразднит всякое начальство и всякую власть и силу» (1Кор 15, 24); а это будет не иначе, как с лишением власти над теми, над коими в этом веке имеют власть, господство или начальство.

Глава 15. Не без причины даны святым небесным силам имена ангелов или архангелов

Нет сомнения, что и добрым духам те же названия чинов даны не без основания и суть имена должностей, или заслуг, или достоинств. Ибо ясно, что ангелами, т.е. вестниками, они называются по обязанности возвещать, архангелами – потому, что начальствуют над ангелами, как показывает значение самого имени; господствами называются потому, что господствуют над некоторыми; начальствами – также потому, что имеют начальство над некоторыми; престолами – потому, что прилепляются к Богу, служат Ему как домашние слуги, приближенные, так что Божественное величие преимущественнее на них почивает, как бы на престоле, и как бы тверже полагается на них.

Глава 16. О подчинении демонов своим начальствам

А что нечистые духи управляются более злыми властями и подчинены им, этому, кроме тех свидетельств Св. Писания, которые читаем в Евангелии, в описании ответа Господа клеветавшим фарисеям: «если Я силою веельзевула, князя бесовского, изгоняю бесов» (Мф 12, 27), – учат нас также ясные видения и многие опыты святых. Когда один из наших братьев путешествовал в этой пустыне, то, после наступления вечера найдя некую пещеру, остановился там и захотел совершить в

ней вечернюю молитву. Пока он по обычаю пел псалмы, время прошло уже за полночь. По окончании молитвенного правила, желая немного успокоить утомленное тело, он лег и вдруг начал видеть бесчисленные толпы собирающихся отовсюду демонов, которые шли бесконечной вереницею и весьма длинным рядом – иные предшествуя своему начальнику, иные следуя за ним. Наконец пришел князь, который и величиною был выше всех, и видом страшнее, и по установлении престола, когда он сел на возвышенном трибунале (судейском месте), то с рачительным исследованием стал разбирать действия каждого и тех, которые говорили, что еще не смогли обольстить своих соперников, приказывал выгонять от своего лица с замечанием и бранью, как недейтельных и нерадивых, с яростным рыканием укоряя, что они напрасно потратили столько времени и труда. А тех, которые объявляли, что обольстили назначенных им, отпускал с большими похвалами, при восторге и одобрении всех, как храбрейших воителей, в образец для всех прославившихся. Один злейший дух из числа их со злорадством доносил, как о знаменитейшей победе, что он хорошо известного монаха, имя которого назвал, после пятнадцати лет непрерывного искушения наконец одолел, в эту самую ночь вовлек в блуд. И не только побудил впасть в порок блуда с одною посвященною отроковицею, но и убедил взять ее себе в жены. При этом донесении демонами возобладала необыкновенная радость, и он, возвеличенный князем тьмы высокими похвалами и увенчанный большою славою, ушел. При наступлении зари, когда все это множество демонов исчезло, брат, сомневаясь в донесении нечистого духа и больше разгневавшись, что демон по закоренелой своей привычке к лжи захотел насмеяться над ним и невинного брата заклеймить пороком кровосмешения, помня евангельское изречение, что он «не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи» (Ин 8, 44), – пошел в Пелузу³⁵, где, какой знал,

пребывал тот, о котором говорил нечистый дух. Этот брат был очень известен ему. Когда стал разыскивать его, узнал, что он в ту самую ночь, в которую тот отвратительный демон объявил своему князю и его полчищу о падении монаха, оставив монастырь, ушел в селение и подвергся жалкому падению с означенной отроковицею.

Глава 17. При каждом человеке всегда находятся ангел и бес

Священное Писание свидетельствует, что при каждом из нас находятся два ангела – добрый и злой. О добрых Спаситель говорит: «смотрите, не презирайте ни одного из малых сих; ибо говорю вам, что Ангелы их всегда видят на небесах лицо Отца Моего Небесного» (Мф 18, 10). Еще: «Ангел Господень ополчается вокруг боящихся Его и избавляет их» (Пс 33, 8). Также и в книге Деяний апостольских говорится о Петре: «это Ангел его» (Деян 12, 15). Об обоих ангелах полно говорится в книге «Пастырь»³⁶. Если же мы обратим внимание на того, который искушал блаженного Иова, то ясно узнаем, что это был тот злой дух, который, всегда препятствуя ему, никогда не мог увлечь в грех и потому просил у Бога позволения, как будто он был побеждаем не добродетелью Иова, а защитой Господа, Который всегда покровительствовал тому. Об Иуде также говорится, что «дьявол... станет одесную его» (Пс 108, 6).

Глава 18. Разность злости у злых духов подтверждается свидетельством двух философов

О различии демонов много сведений мы получили также и от тех двух философов, которые некогда волшебными искусствами испытали бездействие их или силу и свирепую злость. Они, презирая блаженного Антония, как человека неученого и неграмотного, и желая хотя бы выгнать его из своей кельи наваждением бесовским, наслали на него

злейших духов, завидуя тому, что к этому рабу Божию ежедневно приходили большие толпы народа. Когда он стал изображать крестное знамение на челе и на груди своей и совершать смиренную молитву, то свирепые демоны не смели даже и приблизиться к нему и без всякого действия возвратились к тем, которые послали их. Они послали к нему опять, более сильных в злости, и эти напрасно употребляли все усилия – безуспешно возвратились; несмотря на это еще более сильные посланы были против воина Христова и победителя, и эти совершенно ничего не в силах были сделать. Такие наветы их, устроенные с таким волшебным искусством, имели последствием только то, что было ясно доказано, сколь великая сила заключается в христианском исповедании, так что столь свирепые, столь сильные демоны, о которых думали, что они могли бы даже солнце и луну помрачить, если бы послать их к ним, не только не сделали никакого вреда св. Антонию, но не в состоянии были даже на короткое время выгнать его из своего монастыря.

Глава 19. Демоны ничего не могут сделать людям, если сперва не овладеют их душою

Удивляясь этому, философы поспешно пришли к авве Антонию, раскрыли, сколь великую напасть, проделки и наветы совершали по тайной зависти, и просили тотчас сделать их христианами. Спросив о дне произведенной ими напасти, авва сказал, что тогда он был искушаем сильнейшими прилогами. Этим опытом блаженный Антоний доказал и подтвердил наше мнение, которое мы высказали вчера в беседе, что демоны никак не могут овладеть чьим-либо духом или телом, не имеют власти ворваться в чью-либо душу, если сначала не лишат ее всех святых помышлений и не сделают пустой и лишенной духовного созерцания. Но следует знать, что нечистые духи двумя способами покоряются людям: или благодатью и силою Божией подчиняются святости

верных, или жертвами нечестивых, или, будучи улещаемы какими-либо стихами, как к своим близким, бывают благосклонны. Прельстившиеся таким мнением фарисеи также думали, что и Господь Спаситель этим искусством повелевал демонами, говоря: «Он изгоняет бесов не иначе, как силою веельзевула, князя бесовского» (Мф 12, 24), именно по той дружбе, по которой волхвы или волшебники через призывание имени его и обрядов жертвоприношения, коими он увеселяется, как короткие друзья, имеют власть над подчиненными ему демонами.

Глава 20. Вопрос о павших ангелах, о которых в книге бытия говорится, что имели сожителство с дочерьми человеческими

Герман. Мы хотим знать, что нужно думать о тех павших ангелах, о которых говорится, что они сожительствовали с дочерьми человеческими (Быт 6, 2). Может ли это буквально приличествовать духовной природе? Также и о том, что говорится в Евангелии о дьяволе, что «он лжец и отец лжи» (Ин 8, 44). Мы желаем услышать, кого надо понимать под отцом лжи?

Глава 21. Разрешение предложенного вопроса

Серен. Вы предложили два немаловажных вопроса, на которые отвечу, насколько могу, в том же порядке. Никак не следует думать, что духовные существа могут плотски совокупляться с женщинами. Если бы это когда-нибудь могло совершаться буквально, то отчего и ныне не случается того же самого хотя бы изредка, и мы не видим, чтобы кто-нибудь также рождался от женщин через зачатие от демонов, без совокупления или семени мужа, особенно, когда известно, что демоны очень услаждаются блудной нечистотою, которую, если бы это как-нибудь могло исполниться, они лучше желали бы производить сами, нежели через людей? Предложенный

вопрос так объясняется. После убийства праведного Авеля, чтобы от нечестивого братоубийцы не произошел весь род человеческий, на место умершего брата рождается Сиф, который не только дал потомство, но и последовал братской праведности и благочестию. Поколение его, следуя праведности отца, всегда пребывало отделенным от общения и союза родства с тем поколением, которое происходило от нечестивого Каина, как это ясно показывает и описание родословия (Быт 5:3–30, 4:17–22). Итак, тот род, который происходил от поколения праведного Сифа, всегда соединяясь родством со своим племенем, по своей линии, много веков пребывал в отеческой и прародительской святости, нисколько не заражаясь нечестивостью и развращенностью негодного племени, носящего в себе семена нечестивости как бы по прародительскому преданию. Итак, пока продолжалось такое разделение этих родов, семья Сифа, как происходящее от лучшего корня, по заслугам святости называлось ангелами Божиими или, как читается в еврейском экземпляре, сынами Божиими; те, напротив, за нечестивость свою или отцов своих и за дела земные назывались сынами человеческими. Итак, сыны Сифа, бывшие сынами Божиими, видя дочерей, родившихся от поколения Каинова, и воспламенившись похотью от красоты их, стали брать себе из них жен, которые, передавая своим мужьям непотребства своих отцов, вовсе отвлекли их от природной святости и простоты отеческой, развратили.

Глава 22. Возражение: как нечестивое смешение с дочерьми Каина могло вмениться в грех роду Сифа прежде запрещающего закона?

Герман. Грех в таком супружестве мог бы справедливо вменяться, если бы дана была им заповедь касательно удаления от нечестивого племени. Но так как заповеди такой не было, то как могло вменяться им в вину смешение рода,

которое никакой заповедью не было запрещено?

Глава 23. Ответ: вначале люди по закону естественному подлежали суду, или наказанию

Серен. Бог, сотворив человека, запечатлел в его природе знание закона, который если бы человеком, по намерению Господа, был сохранен, как получен, то не было бы необходимости давать другой, обнародованный после посредством письма. Ибо было бы лишним извне подавать средство, если бы насажденное внутри еще имело силу. Но поскольку этот закон, как мы сказали, был уже поврежден свободой и делами греховными, то как наблюдатель его, исполнитель, защитник и, говоря словами Священного Писания, помощник дан был закон Моисеев со строгим обязательством, чтобы хоть из страха настоящего наказания благое естественное знание не истребилось совершенно, по изречению пророка, который говорит: «обращайтесь к закону» (Ис 8, 20), который, и по словам апостола (Гал 3, 24), дан был как руководитель детям, обучающий и охраняющий их, чтобы они от того учения, в каком природою были наставлены, не отступали по какому-либо забвению. Поскольку всякое знание закона от начала творения внушено было человеку, то этим ясно доказывается, что все святые, как мы знаем, соблюдали заповеди закона без чтения письма, прежде закона, даже прежде потопа. Ибо как мог узнать Авель, когда еще не было закона заповедавшего, что он должен приносить Богу жертву от первородных своих овец, если бы не был научен запечатленным в его природе законом? Как Ной различал бы, какое животное чистое, какое нечистое, когда еще не было различающей заповеди закона, если бы не был вразумлен природным знанием? Откуда Енох научился ходить с Богом, не получив ни от кого никакого знания закона? Где Сим и Иафет вычитали: да не откроешь срамоты отца своего, – так что, идя задом, покрыли наготу отца?

Откуда научен был Авраам отказаться от добычи врагов, которая ему давалась как воздаяние за его труд? Или как отдал десятую часть священнику Мелхиседеку, которая предписывалась законом Моисеевым (Быт 14:18–20)? Как тот же Авраам и Лот покорно исполняли долг человеколюбия и омывали ноги прохожим и странникам, когда еще не было евангельской заповеди (Быт 18:4, 19:2)? Как Иов приобрел такую набожность в вере, такую чистоту целомудрия, такое знание смирения, кротости, милосердия, человеколюбия, какого не видим даже и у тех, которые в памяти содержат Евангелие? О ком из святых прежде появления закона читаем, что он нарушил какую-либо заповедь? Кто из них не соблюдал этого: «слушай Израиль: Господь, Бог наш, Господь один есть» (Втор 6, 4)? Кто из них не исполнил этого: «не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли» (Исх 20, 4)? Кто из них не соблюдал: «почитай отца твоего и мать твою», или того, что следует в десяти заповедях: «Не убивай. Не прелюбодействуй. Не кради. Не произноси ложного свидетельства. Не желай жены ближнего твоего» (Исх 20, 12–16), и другое, еще большее, чем они предварили заповеди не только закона, но и Евангелия?

Глава 24. Согрешившие прежде потопа наказаны справедливо

Итак, мы понимаем так, что вначале Бог сотворил все совершенным и не было ничего такого, что, к начальному распоряжению Его, как непредусмотрительному и несовершенному, необходимо было бы присоединить, или что после надлежало бы прибавить, если бы все пребывало в том состоянии и расположении, в каком сотворено было Им. И потому мы докажем, что Бог праведным судом наказал тех, которые согрешили прежде закона и прежде потопа, потому что, преступив естественный закон, они заслужили наказание

без всякого извинения. И мы не должны впадать в хулу и клевету подобно тем, которые, не зная этой причины, укоряют Бога за Ветхий Завет, понося нашу веру, и, насмехаясь, говорят: что Богу нашему вздумалось, что захотел обнародовать закон после стольких тысяч лет, допустив стольким векам пройти без закона? Хотя после нечто лучшее вышло, но видно, что в начале мира Он помышлял ниже или хуже, а после этого, как бы научившись опытом, начал совершать правильное, начальное распоряжение свои исправлять на лучшие. Это совершенно не может быть сообразно с беспредельным предвидением Бога, только безумие еретиков так необыкновенно богохульно говорит о Нем. Екклесиаст говорит: «познал .., что все, что вначале сотворил Бог, то пребудет вовек; к тому нечего прибавлять и от того нечего убавить» (Еккл 3, 14). И потому «закон положен не для праведника, но для беззаконных и непокорливых, нечестивых и грешников, развратных и оскверненных» (1Тим 1, 9). Ибо, имея здравое, неиспорченное знание закона естественного, запечатленного в них, они не нуждались в этом законе, в Св. Писании начертанном, который дан был в помощь естественному закону. Из этого выходит ясное заключение, что вначале не нужно было давать этот закон, начертанный в Св. Писании; ибо это было излишне, пока еще сохранялся естественный закон, пока не был нарушен всецело; до исполнения закона не могло быть преподано и евангельское совершенство. Ибо еще не могли слышать: «кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Мф.5:39) те, которые не довольствовались ответить за свои обиды равным воздаянием, но за легкую пощечину воздавали смертельные удары пяtkою и раны стрелами; за один выбитый зуб требовали жизни ударивших. Нельзя было говорить: «любите врагов ваших» (Мф.5:44) тем, среди которых считалось большим плодом и пользою любить своих друзей, а от врагов удаляться,

оставить их одной ненависти, не притеснять их и не убивать.

Глава 25. Как следует понимать сказанное в Евангелии о дьяволе, что он есть ложь и отец лжи

А то, что вы спросили о дьяволе, что «он есть лжец и отец лжи» (Ин 8, 44), т.е. кажется, будто Господь сказал, что как сам он, так и отец его есть лжец; так понимать – нелепо и легкомысленно. Ибо, как мы немного раньше сказали, дух не рождает духа, так же как и душа не может рождать душу, хотя не сомневаемся, что плоть зачинается от человеческого семени и растет. Так апостол ясно различает то и другое существо (*substantia*), т.е. плоть и душу, какая какому виновнику приписывается, говоря: «если мы, будучи наказываемы плотскими родителями нашими, боялись их, то не гораздо ли более должны покориться Отцу духов, чтобы жить?» (Евр 12, 9). Что могло быть яснее этого различения, когда апостол отцами плоти нашей называет людей, а отцом душ – одного Бога? Хотя и в самом зачатии этой плоти человеку нужно приписывать только посредничество, а сущность творения – Творцу всех, Богу, как говорит св. Давид: «руки Твои сотворили меня и устроили меня» (Пс 118, 73). И блаженный Иов говорит: «не Ты ли вылил меня, как молоко, и, как творог, сгустил меня, кожей и плотью одел меня, костями и жилами скрепил меня» (Иов 10, 10–11). И Господь к Иеремии говорит: еще не образовав тебя в чреве, Я знал тебя (Иер 1, 5). Екклесиаст, показывая природу плоти и души, начало и происхождение, т.е. откуда та и другая произошла, к какой цели та и другая стремится, и рассуждая о разлучении души с этим телом, говорит: «и возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратится к Богу, Который дал его» (Еккл 12, 7). Что можно сказать яснее того, что плоть, названная прахом земным, потому что от семени человека получила начало, как взятая из земли, опять возвратится в землю; а дух, который не зарождается от совокупления того и

другого пола, а присваивается только одному Богу, к виновнику своему и возвратится? Это же ясно выражается и тем дуновением Божиим, которым Он первоначально воодушевил Адама (Быт 2, 7). Из этих свидетельств ясно заключаем, что отцом духов может называться только один Бог, Который из ничего сотворил их, когда захотел; а люди называются отцами только нашей плоти. Так и дьявол никакого отца не имел, кроме Бога, Создателя своего. Когда он превознесся гордостью и в своем сердце сказал: «взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему» (Ис 14, 14), то сделался лжецом и в истине не устоял, но, из своей сокровищницы зла произнося ложь, сделался не только лжецом, но и отцом самой лжи (Ин 8, 44); потому что, обещая человеку обожение и говоря: «будете, как боги» (Быт 3, 5), в истине не устоял, но сделался человекоубийцею: Адама ввел в состояние смертности и своим подстрекательством умертвил Авеля рукою брата. Однако рассуждение наше, длившееся почти две ночи, прекратила наступающая заря.

* * *

33

Хотя эти пророчества относятся собственно к царям тирскому и вавилонскому, но так как черты совершенств и образ падения их взяты с падения сатаны, и гордость их представляется совершенно сатанинской, то на этом основании это изображение относят и к падению сатаны.

34

Яснее сказать, разность злых духов зависит от разности совершенств, которые получили при сотворении, и от разности успехов в зле.

35

Город Пелуза находится у восточного последнего устья Нила.

36

Писателем книги «Пастырь» признается Ерма, ученик апостол, Павла (Рим 16, 14).

Девятое собеседование аввы Исаака Скитского (первое). О молитве

Глава 1

Собеседования старца аввы Исаака³⁷, которые мы теперь предлагаем, при помощи Божией, исполнят то, что во второй книге постановлений (гл. 9) мы обещали сказать о непрестанной молитве. Изложив это, думаю, я удовлетворю и заповеди блаженной памяти папы Кастора и вашему желанию, блаженнейший папа Леонтий и святой брат Елладий, извиняясь сначала в обширности книги, которая, при всем нашем старании – сократить повествуемое не только сжатой речью, но и многое обходя молчанием – вышла гораздо больше, нежели как мы предполагали. Итак, предпослав рассуждение о разных постановлениях, которое мы сократили, наконец предлагаем следующее учение блаженного Исаака.

Глава 2. Учение аввы Исаака о качестве молитвы

Цель всякого монаха и совершенство сердца состоит в постоянстве молитвы и, насколько возможно для бренного человека, в невозмущаемом спокойствии ума и всегдашней чистоте его. Для достижения этого нужны: неослабевающий телесный труд и сокрушение духа, так чтобы между тем и другим находилась тесная, взаимная связь. Ибо как все добродетели стремятся к совершенству молитвы, так и сами они не могут быть твердыми и постоянными, если не будут

соединены и скреплены ею. Как без добродетелей нельзя вполне приобрести постоянного молитвенного покоя, так и без этого покоя невозможно в точности исполнить добродетелей, способствующих ему. Поэтому непристойно было бы в беседе о свойстве молитвы вдруг приступить к рассмотрению главной ее цели, состоящей в деятельном исполнении всех добродетелей, не исследовав предварительно, что необходимо оставить или сделать для достижения ее, по учению евангельской притчи, не вычислив сперва и тщательно не приготовив всего, что нужно для того, чтобы воздвигнуть высочайшую духовную башню (Лк 14, 28). Впрочем, и сами приготовленные материалы останутся бесполезными и не допустят безопасно возложить на себя высокого совершенства, если не будет откинута нечистота пороков и не будет удален склонный к разрушению щебень страстей нашего сердца – этой земли хрящеватой, а что всего более, если на евангельском камне (Лк 6, 48) не будут положены твердейшие основания простоты и смирения, поддерживаясь коими, эта воздвигаемая из духовных добродетелей башня могла бы стоять неподвижно и в своей надежной прочности возносить главу свою к высоте небесной. Когда эта башня будет утверждена на таких основаниях, то пусть прольется обильнейший дождь страданий, пусть притекут с ужасным стремлением быстрые реки гонений, пусть наляжет свирепая буря противных духов – она не только не падет, но даже не потерпит никакого повреждения от этих нападений.

Глава 3. Что нужно, чтобы молитва была чистая, задушевная?

Чтобы молитва возносилась с надлежащей горячностью и чистотою, нужно непременно соблюдать следующее: во-первых, необходимо отложить всякое попечение о телесных вещах и не только не заботиться, но и думать не следует о каком-либо занятии или предприятии. Надо избегать всяких

развлечений, пустословия или многословия, равно как и всяких шуток, но сперва, что важнее, исторгнуть с корнем расположение к гневу или унынию и вовсе истребить пагубное разжигание плотской похоти и любостяжание. Отбросив эти и подобные им пороки, легко представляющиеся взорам каждого, и произведя таким образом извержение непотребных веществ, совершаемое чистотой простоты и невинности, затем следует положить незыблемое основание глубокого смирения, которое могло бы держать на себе башню, имеющую вознестись до неба, и потом уже на этом основании воздвигать духовное здание добродетелей, удерживая дух от всякого опасного для него развлечения и рассеяния, чтобы он таким образом мог постепенно возвышаться к созерцанию Бога и к другим духовным видениям. Ибо то, чем бывает занята душа наша до молитвы, обязательно приходит на память и во время ее. Поэтому до начала молитвы мы должны держать себя в таком состоянии, в каком желаем находиться в продолжение ее. Ибо ум во время молитвы получает настроение, сообразное с предыдущим состоянием; представляющийся его очам образ прежних наших действий, слов или чувств произведет то, что мы, и приступив к молитве, по свойству предварительного расположения, или будем гневаться, или унывать, или возбуждать в себе прежние вожеления и наклонности, или станем с безрассудностью (что и сказать стыдно) забавляться каким-нибудь смешным изречением или происшествием, или устремимся к прежней рассеянности. Итак, поспешим еще до молитвы изгнать из внутренности сердца нашего то, чего не желали бы иметь во время ее, дабы можно было исполнить нам апостольскую заповедь: «непрестанно молитесь» (1Сол 5, 17), – и еще: «желаю, чтобы на всяком месте произносили молитвы мужи, воздевая чистые руки без гнева и сомнения» (1Тим 2, 8). Ибо нельзя исполнить этой заповеди, если ум наш не очистится от всякой скверны пороков, если не облечется в

одни добродетели, как в свойственную себе красоту, и не будет питаться непрерывным созерцанием всемогущего Бога.

Глава 4. О подвижности души, сравниваемой с пухом

Качество души хорошо сравнивают с легким пером или пухом. Не будучи омочен никакой посторонней жидкостью, при самом слабом дыхании ветерка он обыкновенно, по своей легкости, возносится на высоту; а если бывает отягчен какой-либо влажностью, то вместо того, чтобы подниматься на воздух, от тяжести принятой им влаги прилегает к недрам земли. Так и ум наш, если будет свободен от бремени стремящихся к нему пороков и мирских забот и чужд растления вредных похотей, то, облегчаемый силою природной чистоты своей, при самом тихом веянии духовного размышления, оставляя все суетное и земное, переносится к небесному и невидимому. Поэтому-то и заповедует нам Господь: «смотрите же за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объядением, и пьянством, и заботами житейскими» (Лк 21, 34). Итак, если хотим, чтобы молитвы наши восходили не только до небес, но и превыше небес, то постараемся поставить ум наш в естественное состояние его духовности, очистив его от всех земных пороков и скверны страстей, чтобы молитва его, не отягчаясь более никаким бременем пороков, могла вознестись к Богу.

Глава 5. О причинах, отягощающих наш дух

Надо отметить причины, производящие отягчение в уме нашем, на которые указывает Господь. В числе этих причин Он не полагает прелюбодеяние, блуд, убийство, богохульство, воровство, которые все признают грехами смертными, гибельными; но обжорство, пьянство, печали и заботы житейские, коих не только мирские люди не берегутся и не почитают гибельными, но даже некоторые (о чем стыдно и говорить), называющие себя монахами, предаются этим

занятиям, как безвредным или полезным. Хотя эти три причины, даже буквально понимаемые, отягчают душу, разлучают ее с Богом и пригибают к земле; впрочем, легко уклониться от них, особенно нам, нарочно удаленным от всякого общения с миром и не имеющим никакого повода предаваться мирским заботам, пьянству и объедению. Но есть и другое объедение и пьянство – духовное, коих труднее избежать, и есть особенные заботы и попечения житейские, в которых часто принимаем участие и мы, несмотря на то, что совершенно отреклись от всех владений наших, воздерживаемся от вина и всяких пиршеств и находимся в уединении. О них-то говорит пророк Иоиль: восстаньте упившиеся, и не от вина (Иоил. 1:5), и также другой пророк говорит: «изумляйтесь и дивитесь: они ослепили других, и сами ослепли; они пьяны, но не от вина» (Ис 29, 9). Из этого следует, что вино, причиняющее это пьянство, по словам пророка, есть «отрава аспидов» (Втор 32:33). Заметь, откуда ведет свое начало такое вино: «виноград их от виноградной лозы Содомской и с полей Гоморрских». Хочешь ли также знать плод этого винограда и этого отродья? «Ягоды их ягоды ядовитые, грозди их горькие» (Втор 32:32). Поэтому, если мы не будем чисты от всех пороков и от упоения всех страстей, то и без употребления пьянящего вина, и без роскошных пиршеств сердце наше отягчится пьянством и объедением еще более вредным. Ибо если житейские заботы могут касаться и нас, чуждых мирских дел, то этим самым очевидно оправдывается правило отцов, которые относили к числу житейских забот все то, что превышает необходимость ежедневного пропитания нашего и неперменные потребности тела. Так, например, когда мы стараемся всеми мерами приобрести два или три сольда³⁸, между тем как и одного было бы достаточно для наших нужд; когда заботимся о стяжании трех или четырех одеяний, между тем как для употребления днем и ночью довольно было бы двух; или

когда, увлекаясь житейскою гордостью и пышностью, мы стараемся строить четыре или пять келий, и притом великолепнейших, хотя для жительства достаточна была бы одна или две, и вообще, когда слишком уважаем мучительные мирские пожелания.

Глава 6. О видении одного старца касательно беспокойного труда одного брата

Очевидные опыты показывают, что это происходит не без наущения демонов. Один старец, добродетельнейшей жизни, проходя мимо кельи брата, страдавшего этим душевным недугом, о котором мы сказали (ибо он, беспокоясь об излишних постройках и починках, ежедневно изнурял себя трудом), издали увидел, что тот разбивает тяжелым молотом твердый камень. Тут еще он увидел, что при этом брате находился эфиоп, который, соединив свои руки с его руками, вместе с ним делал удары молотом и пылающими факелами побуждал его к постоянному продолжению работы. Старец долго стоял, удивляясь и жестокому нападению демона, и столь коварному обольщению. Ибо когда брат этот, ослабев от чрезмерного труда, намеревался успокоиться, оставив труд свой, то, наущением того же духа, был вынужден снова брать молот и не оставлять начатого дела, так что уже не чувствовал тяжести труда, будучи поддерживаем непрерывным подстреканием демона. Наконец тот старец, тронутый видом столь жестокого надругательства демона, подходит к келье брата и, приветствуя, говорит ему: «Над чем столько трудишься, брат?» – «Обделываем этот твердейший камень, – отвечал он, – и едва только могли мы разбить его». – «Правду говоришь ты: едва мы могли, – сказал старец. – Ибо ты был не один, когда разбивал камень, с тобою был еще некто другой, коего ты не видел, и который не столько помогал тебе в этой работе, сколько со всей жестокостью понуждал тебя к ней».

Итак, это еще не показывает, что душа наша свободна от свойственной мирским людям болезни, если мы воздерживаемся только от тех забот, которые хоть и желали бы исполнить, но не можем, и если оказываем презрение к таким вещам, домогательство которых в глазах как духовных людей, так и мирских с первого взгляда представляется предосудительным; но верный знак таковой свободы состоит в том, когда мы с хладнокровием отвергаем даже и то, что можем сделать и что имеет вид приличия. В самом деле, эти, по-видимому, незначительные мелочи не меньше отягчают ум монаха, как и те великие заботы, которые обычно омрачают чувства мирских людей. Ибо и они также не допускают, чтобы монах, отложив всякую земную нечистоту, возносился к Богу, к Которому всегда должна быть обращена мысль наша, и малейшее уклонение от Которого, как высочайшего блага, есть настоящая смерть и бедственная гибель. А чей ум, отрешившись от уз всяких плотских страстей, придет в твердое состояние спокойствия, чье сердце всей крепостью прилепится к одному верховному благу, тот в состоянии будет исполнить апостольскую заповедь: «непрестанно молитесь» (1Сол 5, 17), и еще: «желаю, чтобы на всяком месте произносили молитвы мужи, воздевая чистые руки без гнева и сомнения» (1Тим 2, 8). Ибо, коль скоро сердечные помышления будут, так сказать, поглощены чистотою и из земных сделаются духовными и ангельскими, то, что бы ни входило в них, чем бы они ни были заняты, молитва всегда будет чистейшей и искреннейшей.

Глава 7. Что труднее: сохранять благие помыслы или приобретать их?

Герман. О, если бы таким же образом и с одинаковой удобностью можно было непрестанно сохранять духовные помыслы, как и приобретать иногда семена их! Ибо когда они возродятся в нашем сердце посредством чтения Св. Писания,

или при воспоминании каких-нибудь духовных подвигов, или во время созерцания небесных таинств, то, незаметно убегая от нас, скоро исчезают. Иногда ум наш находит и другой какой-нибудь случай к духовным чувствованиям, но при появлении иных, случайно встретившихся чувствований, те из них, которые занимали нас прежде, тотчас оставляют нас, так что с вероятностью можно думать о душе, всегда самой в себе непостоянной и потому не имеющей собственной силы твердо удержать святые помыслы, что она и в то время, когда удерживает несколько помыслов, получила их случайно, а не по собственному старанию Ибо как можно приписать свободной воле нашей начало тех помышлений, постоянное пребывание которых не состоит в нашей воле? Но чтобы из-за решения этого вопроса не уклониться далеко от предполагаемого исследования и первоначально предпринятого нами рассуждения о молитве, оставляя этот предмет до другого времени, неотступно просим тебя объяснить нам качество молитвы, тем более, что и святой апостол заповедует совершать ее во всякое время, говоря: непрестанно молитесь. Итак, сперва мы желаем знать качество молитвы, т.е. какую молитву нужно всегда воссылать, а потом каким образом можно непрестанно продолжать ее или заниматься ею. Ибо и каждодневный опыт показывает, что она не может быть совершаема при слабом напряжении сердца, и предложенная тобою мысль внушает, что последняя цель монаха и верх всякого совершенства состоит в надлежащем совершении молитвы.

Глава 8. Ответ о разных качествах молитвы

Исаак. Объять все виды молитв без высочайшей чистоты сокрушенного сердца и просвещения Св. Духа, мне кажется, невозможно. Они столь же многочисленны, как и те состояния, в коих может находиться всякая душа. Хотя мы и совершенно уверены, что не можем, судя по холодности нашего сердца,

обозреть все виды молитв, впрочем, попытаемся изложить их, насколько позволяет нам малая опытность наша. По мере чистоты, в какой преуспевает чей-либо ум, и по свойству состояния, в какое он или случаями приводится, или своим старанием приходит, ежеминутно изменяется и сам вид молитвы, и потому очевидно, что никто не может воссылать молитвы всегда однообразные. Ибо всякий молится в веселье иначе, нежели когда отягчен бременем печали и отчаяния; иначе, когда укрепляется в духовном преуспевании, нежели когда притесняется нападениями врага; иначе, когда испрашивает отпущения грехов, нежели когда просит приобретения благодати, или какой-нибудь добродетели, или уничтожения какого-либо порока; иначе, когда сокрушается мыслью о геенне и страхом будущего суда, нежели когда воспламеняется желанием будущих благ и надеждою; иначе, когда находится в нужде и напастях, нежели в безопасности и спокойствии; иначе, когда просвещается откровениями небесных тайн, нежели когда скорбит о бесплодии своих добродетелей и сухости чувствований.

Глава 9. О четырех видах молитв

Изложив понятие о качестве молитвы, хотя не столь подробно, как требовала бы важность предмета, но насколько позволяет краткость времени, или лучше, слабость нашего ума и огрубелость сердца, теперь предстоит нам еще большая трудность в раздельном изъяснении всех видов молитв, коих апостол полагает четыре, говоря об этом так: «прежде всего прошу совершать молитвы, прошения, моления, благодарения» (1Тим 2, 1) Такое разделение, без сомнения, сделано апостолом не напрасно. Поэтому нужно сперва определить, что значит молитва, моление, прошение, благодарение, далее необходимо исследовать, все ли эти четыре вида должны быть вместе употребляемы молящимся, так чтобы во всякой молитве все они соединялись, – или

должны быть приносимы порознь и попеременно, т.е. иногда молитвы, иногда моления, а иногда прошения или благодарения, или один должен воссылать Богу молитвы, а другой моления, один прошения, а другой благодарения, сообразуясь с мерою возраста, какой соответствует чей-либо ум, смотря по напряжению своей деятельности.

Глава 10. О порядке видов молитвы

Итак, прежде всего нам следует вникнуть в свойство самих названий и показать различие между молитвою, молением и прошением; потом рассмотреть, должны ли они возноситься порознь или вместе; в-третьих, надо размыслить, не внушает ли чего-нибудь важного и сам порядок слов апостола или надо просто почитать его лишь обыкновенным разделением и понимать его безразлично, что, впрочем, кажется мне невероятным; ибо не следует думать, что Св. Дух устами апостола произнес что-либо мимоходом и без намерения. Рассмотрим же теперь, при содействии Божиим, каждый вид молитвы в том именно порядке, какой предложен нами.

Глава 11. О молитве (absecratione)

«Прежде всего прошу совершать молитвы» (1Тим.2:1). Молитва есть умилоствление за грехи, посредством которого человек кающийся испрашивает прощение или в настоящих, или в прежних своих беззакониях.

Глава 12. О молении (oratione)

В молениях мы что-либо приносим или обещаем Богу, что по-гречески называется ευχή – моление обетное, или просто, обет. Почему, где в греческом стоит: τὰς εὐχὰς μου τῷ Κυρίῳ ἀποδώσω, в латинском переводе читается: vota mea domino reddam – «обеты мои воздам Господу» (Пс 115, 9). Согласно же с обычным значением слов, греческий текст может быть

истолкован и таким образом: моления мои Господу воздам. Равно и в Екклесиасте мы читаем: когда даешь обет Богу, то не медли исполнить его (Еккл 5, 3). Греческий текст, соответствующий нашему, есть следующий: εὐχὴν εὐχῆν Κυρίῳ и проч., который может быть переложен таким образом: если принесешь моление (обетное) Богу, не медли исполнить его. А исполнить его может каждый из нас. Так, мы приносим эти обетные моления, когда, отрекаясь от мира, обещаемся служить Господу со всей ревностью сердца своего и умереть для всякого общения с миром и для всех дел его; приносим эти моления, когда, презрев мирские почести, отвергнув земные стяжания, обязываемся во всяком сокрушении сердца и в нищете духа прилепляться Господу; мы приносим эти моления, когда даем обет непрестанно сохранять совершенную чистоту тела и непреодолимое терпение или вовсе исторгнуть из сердца своего корень производящего смерть гнева и уныния. Если же по своей беспечности и склонности к прежним порокам, мы не исполним тех благих намерений, то будем виновны в наших молениях и обетах, и к нам отнесутся тогда слова: «лучше тебе не обещать, нежели обещать и не исполнить» (Еккл 5, 4). Что в греческом можно понимать так: лучше не молиться, нежели, молясь, не исполнять молитвенных обетов.

Глава 13. О прошении (postulatione)

На третьем месте у апостола поставлены прошения, которые мы, находясь в горячности духа, обычно воссылаем за других, прося о тех, кого любим, или о мире всего мира, выражаясь же словами самого апостола, за всех человеков: «за царей и за всех начальствующих» (1Тим 2, 2).

Глава 14. О благодарении

Напоследок, на четвертое место, ставятся благодарения, которые ум в неизъяснимом восторге приносит Богу, когда

вспоминает прошедшие благодеяния Божии или созерцает настоящие, или когда, прозревая будущность, усматривает, какие и сколь великие блага уготовил Бог любящим Его. В этом последнем случае обычно изливаются обильнейшие молитвы, когда дух наш, взирая чистейшими очами на награды, уготованные святым в будущем веке, побуждается с безмерной радостью воссылать Богу неизреченные благодарения.

Глава 15. Всем ли необходимы четыре вида молитв и вместе или каждому порознь и отдельно?

Каждый из показанных четырех видов молитвы может иногда делаться приношением тучным; ибо известно, что и молитва, рождающаяся от сокрушения о грехах, и моление, проистекающее от верности приношений и точного исполнения обетов в чистой совести, и прошение, происходящее от пламенной любви, и благодарение, рождающееся от созерцания благодеяний, величия и милосердия Божия, весьма часто производит в нас горячайшие и пламенные молитвы. Отсюда видно, что все вышеупомянутые четыре вида полезны и необходимы всякому человеку, так что один и тот же человек, смотря по различию внутреннего своего расположения, может приносить иногда молитвы, иногда моления, иногда прошения, иногда – благодарения, чистые и горячайшие. Впрочем, первый вид, кажется, особенно приличен начинающим, которые, как жалом, уязвляются еще воспоминанием своих пороков; второй – тем, которых преуспевание в добродетелях поставило на некоторую высшую степень духовного совершенства; третий – тем, которые, исполняя обеты свои на самом деле, принимают на себя ходатайство и за других по любви и снисхождению к их немощи, четвертый же свойствен тем, которые, исторгнув из сердец своих терны наказующей совести, спокойно и совершенно чистым умом созерцают милости и щедроты

Господни, или прежде оказанные им, или настоящие, или в будущей жизни уготованные, и через то пламенеющим сердцем возбуждаются к горячайшей и устами человеческими невыразимой молитве. Случается, впрочем, что ум, достигший такого совершенства чистоты и начавший уже утверждаться в нем, вдруг объемлет все эти виды молитв и, обтекая их, наподобие некоего непостижимо быстрого пламени, проливает перед Богом неизъяснимые, чистейшей силы исполненные моления, которые Сам Дух, без нашего ведения, возносит к Богу в воздыханиях неизреченных (Рим 8, 26), т.е. в сию минуту человек воодушевляется такими чувствованиями и столь непостижимо изливается в молитве, что в другое время он не только не может пересказать этого, но даже и возобновить в своей памяти. А из этого видно, что в какой бы мере возраста кто ни находился, может иногда воссылать чистые и усердные молитвы. Ибо и тот, кто стоит на первой и низшей ступени, возмущаясь помыслом о грядущем суде, страшась испытания и ужасаясь наказания, и тот приходит иногда в такое сокрушение, что является готовым утучнить³⁹ (Пс 62, 6) молитвенную жертву свою не менее, чем и тот, кто наслаждается неизреченным весельем и радостью при созерцании чистым сердцем Божеских благодеяний; ибо он, зная, что ему много прощено, начинает, по слову Господа, много любить (Лк 7, 47).

Глава 16. Восходить к означенным видам молитв следует постепенно

Впрочем, для преуспевания в духовной жизни и для совершенного исполнения добродетелей, мы особенно должны располагать себя к тем видам молитв, воссылать которые побуждают нас или созерцание будущих благ, или сила пламенной любви, или, по крайней мере, стремление снискать какую-нибудь добродетель или истребить какой-нибудь порок. Ибо нельзя иначе достигнуть тех высших видов молитвы, о

которых мы уже сказали, если ум наш мало-помалу и постепенно не пройдет сперва ряд низших молитв.

Глава 17. И Христос употреблял эти четыре вида молитв

Господь наш собственным примером благоволил освятить четыре вида молитв, дабы и в этом случае исполнилось то, что о Нем сказано: «что Иисус делал и чему учил от начала» (Деян 1, 1). Он приносит молитву, когда говорит: «Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия» (Мф 26, 39), или как воспевается в псалме от лица Его: «Боже мой! Боже мой! [внемли мне] для чего ты оставил меня?» (Пс 21, 2) и т.п. Моление Его выражается в словах: «Я прославил Тебя на земле, совершил дело, которое Ты поручил Мне исполнить» (Ин 17:4), или: «и за них Я посвящаю Себя, чтобы и они были освящены истиною» (Ин 17:19). Прошение Его выражается в следующих словах: «Отче! которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною, да видят славу Мою, которую Ты дал Мне» (Ин 17:24), или: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают» (Лк 23, 34). Благодарение выражается в следующих словах: «славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл младенцам. Ей, Отче! Ибо таково было Твое благоволение» (Лк 10, 21), или в словах: «Отче! благодарю Тебя, что Ты услышал Меня. Я и знал, что Ты всегда услышишь Меня» (Ин 11:41-42). Хотя эти примеры показывают, что все четыре рода молитв можно воссылать порознь и в различное время; впрочем в совершенной молитве они могут и соединяться, – чему также учит пример Господа нашего, представленный в той пространной молитве, которую читаем в конце Евангелия Иоанна (Ин 17). Текст ее, по своей обширности, не может быть приведен здесь, но в справедливости сказанного может увериться всякий читатель после внимательного рассмотрения ее содержания. Ту же

мысль очевидно выразил и апостол в послании к филиппийцам, где он несколько меняет порядок четырех видов молитвы и показывает, что иногда, объятые молитвенным пламенем, мы должны приносить их вместе. «Но всегда, – говорит он, – в молитве и прошении с благодарением открывайте свои желания пред Богом» (Флп 4, 6), тем самым он в особенности хотел внушить нам, что к молитве и молению надо присоединять и благодарение с прошением.

Глава 18. О молитве Господней

За четырьмя видами молитв следует состояние возвышеннейшее и совершеннейшее, которое заключается в созерцании единого Бога и в пламенной любви к Нему, и где ум наш, объятый и проникнутый этой любовью, беседует с Богом ближайшим образом и с особенной искренностью, как с Отцом своим. То, что мы должны стараться достигать такого состояния, внушают нам слова молитвы Господней (Мф 6, 9–13). Мы говорим: «Отче наш!» Если таким образом Бога, Господа вселенной собственными устами исповедуем Отцом своим, то вместе с тем исповедуем и то, что мы из состояния рабства совершенно приведены в состояние усыновленных чад Божиих. Далее мы присоединяем: «сущий на небесах», чем изъявляем свою готовность со всем ужасом отвращаться настоящей земной жизни, как страннической и весьма далеко уклоняющей нас от Отца нашего, а напротив, с величайшим желанием стремиться к той области, в которой предполагаем обитель Отца нашего, и не позволять себе ничего такого, что делало бы нас недостойными высокого усыновления, лишало нас, как незаконных детей, отеческого наследия и подвергало всей строгости праведного суда Божия. Достигнув столь высокой степени сынов Божиих, мы тотчас восплаем свойственной добрым детям любовью, которая заставит нас во всем искать не своей пользы, но славы Отца нашего. Почему мы говорим Ему: «да святится имя

Твое», чем свидетельствуем, что наше чаяние, наша радость есть слава нашего Отца, следуя тому, кто сказал: «говорящий сам от себя ищет славы себе; а Кто ищет славы Пославшему Его, Тот истинен, и нет неправды в Нем» (Ин 7, 18).

Сосуд избранный, будучи исполнен такими чувствами, желает быть отлученным от Христа (Рим 9, 3), чтобы только приобрести Ему многочисленное семейство и присовокупить к славе Отца своего спасение всего Израиля, Ибо тот безопасно желает погибнуть за Христа, кто знает, что никто не может умереть, умирая за жизнь. И в другом месте тот же апостол говорит: «мы радуемся, когда мы немощны, а вы сильны» (2Кор 13, 9) Да и нужно ли удивляться, что сосуд избранный желает быть отлучен от Христа для славы Его, для обращения своих братьев и для сохранения преимуществ своего народа, когда и пророк Михей желает быть лживым и чуждым вдохновения Св. Духа, чтобы только народ иудейский мог избежать тех казней и бедствий плена, которые он предсказывал ему в своем пророчестве? О, когда бы, говорит он, я не был мужем, имеющим Духа, и лучше говорил бы ложь (Мих 2, 11 с подл.). Мы не упоминаем уже о той готовности законодателя Моисея погибнуть вместе с заслужившими погибель своими братьями, которую он выражает в следующих словах: «о, народ сей сделал великий грех: сделал себе золотого бога; прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал» (Исх 32, 31, 32). Впрочем, слова: да святится имя Твое – справедливо могут давать и ту мысль, что священие Бога есть наше совершенство. Поэтому говоря Ему: «да святится имя Твое», мы говорим как бы следующее. Отче! сделай нас такими, чтобы мы могли понимать величие Твоей святости или удостоиться приятия ее, или, лучше, да открывается святость Твоя в духовной жизни нашей А это только тогда исполняется в нас действительно, когда люди «видят добрые дела наши и

прославляют Отца нашего Небесного» (Мф 5, 16).

Глава 19. О словах: «да придет царствие Твое»

Вторым прошением ум, достигший высшей степени чистоты, умоляет: «да придет Царствие Твое», понимая под этим то всегдашнее царствование Христа во святых, которое наступает тогда, когда, по истреблении смрадных пороков в сердцах наших, власть дьявола прекращается, и Бог, по причине благоухания добродетелей, начинает в нас владычествовать, – когда вместо побежденной плотской похоти воцаряется в уме нашем чистота, вместо подавленного гнева – спокойствие, вместо попорченной гордости – смирение, или то царство, которое в predeterminedенное время обещано всем вообще достигшим совершенства и сделавшимся сынами Божиими, когда Христос скажет им: «приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира» (Мф 25, 34). К этому-то царствию бывают устремлены и как бы пригвождены взоры, желания и ожидания чистой души, когда она взывает к Богу: «да придет Царствие Твое!» Ибо она твердо уверена свидетельством своей совести, что тотчас наследует это царство, когда оно откроется. Напротив, никто из беззаконников не осмелится желать этого; ибо тот конечно не захочет и видеть престола Судии, кто знает, что в день пришествия Его получит он за дела свои не венец и награду, а наказание.

Глава 20. О словах: «да будет воля Твоя»

Третье прошение есть сыновнее: «да будет воля Твоя и на земле, как на небе». Не может быть молитвы выше той, которой мы желаем, чтобы земное удостоилось сравниться с небесным. Ибо что значат слова: «да будет воля Твоя и на земле, как на небе», как не то, что да будут люди подобны – ангелам, и как ангелы исполняют волю Божию на небе, так и все, живущие на земле, да творят не свою, а Его волю. И этого

прошения никто не может произнести с полным чувством, кроме того, кто верует, что Бог все, что кажется нам несчастьем или счастьем, устраивает к нашей пользе, и что Он больше промышляет и печется о нашем спасении и благе, нежели мы сами о себе. Впрочем, можно понимать это и иначе. Воля Божия состоит в спасении всех людей, по словам св. Павла: «чтобы все люди спаслись и достигли познания истины» (1Тим 2, 4). Итак, взывая к Богу: «да будет воля Твоя и на земле, как на небе», мы иными только словами умоляем Его так: Отче! через познание Тебя да спасутся все живущие на земле, подобно тем, которые пребывают уже на небе.

Глава 21. «Хлеб наш насущный дай нам на сей день»

Далее: «хлеб наш επιουσιον т. е. насущный», или, по другому евангелисту, ежедневный «дай нам на сей день». Первым словом означает существование его достоинство, по которому он превышает все сущности и превосходит все твари высокой своей святостью, а вторым выражается естественное употребление его и польза. Ибо когда говорится: ежедневный, то этим показывается, что без него мы не можем ни одного дня продолжать духовной жизни; а когда говорится: «на сей день», то этим показывается, что надо принимать его ежедневно, и что вчерашнее вкушение его недостаточно, если он подобным образом не будет и ныне преподан нам. Поскольку же нет дня, в который бы не нужно было укреплять сердце внутреннего нашего человека принятием и вкушением этого хлеба, то таковая ежедневная потребность должного заставляет нас во всякое время проливать о нем молитву. Впрочем слова: «на сей день» – можно принимать и в отношении к настоящей жизни, т.е. подавай нам хлеб сей, пока мы находимся в здешнем веке; ибо знаем, что и в будущей жизни он будет подаваться Тобою тем, которые заслужили его, но мы просим даровать нам его еще на сей день; ибо кто не удостоится принять его в настоящей жизни,

тот не сможет причаститься и в будущей.

Глава 22. «Прости нам долги наши»

«И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим». Невыразимо Божие милосердие! Оно не только дало нам образ молитвы, не только изложило нам правила нравственности, через исполнение которых мы можем угодить Богу, и не только исторгает сами корни гнева и уныния силою предписанного образа непрестанной молитвы; но даже подает молящимся средство к снисканию себе милости и любви в день откровения суда Божия и некоторым образом сообщает нам власть смягчить определение Судии нашего и как бы обязать Его к прощению наших согрешений примером собственного нашего прощения: «прости нам», говорим Ему, «как и мы прощаем». Итак, в надежде на эту молитву смело может просить отпущения грехов всякий, кто только отпустил своим должникам, но не должникам своего Господа. Ибо некоторые из нас (что всего хуже) бывают обычно милостивы и весьма снисходительны к тем поступкам, которые оскорбляют Бога, хотя бы они были великими преступлениями, и, напротив, являются жестокими и неумолимыми мстителями за собственные малейшие оскорбления. Поэтому кто от всего сердца не отпустит согрешающему против него брату, тот этой молитвою будет испрашивать себе не помилование, а осуждение, и сам собственным признанием призывает судить себя, говоря: прости мне, как и я простил. Ибо если эта молитва его будет услышана, то в соответствии с примером его что иное должно последовать, как не гнев неумолимый и непременно определение наказания. Итак, если мы хотим быть судимы милостиво, то и сами должны быть милостивы к тем, которые против нас согрешили; ибо столько отпустится нам, сколько мы отпустим тем, которые причинили нам какой-либо вред своей злостью. Некоторые, страшась показать, что произнесением этих слов молитвы они больше обвиняют себя,

нежели извиняют, молча пропускают их, когда весь народ поет эти слова в церкви. Но напрасно стараются употреблять эти хитрости перед Судией всех, Который захотел наперед показать своим подсудимым, как Он будет судить их, т.е. Он показал нам такой образ суда, по которому не хочет явиться строгим и неумолимым, но как мы хотим быть судимы Им, так должны судить и братьев наших, если они в чем-либо согрешат против нас: «ибо суд без милости не оказавшему милости» (Иак 2, 13).

Глава 23. О словах: «не введи нас в искушение»

Далее следует: «и не введи нас в искушение». При этом рождается немаловажный вопрос. Если молимся о том, чтобы не подвергаться искушению, то как можем доказать твердость своей добродетели, которой требует Св. Писание? «Кто не имел опытов, – говорит оно, – тот мало знает» (Сир 34, 10). И еще: «блажен человек, который переносит искушение» (Иак 1, 12). Итак, слова молитвы: «не введи нас в искушение», не то значат, что не позволь нам когда-либо искуситься, но не допусти нам быть побежденными в искушении. Искушаем был Иов, но не введен в искушение, ибо «во всем этом не согрешил» (Иов 1, 22) и не осквернил уст богохульством, к чему хотел привлечь его искушитель. Искушаем был Авраам, искушаем был Иосиф, но ни тот, ни другой не введен был в искушение, ибо ни один не исполнил воли искушителя. Наконец следует: «но избавь нас от лукавого», т.е. не позволь искуситься от дьявола сверх нашей силы. «Но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести» (1Кор 10, 13).

Глава 24. Не следует просить чего-либо другого, кроме того, что содержится в молитве Господней

Итак, видите, какой образ молитвы предложен нам от самого Судии, Которого мы должны умолять ею. Здесь нет прошения

и даже воспоминания ни о богатстве, ни о почестях, ни о власти и силе, ни о телесном здоровье или временной жизни. Творец вечности не хочет, чтобы мы просили у Него чего-нибудь суетного, маловажного. Итак, тот нанесет величайшее оскорбление Его величеству и благодати, кто, презрев эти вечно благие прошения, захочет умолять Его о чем-либо скоропреходящем и тленном; такой человек маловажностью прошений скорее навлечет на себя негодование Судии своего, нежели привлечет Его благоволение.

Глава 25. О качестве высшей молитвы

Хотя предложенная молитва, будучи изречена или постановлена самим Господом, по-видимому, заключает в себе всю полноту совершенства; впрочем, присных своих она направляет к тому, прежде сказанному нами, возвышеннейшему состоянию, к той пламенной и весьма немногими познанной и испытанной или, точнее сказать, неизреченной молитве, которая, превосходя всякое человеческое понятие, не может быть выражена ни звуками голоса, ни движениями уст и никаким сочетанием слов, но которую ум, озаренный блистанием небесного света, произносит не человеческой слабой речью, а от избытка чувств произвольно изливает из себя, как бы из некоего обильнейшего источника, и неизъяснимо воссылает к Господу. В это краткое время ум наш бывает исполнен таких ощущений, что и обратиться в самого себя, не может ни изречь, ни обозреть их. Такое состояние также показал нам Господь в тех молитвах, которые Он, как пишется в Евангелии, возносил уединенно на горе (Лк 5, 16) или в молчании, когда, находясь в подвиге молитвы, проливал даже капли крови (Лк 22, 44). Пример неподражаемый!

Глава 26. Горячность духа молитвы разными способами возбуждается

Кто же, обладая какою-нибудь опытностью, достаточно может объяснить различия, причины и происхождение сокрушений, от которых дух, воспламенившись и разгораясь, возбуждается к чистой и пламенной молитве? Немногие из этих причин, насколько можем теперь при просвещении Господа вспомнить, предложим для примера. Иногда стих какого-либо псалма подавал повод к пламенной молитве, иногда сладкозвучное пение брата возбуждало души бесчувственных к усердной молитве. Знаем, что внятность и важность поющего псалмы доставляла много горячности предстоящим, также увещание совершенного мужа, духовное собеседование возбуждает в нерадивых расположение к обильнейшим молитвам. Знаем также, что мы не меньше были приводимы к полному сокрушению погибелью брата или приятеля какого-нибудь. Также воспоминание о нашей холодности и нерадивости иногда возбуждало в душе спасительную горячность. Таким образом, находим бесчисленные случаи, при которых благодать Божия может пробуждать души наши от равнодушия и сонливости ⁴⁰.

Глава 27. О разных проявлениях сокрушения в молитве

А каким образом или какими способами это сокрушение проявляется из сокровенности души, исследовать это составляет не меньшую трудность. Ибо часто плод спасительного сокрушения обнаруживается неизреченной радостью и бодростью духа, так что от чрезмерности неудержимой радости переходит в какой-то вопль, который доходит до кельи соседа при услаждении сердца и великом восхищении. А иногда дух погружается в такое молчание в глубокой тишине уединения, что исступление от внезапного озарения прекращает всякий звук голоса, и все чувства изумленный дух удерживает внутри или воздыхает и желания свои изливает к Богу неизъяснимыми стонами. А иногда он исполняется столь великим искушением и скорбью, что нельзя

привести его в надлежащее состояние иначе, как изливанием слез.

Глава 28. Вопрос о том, что изливание слез не состоит в нашей власти

Герман. Это свойство сокрушения отчасти знает и мое убожество. Ибо часто, когда появлялись слезы от воспоминания моих грехов, я, по посещению Божию, ободрялся такой, как ты сказал, неизреченной радостью, что неизмеримость этого веселья внушала, что мне нельзя отчаиваться в прощении их. Думаю, что нет ничего выше этого состояния, если бы приобретение его зависело от нашей воли. Иногда, желая всеми силами возбудить в себе подобное сокрушение со слезами и все свои заблуждения и грехи представляя перед взором, не могу вызвать обильный плач, и глаза мои до того делаются твердыми, наподобие жесткого камня, что ни одной капли влаги не капнет из них. И потому сколько я радуюсь изливанию слез, столько же скорблю о том, что не могу вызвать их, когда бы хотелось.

Глава 29. Ответ о различии духовных слез

Исаак. Не всякое изливание слез происходит от одного расположения, или одной силою. Иначе плач бывает от уязвления нашего сердца сознанием грехов, о чем говорится: «утомлен я воздыханиями моими: каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими омочаю постель мою» (Пс 6, 7). Еще: «лей ручьем слезы день и ночь, не давай себе покоя, не спускай зениц очей твоих» (Плач 2, 18). Иначе происходит от созерцания вечных благ и от желания будущей славы, ради которой истекают обильные слезы, от неудержимой радости и безмерной живости, когда душа наша жаждет к Богу – источнику живому, говоря: «когда приду и явлюсь пред лице Божие! Слезы мои были для меня хлебом день и ночь» (Пс 41, 3, 4). Иначе текут слезы, хоть без

представления своих грехов, но от страха геенны и от воспоминания о страшном суде, пораженный таким страхом пророк молится Богу, говоря: «не входи в суд с рабом Твоим, потому что не оправдается пред Тобой ни один из живущих» (Пс 142, 2). Есть также и другой род слез, который происходит не от сознания своих грехов, а от сожаления об ожесточении и грехах других, как плакал Самуил о Сауле, пророк Иеремия и Господь Иисус Христос об Иерусалиме (1Цар 15, 35; Лк 19, 41). Пророк Иеремия говорит: «кто даст голове моей воду и глазам моим – источник слез! я плакал бы день и ночь о пораженной дщери народа моего» (Иер 9, 1) Таковы же и те слезы, о которых говорит: «я ем пепел, как хлеб, и питье мое растворяю слезами» (Пс 101, 10). Ясно, что эти слезы происходят не от того расположения духа, от которого текут у Псалмопевца, когда он от лица кающегося говорит: «я утомлен воздыханиями моими: каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими омочаю постель мою» (Пс 6:7); но от скорбной этой жизни, от притеснений и горестей, какими праведники угнетаются в этом мире. Это ясно доказывает не только содержание псалма, но и написание, которое от лица нищего (о втором в Евангелии говорится: блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное (Мф 5:3))), – так гласит: молитва нищего, когда он унывает и изливает пред Господом печаль свою (Пс 6:1). Итак, намного отличаются от этих слез те, которые при ожесточении сердца выжимаются из сухих глаз и которые не считаем совсем бесплодными, ибо они происходят от доброго намерения, особенно у тех, у кого не смогли еще достигнуть совершенного знания или вполне очиститься от скверны прежних или настоящих пороков.

Глава 30. Не нужно стараться извлекать слезы, когда они не текут сами собою

Но те, которые уже утвердились в расположении к добродетелям, не должны таким (насильственным) образом

исторгать течение слез, и не нужно усердно домогаться плача по внешнему человеку; да если бы он как-нибудь и был произведен, то никогда не сможет достигнуть плодотворности самопроизвольных слез. Ибо своими усилиями больше развлекая душу молящуюся, он будет понижать, погружать вниз, низведет с небесной высоты, на которой изумительный дух молящегося неуклонно должен быть утвержден, и по ослаблении внимания к молитве заставит его скорбеть о бесплодных и вынужденных каплях слез.

Глава 31. Мнение аввы Антония о стоянии на молитве

А чтобы вам получить расположение к истинной молитве, я выскажу вам мнение не свое, а блаженного Антония. Мы знаем, что он иногда стоял на молитве до того, что когда во время молитвы взошедшее солнце начинало его жечь, мы слышали, что он в горячности духа взывал: солнце! что ты препятствуешь мне, как будто для того и восходишь, чтобы отвлечь меня от блеска этого истинного света? Ему также принадлежит и это небесное, более чем человеческое мнение о цели молитвы: несовершенна та молитва, говорил он, в которой монах сознает себя или то, что молится. К этому духовному мнению осмеливаемся и мы нечто прибавить по мере нашего убожества, – покажем признаки, насколько мы испытали, услышана ли Господом молитва.

Глава 32. О знаке услышания молитвы

Когда во время молитвы не смущает нас никакое сомнение, и ничто надежды нашего прошения не низлагает каким-нибудь отчаянием; если в самом излиянии молитвы чувствуем, что мы получили то, чего просим, то не сомневаемся, что молитвы наши действительно проникли к Богу. Ибо настолько молящий удостоивается быть услышанным и получить, насколько будет верить, что Бог на него взирает или Бог может исполнить просимое. Ибо непреложно изречение

нашего Господа: «все, чего ни будете просить в молитве, верьте, что получите, – и будет вам» (Мк 11, 24).

Глава 33. Возражение: надежда на услышание, кажется, причислует только святым

Герман. Мы верим, что эта надежда на услышание происходит от чистоты совести. Но мы, у которых сердце еще уязвляется жалом грехов, как может иметь надежду, когда у нас нет никаких заслуг, положившись бы на которые, мы были бы уверены, что молитвы наши услышаны?

Глава 34. Ответ о разных причинах услышания молитвы

Исаак. Евангельские или пророческие слова свидетельствуют, что разные бывают причины услышания⁴¹. Так, по словам Господа, причина услышания заключается в согласии двоих: «если двое из вас, – говорит Он, – согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного» (Мф 18, 19). Другая причина услышания заключается в полноте веры, которая сравнивается с зерном горчицы: «если вы, – говорит Спаситель, – будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас» (Мф 17, 20). Еще причина в частом повторении молитв, которое, по причине неослабевающего пребывания в прошении, Спаситель назвал неотступностью: «если, говорю вам, он (друг) не встанет и не даст ему по дружбе с ним, то по неотступности его, встав, даст ему, сколько просит» (Лк 11, 8). Причина заключается и в плоде милостыни, как говорит Премудрый: запри милостыню в сердце нищего, и она будет молиться за тебя во время несчастья (Сир 29, 15). Заключается также в исправлении жизни и делах милосердия, как говорится у пророка: «сними оковы неправосудия, разреши узы ярма», показав, чем исправляется бесплодность поста, Господь говорит: «тогда ты

воззовешь, и Господь услышит тебя; возопиешь, и Он скажет: вот Я!» (Ис 58:6, 9). Иногда и чрезмерные несчастья способствуют услышанию, как говорит Псалмопевец: «к Господу воззвал я в скорби моей, и Он услышал меня» (Пс 119, 1). И еще: «пришельца не притесняй; ...когда они возопиют ко Мне, Я услышу; ибо Я милосерд» (Исх 22:21, 27).

Итак, видите, сколькими способами приобретается благодать услышания, так что никто для испрошения спасительных и вечных благ не должен предаваться отчаянию от сознания своей греховности. Ибо глядя на свое убожество, положим, что мы вовсе не имеем всех вышеупомянутых добродетелей, не имеем ни похвального согласия двоих, ни веры, сравниваемой с горчичным зерном, ни дел благочестия, описанных пророком; но неужели не можем иметь и неотступности, которая всякому желающему удобна? Ради нее одной Господь обещал дать все, что будет просимо. Потому без колебаний неверия надо быть настойчивым в молитвах и не сомневаться, что постоянством их получим все, что будем просить у Бога. Ибо Господь, желая доставить вечные и небесные блага, увещевает, чтобы мы неотступностью некоторым образом вынуждали Его, и Он нас, докучающих, не только не презирает, не отвергает, но еще побуждает, хвалит и благосклонно обещает доставить нам все, чего настойчиво будем ожидать, говоря: «просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам. Ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят» (Лк 11, 9, 10). И еще: «все, чего вы попросите в молитве с верою, полу́чите» (Мф 21, 22). И потому, если бы у нас и не было ни одной из вышесказанных причин услышания молитвы, по крайней мере, должно воодушевлять нас постоянство неотступности, которая находится во власти каждого желающего, без всякого затруднения со стороны

заслуг или труда.

Но всякий молящийся должен знать, что он точно не будет услышан, если будет сомневаться в услышании. А что надо молиться Господу неустомимо, этому научаемся из примера блаженного Даниила, который был услышан в первый день, в который начал молиться, а получил исполнение своего прошения уже после двадцать первого дня (Дан 10, 12-14). Потому мы не должны прекращать начатое совершение наших молитв, хотя они и не скоро бывают услышаны ⁴², чтобы по распоряжению Божию как-нибудь не продлился путь для услышания нас, или чтобы ангел, переносящий к нам благодеяние Божие ⁴³, выйдя от лица Всемогущего, по сопротивлению дьявола не замедлился ⁴⁴, а он, верно, не сможет принести пересылаемого дара, если найдет, что мы прекратили молитву. Это, без сомнения, могло бы приключиться и с вышесказанным пророком, если бы он с особенной силою не продолжил своих молитв до двадцать первого дня. Итак, от твердости этой веры мы не должны уклоняться и впадать в отчаяние, когда не видим исполнения нашей молитвы, не должны сомневаться касательно обещания Господа, Который говорит: «все, чего ни попросите в молитве с верою, получите» (Мф 21, 22).

Здесь кстати изложить учение блаженного Иоанна, евангелиста, в котором ясно разрешается сомнение этого вопроса: «вот какое дерзновение мы имеем к Нему, – говорит он, – что, когда просим чего по воле Его, Он слушает нас» (1Ин 5, 14). Следовательно, он повелел иметь полную и несомненную надежду на услышание только касательно того, что согласно не с нашими выгодами, временными утешениями, а с волею Божией. Это и в молитве Господней велено нам говорить: «да будет воля Твоя» (Мф 6, 10), а не наша. Если вспомним и слова апостола: «мы не знаем, о чем молиться, как должно» (Рим 8, 26), то поймем, что мы иногда просим

противного нашему спасению, и потому Бог, правильное, истиннее нас знающий нашу пользу, справедливо отказывает нам в том, чего просим. Без сомнения, это же случилось и с учителем язычников, когда он просил, чтобы от него удален был ангел сатаны, который, по воле Божией, с пользою был приставлен к нему для смирения: «трижды молил я Господа о том, чтобы удалил его (искусителя) от меня. Но Господь сказал мне: довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи» (2Кор 12, 8–9). В этом же смысле Господь, молясь от лица воспринятого человечества, чтобы Своим примером преподать нам образец молитвы, как и прочего поведения, так выразился в молитве: «Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты» (Мф 26, 39), тогда как воля Его не разнилась с волею Отца. Ибо Он пришел спасти погибшее и дать душу Свою в искупление за многих, о чем Сам говорит: «никто не отнимет ее у Меня, но Я сам отдаю ее. Имею власть отдать ее и власть имею опять принять ее» (Ин 10, 18). От лица Его касательно единства воли Его с волею Бога Отца блаженный Давид говорит: «Я желаю исполнить волю Твою, Боже мой» (Пс 39, 9). О Боге Отце мы так читаем: «так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного» (Ин 3, 16). А о Сыне Божиим говорится, что Он предал Себя «за грехи наши» (Рим 4:25). Как об Отце говорится: «Тот, Который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас» (Рим 8, 32), так и о Сыне говорится, что Он принесен был, потому что Сам захотел (Ис 53). Таким образом, воля Отца и Сына одна во всем бывает, так что в самой тайне воскресения Господа действие было обоюдно согласное. Ибо как воскресение тела Его блаженным апостолом приписывается Богу Отцу (Гал 1, 1), так и о Сыне свидетельствуется, что Он воздвигнул храм тела Своего (Ин 2, 19). Итак, из сказанных примеров Господа научившись, мы должны также все прошения свои заключать подобными словами: «впрочем, не как Я хочу, но как Ты» (Мф 26, 39).

Известно, что кто молится не с внимательным расположением, тот не может соблюдать и троекратную молитву, совершаемую обычно в собраниях братьев при окончании богослужения ⁴⁵.

Глава 35. О совершении молитвы внутри кельи, по затворении дверей

Прежде всего нам необходимо прилежно исполнять евангельскую заповедь, чтобы, войдя в свою келью и затворив двери, мы молились Отцу нашему. Это мы исполняем таким образом: внутри своей кельи молимся, когда, сердце свое отвлекая совершенно от смятения всех помыслов или забот, мы приносим свои молитвы Господу некоторым тайным образом и с дерзновением. При запертых дверях молимся, когда с закрытыми устами, молча молимся испытующему не слова, а сердца. В сокровенном месте молимся, когда только сердцем и внимательным умом приносим свои прошения одному Богу, так что и самые противные власти не могут узнать род нашего прошения. Для этого нужно молиться с совершенным безмолвием, чтобы нам своим шепотом или возгласами не только не развлекать стоящих впереди братьев и не возмутить чувства молящихся, но чтобы и от самих врагов наших, строящих наветы нам, особенно во время молитвы, укрылось усердие нашего прошения. Таким образом мы исполним и эту заповедь: «от лежащей на лоне твоём стереги двери уст твоих» (Мих 7, 5).

Глава 36. О пользе краткой и безмолвной молитвы

Для этого часто, но кратко нужно молиться ⁴⁶, чтобы при продолжительной молитве враг-наветник не мог всевать что-нибудь в наше сердце. Это есть истинная жертва, потому что «жертва Богу – дух сокрушенный» (Пс 50, 19). Это – спасительное приношение, чистое возлияние, жертва правды,

жертва хвалы (Пс 49, 14), истинная и тучная жертва, это – мозговое всесожжение (Пс 65, 15), которое приносится сокрушенным и смиренным сердцем; и принося их по тому правилу и с тем усердием духа, о которых сказано, мы можем деятельной добродетелью воспевать: «да направится молитва моя, как фимиам, пред лицо Твое, воздеяние рук моих – как жертва вечерняя» (Пс 140, 2). Ночное время особенно располагает нас совершать это с благопристойным благоговением. Хотя по мере нашего убожества мы, кажется, много говорили, и долго продлилась беседа, однако по возвышенности и трудности предмета рассуждение это считаем очень кратким. Этими святыми речами больше изумленные, нежели удовольствованные, после окончания вечерней службы мы немного подкрепили себя сном, а при первом признаке рассвета опять намерены были обратиться с просьбою о дальнейшем рассуждении.

* * *

37

Во времена Кассиана известны были два Исаака: один фиваидский, о котором упоминается в «Луге духовном», а другой был скитский. Здесь понимается последний, потому что Кассиан первые 10 собеседований слышал от отцов в монастырях Скитской пустыни.

38

Золотые монеты.

39

Тут символ благодати или благодатных утешений.

40

Блаженный Августин о происхождении сокрушения говорит: размышление рождает знание, знание – сокрушение,

сокрушение – набожность, набожность совершает молитву. Сокрушение бывает, когда от рассматривания своих зол сердце уязвляется скорбью. Набожность есть благочестивое и смиренное расположение к Богу, – смиренное от сознания своей немощи, благочестивое от рассматривания милосердия Божия. Один подвижник говорит, что дух человека четырьмя способами сокрушается памятью о грехах, размышлением о будущем мучении, рассматриванием странничества в этой жизни, желанием небесного отечества и райских наслаждений.

41

Здесь перечисляются шесть условий услышания молитвы, братская любовь, вера, неотступность, милостыня, покаяние, воздыхания в скорбях, а главное, чтоб молитва была по воле Божией, а это бывает, когда молятся только о необходимом или полезном для спасения. Иные ставят четыре условия во-первых, надо быть достойным услышания, а грешников Бог не послушает, во-вторых, следует просить только необходимое или полезное для спасения, в-третьих, молитва должна быть благочестивая, т.е. соединенная с верою, надеждою, любовью, смирением, набожностью, и наконец, должна быть постоянная, неотступная.

42

Бог иногда медлит исполнить наше прошение не потому, что не хочет его исполнить, а для того, чтобы заставить нас дольше молиться и сильнее желать испрашиваемого блага; ибо что легко и скоро получается, то не так сильно ценится и скоро теряется; а приобретенное с большим трудом и долгим временем больше ценится, лучше сберегается и прочнее бывает.

43

Здесь предполагается, что ангелы-хранители ваши слышат ваши молитвы, приносят их к Богу и испрошенные от Бога блага переносят к нам.

44

Говорится: ангел выходит от лица Божия. Это не значит, что он удаляется от Его знания, силы или присутствия, по которому Бог везде находится, или оставляет созерцание Бога; но значит, – принеся нашу молитву, совершив ходатайство о нас перед Богом, он испрошенное благо или весть какую от Бога приносит нам (Евр 1, 14). А иногда ангел, приносящий нам просимое благо, замедляется противодействием дьявола. Откуда же у дьявола такая сила – противодействовать доброму ангелу? От грехов людей. Где происходит борьба между ангелами и демонами? На поле правды, в споре суда. Как же происходит эта борьба между ангелом и дьяволом? Дьявол старается обвинить человека, а ангел защищает. Насколько велико и истинно обвинение дьявола, настолько медленно и слабо защищает нас ангел; от этого спора ангел и замедляется в принесении от Бога приносимого блага.

45

Этим, кажется, указывается на обычай монахов – по окончании богослужения, перед выходом из церкви класть три земных поклона с молитвою в подражание Иисусу Христу, Который в саду на Елеонской горе три раза преклонял колена в молитве к Богу Отцу.

46

Часто совершаемые молитвы лучше поддерживают, дольше сохраняют молитвенное настроение духа и приближаются к непрестанной молитве, а краткие молитвы, как искры, воспаляют наше сердце и, как стрелы, с большей силою

взлетают на небеса Напротив, от слишком продолжительных молитв внимание ослабевает, и от утомления происходит какое-то расслабление, лень.

Десятое собеседование аввы Исаака Скитского (второе). О молитве

Глава 1

Между высокими постановлениями отшельников, изложенными при помощи Божией, хотя и не искусным пером, порядок повествования заставляет кое-что вставить, присовокупить, хотя это и кажется родимым пятном, положенным на красивое тело. Впрочем, я не сомневаюсь, что этим будет доставлено всем простецам немалое вразумление касательно образа Всемогущего Бога, о котором читается в книге Бытия, особенно когда это касается такого важного догмата, так что незнание его без большого богохульства и ущерба для католической веры не может оставаться.

Глава 2. Об обычае праздновать Пасху в Египте

В египетской стране, по древнему преданию, соблюдается такой обычай, что после дня Богоявления (под которым священники той области понимают Крещение Господне и Рождество по плоти, и потому торжество того и другого таинства празднуют не в два дня, как в западных областях, а в один день), александрийский первосвященник рассылал послания по всем церквам Египта, в которых назначал начало Четыредесятницы и день Пасхи не только по всем городам, но и по всем монастырям. Итак, по этому обычаю, немного дней спустя после предыдущей беседы с аввою Исааком, пришли «праздничные послания епископа вышесказанного города, Феофила, в которых с назначением дня Пасхи он поместил длинное рассуждение против нелепой ереси

антропоморфистов и опроверг ее обильной речью. Это почти всеми монахами, обитавшими по всему Египту, по ошибке от простоты было принято с таким огорчением, что большая часть старцев всего братства определила отвращаться упомянутого епископа, как зараженного весьма важной ересью, а именно, казалось противным Св. Писанию – отвергать, что Всемогущий Бог имеет образ подобный человеческому, поскольку ясно свидетельствуется, что Адам сотворен по образу Его! Наконец и теми, которые обитали в скитской пустыне и которые совершенством и познаниями превосходили всех, живших в египетских монастырях, это послание было отвергнуто, так что кроме аввы Пафнутия, пресвитера нашего общества, никто из прочих пресвитеров, бывших в той же пустыне настоятелями над другими тремя церквами, вовсе не позволял ни читать, ни объявлять на своих собраниях.

Глава 3. Серапион впал в ересь антропоморфистов

Итак, среди державшихся этого заблуждения был старец древней строгости в воздержании и в деятельной жизни, во всем совершенный, по имени Серапион. Он по неучености, вопреки всем, содержащим истинную веру, столько погрешал во мнении о вышесказанном догмате, сколько заслугами жизни и летами превосходил почти всех монахов. Он после многих увещеваний святого пресвитера Пафнутия не смог стать на стезю правой веры, оттого что это мнение казалось ему новизною, которой предки не открывали и не передали. В то время случилось, что один диакон, именем Фотий, муж высокой учености, желая увидеть братьев, обитавших в той пустыне, пришел из Каппадокии. Блаженный Пафнутий, с большой ласкою приняв его, для утверждения веры, изложенной в письмах вышесказанного епископа, поставив на средину, при всех братьях стал спрашивать: кафолические церкви всего Востока как толкуют то, что говорится в книге

Бытия: «сотворим человека по образу... и по подобию Нашему» (Быт 1, 26)? Когда он объяснил, что все начальники церковей понимают образ Божий и подобие не в простом буквальном, а духовном смысле, обильной речью и многими свидетельствами Св. Писания доказывал, что к неизмеримому, необъятному и невидимому величию неприменимо что-либо такое, что может быть изображено в человеческом составе и подобию, потому что Бог имеет бестелесную, несложную, простую природу, которую нельзя как глазами видеть, так и умом объять; то старец, тронувшись многими и сильными доказательствами ученого мужа, склонился к вере, католическому преданию. Когда беспредельная радость наполнила авву Пафнутия и нас всех по случаю этого согласия его, а именно, что такому древнему мужу, совершенному в стольких добродетелях, погрешавшему по одной неучености и сельской простоте, Бог не позволил до конца уклоняться от стези правой веры, и когда мы, встав для возблагодарения, вместе изливали молитвы Господу, то старец в молитве смутился духом оттого, что почувствовал, как из сердца его исчез тот образ божества антропоморфистов, который он привык представлять себе в молитве, так что вдруг горько заплакал, часто всхлипывая и повергшись на землю, с сильным воплем восклицал: «о, несчастный я! отняли у меня Бога моего; кого теперь держаться, не имею, или кому кланяться и молиться, уже не знаю». После этого мы возвратились к авве Исааку и, увидав его, приступили к нему с такою речью.

Глава 4. О возвращении к авве Исааку и выведении из заблуждения вышесказанного старца

Хотя новость недавно случившегося дела и желание начатой беседы о состоянии молитвы заставили нас, оставив все прочее, прийти к твоему блаженству, но к этому желанию присоединилось и тяжкое заблуждение аввы Серапиона, в которое он впал, как мы думаем, по хитрости нечистых

демонов. Ибо мы колеблемся немалым отчаянием, видя, что он по неведению не только совершенно погубил столько трудов, которые похвально совершал пятьдесят лет в этой пустыне, но и подвергся опасности вечной смерти. Итак, во-первых, мы желаем знать, откуда или для чего приключилось с ним такое тяжкое заблуждение; потому просим научить, как мы можем достигнуть того качества молитвы, о котором ты прежде рассуждал не только обильно, но и возвышенно? Ибо до того подействовала на нас удивительная эта беседа, что привела дух наш только в изумление, а не показала, как мы могли бы совершать ее или научиться ей.

Глава 5. Ответ о происхождении вышеупомянутой ереси

Исаак. Не нужно удивляться тому, что человек простейший, никогда не учившийся пониманию сущности и природы Божества, по невежеству мог до сих пор удержаться в привычке древнего заблуждения или обольщаться, а, вернее сказать, закоснеть в прежнем заблуждении, которое разносится не новым обольщением демонов, как выдумаете, а познанием древнего язычества. По привычке к тому заблуждению, по которому почитали демонов, представляемых в образе людей, и ныне также думают, что необъятное и неизреченное величие истинного Божества надо почитать под каким-нибудь начертанным образом, который, стоя на молитве, постоянно умоляли и всегда держали перед глазами. Против этого заблуждения прямо направлено следующее изречение: «славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку» (Рим 1, 23). Также пророк Иеремия говорит: «народ Мой променял славу свою (Бога) на идола!» (Иер 2, 11). Это заблуждение хотя по сказанному происхождению и срослось с чувствами некоторых, однако под предлогом следующего свидетельства: сотворим человека по образу Нашему и подобию, по

неискушенности или невежеству привилось и в душах тех, которые никогда не были осквернены языческим суеверием, так что ересь антропоморфистов произошла от превратного толкования, и поэтому с упорным извращением настаивают, что безмерное и простое существо Божие сложилось с нашими чертами, в образе человеческом. Но кто наставлен в православных догматах, тот отвращается этого, как языческого богохульства, и таким образом достигает такой чистоты молитвы, что не представляет в уме никакого видимого изображения Божества или телесного Его очертания.

Глава 6. По каким причинам Иисус Христос кому-либо из нас является то смиренным, то славным?

По мере чистоты своей, как я сказал в прежней беседе, всякий ум в молитве своей или возвышается, или вращается в образах, именно настолько отрешается от представления земных, материальных предметов, насколько возвысилось состояние его чистоты, и это бывает причиною того, что внутренним взорам души Иисус является то смиренным, т.е. в плоти, то прославленным, во славе Своего величия. Ибо не могут видеть Иисуса, идущего в Царство Свое те, которые, находясь еще как бы в иудейской немощи, не могут говорить с апостолом: «если же и знали Христа по плоти, то ныне уже не знаем» (2Кор 5, 16). Но лишь те чистыми очами созерцают Его Божество, которые, отрешаясь от низких, земных дел и помыслов, восходят с Ним на высокую гору уединения, которая свободна от шума всех земных помыслов и смятений, удалена от примеси всех пороков, возвышена чистой верою и превосходством добродетелей, открывает славу лица Его и образ Его светлости тем, которые заслуживают видеть Его чистыми взорами души. Впрочем, является Иисус и тем, которые пребывают в городах, селах и деревнях, т.е. которые находятся в деятельной жизни и трудах, но не в такой

ясности, как являлся тем, которые могут восходить с Ним на сказанную гору добродетелей, т.е. Петру, Иакову и Иоанну. Ибо так Он явился в пустыне Моисею и Илие говорил. Господь наш, желая подтвердить это и оставить нам пример совершенной чистоты, хотя Сам, как невозмутимый источник святости, для приобретения чистоты не нуждался в отшельничестве и внешнем уединении (ибо полнота чистоты не могла очертиться какими-нибудь нечистотами толпы, не мог оскверниться общением с людьми Тот, Кто все нечистое очищает и освящает), однако удалился один на гору молиться, именно этим примером Своим научая нас, чтобы мы, если хотим молиться Богу с чистым и непорочным расположением сердца, также удалялись от всякого беспокойства и смятения толпы, чтобы, в этом теле пребывая, мы могли хоть отчасти приближаться к некоторому подобию того блаженства, которое в будущем обещается святым, и чтобы Бог для нас был «все во всем» (1Кор 15, 28).

Глава 7. В чем состоит цель и совершенство наших молитв

Тогда вполне совершится в нас молитва нашего Спасителя, которую Он за своих учеников молился Отцу, говоря: «любовь, которую Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них; да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино» (Ин 17, 26, 21), когда та совершенная любовь Божия, которой Он первый возлюбил нас (1Ин 4, 19), перейдет в расположение и нашего сердца, по исполнении этой молитвы Господней, которая, как мы уверены, никак не может остаться тщетной. Это будет тогда, когда всякая любовь, всякое желание, всякое упражнение, всякое старание, всякое помышление наше, все, что видим, что говорим, на что надеемся, будет Бог, и то единение, которое ныне существует у Отца с Сыном и у Сына с Отцом, перейдет и в наши чувства и умы, т.е. чтобы как Он любит нас искренней, чистой и

неразрушимой любовью, так и мы прилеплялись к Нему всегдашней и неразлучной любовью, именно так соединялись с Ним, чтобы все, на что надеемся, о чем помышляем, что говорим, был Бог, стремясь к вышесказанной цели, исполнения которой желает и молящийся Господь: «да будут едино, как Мы едино. Я в них, и Ты во Мне; да будут совершенны воедино. ...Отче! которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною» (Ин 17, 21, 24). Итак, вот назначение уединенного монаха, таково должно быть намерение, чтобы он удостоился еще в этом теле обрести некоторое подобие будущего блаженства, и начал в этом сосуде предвкушать начатки небесной жизни и славы. Вот, говорю, цель всего совершенства, чтобы дух, очищенный от всякой плотской нечистоты, ежедневно возвышался к небесному, пока всякая деятельность его, всякое стремление сердца сделается одной и постоянной молитвою.

Глава 8. Вопрос: как научиться всегдашнему памятованию Бога?

Герман. Удивление от прежней беседы, для которой мы пришли сюда, теперь возрастает до большого изумления. Ибо насколько от этого учения мы воспламеняемся к желанию совершенного блаженства, настолько же впадаем в отчаяние, не зная, каким бы образом мы могли усвоить столь высокое учение Поэтому просим, терпеливо позволь нам объясниться касательно того, с чего нам начать в келье заниматься долговременным размышлением. Хотя мы знаем, что твое блаженство не оскорбляется никакой глупостью слабых, которая для того и должна быть обнаружена, чтобы исправить то, что есть в ней нелепого. Итак, по нашему мнению, необходимо, чтобы во всяком искусстве или науке, начиная с самых основ, сперва преподавали легкие, слабые начатки, чтобы, воспитывая и насыщая разумным молоком, мало-помалу возвращали, и ученики таким образом, от низшего к

высшему, мало-помалу, постепенно восходили ⁴⁷. Как какой-либо отрок сможет произнести простые слоги слов, если сначала не узнает начертания букв? Или как приобретет искусство читать тот, кто неспособен еще сопрягать краткие начертания имен? Не учившийся грамматике как приобретет ораторское красноречие или философское знание? Потому я не сомневаюсь, что и в этой возвышенной науке, которая нас учит постоянно прилепляться к Богу, есть какое-нибудь основание наставления, на котором сначала утвердившись, можно было бы подняться и к самому верху совершенства. Думаем, что начало это составляет то, чтобы знать, каким размышлением удерживать Бога в памяти, или как размышлять о Боге; потом нужно знать, как этот предмет твердо сохранять, что составляет высокое совершенство. И потому мы желаем, чтобы нам указали какой-нибудь предмет для этой памяти, посредством которого мы умом восприняли бы и всегда содержали бы Бога, чтобы, держа этот предмет перед глазами, в случае уклонения от Него, мы были готовы, глядя на него, возвратиться к Богу и могли воспринять Его без всякого промедления и без трудности искания.

Глава 9. Ответ на предложенный вопрос

Исаак. Ваше столь тонкое изыскание служит знаком близкой чистоты. Ибо никто не может даже спрашивать об этом, не говоря рассуждать, кроме того, кто с прилежным и деятельным старанием и трезвой заботливостью ума глубоко исследует эти вопросы и при постоянном внимании к жизни, руководясь опытом, подступает к порогу этой чистоты и стучится в двери. Поскольку вижу, что вы, не говоря, стоите у дверей той истинной молитвы, о которой рассуждаем, но как бы руками опытности осязаете внутренности и сокровенности ее и некоторых членов уже касаетесь, то думаю, что мне не много придется потрудиться, чтобы вас, уже как бы ходящих во дворе ее, ввести и в святилище, как Господь направит, и вы

не будете замедлены никаким препятствием в рассмотрении того, что нужно показать. Ибо близок к познанию тот, кто толково понимает, что он должен исследовать, недалек от знания и тот, кто начинает понимать, чего он не знает. И потому я не опасаюсь, что подвергнусь порицанию за предательство или легкомысленность, если раскрою то, что в предыдущем трактате о совершенстве молитвы я оставил без рассмотрения; думаю, что вам, ревностно подвизающимся в этом деле, благодатью Божьей сила этого открыта и без нашего наставления.

Глава 10. Об установлении непрестанной молитвы

Итак, по тому наставлению, которое вы разумно сравнили с учением детей, которые иначе не могут понять первого урока азбуки и узнать начертание букв, не могут твердой рукою написать черты, если сперва после тщательного начертания на воске⁴⁸ некоторых отпечатков и формул, постоянно рассматривая и ежедневно подражая, не привыкнут выражать изображения их, – также и вам следует преподать формулу этого духовного учения, на которую всегда твердо устремляя свой взор, вы научились бы непрестанно повторять ее с пользою, и при употреблении ее, размышляя, вы могли бы восходить к высшим взглядам. Итак, предлагается вам такая формула желаемого вами учения и молитвы, о которой (формуле) всякий монах, стремящийся к непрестанному памятованию о Боге, должен привыкнуть постоянно размышлять в сердце, после изгнания всех разнообразных помыслов, потому что он сможет удержать ее не иначе, как отрешившись от всех телесных забот и беспокойств. Она как нам преподана немногими, оставшимися древними отцами, так и нами передается только очень редким и истинно желающим. Итак, для приобретения постоянной памяти о Боге вам предлагается такая формула благочестия: «поспеши, Боже, избавить меня, поспеши, Господи, на помощь

мне» (Пс 69, 2) Этот стишок по достоинству выбран из всего состава Св. Писания. Ибо он объемлет все расположения, какие только могут относиться к природе человеческой, и прилично прилагается ко всякому состоянию и всем случаям. Именно он заключает призывание Бога во всех опасностях, заключает смирение благочестивого исповедания, постоянное бодрствование с заботливостью и страхом, содержит сознание своей слабости, чаяние быть услышанным, надежду на настоящую и всегда присущую помощь. Ибо кто непрестанно призывает своего покровителя, тот уверен, что Он всегда присущ. (Этот стих) содержит горячность любви и расположения, содержит усмотрение наветов, страх врагов; и мы, видя себя окруженными врагами днем и ночью, сознаемся, что без помощи своего Защитника не можем избавиться от них. Этот стишок есть непреодолимая стена для всех, подвергающихся нападению демонов, непроницаемая броня и крепкий щит. Он находящимся в унынии и смущении духа или угнетаемым печалью или какими-нибудь помыслами не позволяет отчаиваться в средствах к спасению, показывая, что Тот, Кого призываешь, всегда видит нашу борьбу и присущ нашим мольбам. А когда мы имеем духовный успех и веселье сердца, то он увещевает, что не следует превозноситься счастливым состоянием, которое мы не можем удержать без покровительства Бога, когда умоляем Его не только всегда, но и скоро помочь нам.

Этот стишок всякому из нас необходим и полезен во всяком состоянии. Ибо кто всегда и во всем желает себе помощи, тот показывает, что он не только в обстоятельствах трудных и печальных, но и в счастливых и радостных одинаково нуждается в помощнике Боге, чтобы Он содействовал ему как в избавлении от тех, так и в пребывании в этих (счастливых обстоятельствах), зная, что слабость человеческая ни в том, ни в другом не устоит без Его помощи. Докучает ли мне

страсть чревобесия, требует пищи, какой нет в неводеланной пустыне, и навеваает на меня запах царских кушаний, и я чувствую невольное влечение к ним, тогда говорю: «поспеши, Боже, избавить меня, поспеши, Господи, на помощь мне». Подстрекает ли меня мысль предварить установленный час обеда или с большой скорбью сердца силюсь сохранить правильную, обычную умеренность, тогда со стенанием взываю: поспеши, Боже, избавить меня, поспеши, Господи, на помощь мне. Когда нуждаюсь в более строгом посте для укрощения плоти, а слабость желудка не позволяет мне, сухость и спазмы чрева устрашают, то чтобы придать силу своему желанию или без помощи более строгого поста охладить жар плотской похоти, мне необходимо молиться: «поспеши, Боже, избавить меня, поспеши, Господи, на помощь мне». Приступая к обеду в назначенный час, боюсь принимать хлеб, и от всякой пищи удерживает меня естественная необходимость, – надо мне с плачем взывать. поспеши, Боже, избавить меня, поспеши, Господи, на помощь мне. Когда хочу заняться чтением для утверждения сердца, а беспокоящая болезнь головы не позволяет, и в третьем часу сон склоняет лицо мое к священной книге, и я вынужден определенное для покоя время пропустить или предварить, наконец, тяжелый гнет сна заставляет меня прервать положенное по уставу богослужение и псалмопение, также надо мне вопить: «поспеши, Боже, избавить меня, поспеши, Господи, на помощь мне». Вижу, что я крайне ослабел от того, что по наваждению дьявольскому отлетел от очей моих сон и от век моих удалилось всякое отдохновение ночное, – с воздыханием тогда молюсь: «поспеши, Боже, избавить меня, поспеши, Господи, на помощь мне». Опять, когда я нахожусь в борьбе со страстями, вдруг щекотание плоти уязвляет меня и обольстительным удовольствием во время сна заставляет меня склониться к согласию, то, чтобы разгорающийся чуждый огонь не сжег благовонные цветки целомудрия, надо мне

взывать: «поспеши, Боже, избавить меня, поспеши, Господи, на помощь мне». Чувствую ли, что возбуждения похоти прекратились и жар в детородных членах моих охладел; чтобы родившаяся эта добродетель и благодать Божия дольше или постоянно пребывали во мне, с усердием говорю: «поспеши, Боже, избавить меня, поспеши, Господи, на помощь мне».

Беспокоит ли меня страсть гнева, сребролюбия, печали и принуждает меня нарушать предпринятую и любезную для меня кротость, то, чтобы возмущением гнева не увлечься в желчную раздражительность, с глубоким стенанием взываю: «поспеши, Боже, избавить меня, поспеши, Господи, на помощь мне». Искушает ли меня уныние, тщеславие, гордость и дух мой обольщается тонким помыслом о нерадивости или холодности других; то, чтобы не возобладало мною это гибельное внушение врага, со всем сокрушением сердца молюсь: «поспеши, Боже, избавить меня, поспеши, Господи, на помощь мне». Благодать ли смирения и простоты, отвергнув гордость, приобрел я постоянным сокрушением духа; то, чтобы опять не наступила на меня нога гордости, рука грешника не изгнала меня (Пс 35, 12), и не потерпеть мне большего поражения от возношения своей победою, всеми силами мне необходимо восклицать: «поспеши, Боже, избавить меня, поспеши, Господи, на помощь мне».

Возмущаюсь ли бесчисленными блужданиями души и непостоянством сердца, не могу ли удержать рассеяния помыслов и саму молитву свою не могу изливать без перерыва, без мечтаний, суетных образов, без воспоминания о словах и делах, и чувствую себя стесненным такой сухостью этой бесплодности, что не сознаю в себе никакого возникновения духовных чувств; то, чтобы мне освободиться от этой нечистоты души, от которой не могу избавиться многими стонами и вздыханиями, обязательно буду

взывать: «поспеши, Боже, избавить меня, поспеши, Господи, на помощь мне». Чувствую ли, что посещением Святого Духа я

опять владею душою, достиг постоянства помыслов, бодрости сердца с неизреченной радостью и восхищением духа, полнота духовных чувств изобилует, при внезапном озарении Господа получил ли я откровение священнейших понятий, прежде совсем скрытых от меня; то, чтобы мне удостоиться дольше пребывать в этом, заботливо и часто надо мне взывать: «поспеш, Боже, избавить меня, поспеш, Господи, на помощь мне». Тревожат ли меня ночными ужасами демоны, окружающие меня, беспокоят ли мечтаниями нечистые духи, даже надежда спасения и жизни исчезает от страшного трепета, то, прибегая к спасительной пристани этого стишка, всеми силами я буду взывать: «поспеш, Боже, избавить меня, поспеш, Господи, на помощь мне». Когда утешением Господа буду ободрен, воодушевленный Его пришествием, буду чувствовать, что как будто огражден бесчисленными тысячами ангелов, так что вдруг осмеливаюсь искать сраженья с теми, кого я прежде боялся больше смерти, и прикосновение которых, даже приближение я чувствовал с трепетом духа и тела; то, чтобы по благодати Божией дольше продлилась во мне такая стойкость, всеми силами мне надо взывать: «поспеш, Боже, избавить меня, поспеш, Господи, на помощь мне». Итак, чтобы избавиться от несчастий, а в счастье сохраниться от превозношения, молитва этого стишка должна изливаться с неослабевающим постоянством. Размышление об этом стишке постоянно должно обращаться в твоей груди. Во всяком деле или служении, или в пути не переставай воспевать его, размышляй, о нем и во время сна, и во время обеда, и в последних потребностях природы. Это размышление сердца, сделавшись для тебя как бы спасительным образцом (formula), не только сохранит тебя невредимым от всякого нападения демонов, но и, освободив от всех пороков земной нечистоты, приведет тебя к невидимому, небесному созерцанию и сообщит неизреченную и немногими испытанную горячность молитвы. Засыпай с размышлением об

этом стишке, пока через постоянное упражнение не привыкнешь воспевать его даже во сне. После пробуждения пусть он первый встречается тебе; во время бодрствования пусть он предваряет все помыслы; когда встаешь с постели, пусть он заставляет тебя преклонять колена, отсюда пусть ведет тебя на всякую работу и дело. Пусть он сопровождает тебя во всякое время; ты будешь размышлять о нем, по заповеди Законодателя (Втор 6), сидя в доме, ходя по пути, засыпая и пробуждаясь; напишешь его на пороге и дверях уст твоих; поместишь его на стенах твоего дома и во внутренних покоех твоей груди, так чтобы в тебе звучало это возвышенное пение, когда кланяешься на молитве, когда поднимаешься и когда приступаешь ко всякому необходимому употреблению жизни, пусть будет эта готовая и постоянная молитва.

Глава 11. О совершенстве молитвы, которого можно достигнуть при помощи предыдущего наставления

Эту формулу ум должен содержать непрестанно, пока, укрепившись непрерывным употреблением ее и постоянным размышлением, не отвергнет богатство и обширное имущество всех помыслов. Таким образом, стесненный нищетою этого стишка, с большей легкостью достигнет того евангельского блаженства, которое имеет первенство между другими блаженствами: «Блаженны, – сказано, – нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Мф 5, 3). Таким образом, став отличным нищим, посредством такой нищеты он исполнит и это пророческое изречение: «нищий и убогий да восхвалят имя Твое» (Пс 73, 21). И точно, чья нищета может быть больше или святее, как не того, кто, сознавая, что он не имеет никакой помощи, никаких сил, ежедневно просит помощи от чужой щедрости и, полагая, что его жизнь и существо ежеминутно поддерживается помощью Божией, справедливо признает себя нищим Господним, с покорностью ежедневно взывает к Нему: «я беден и нищ... Ты – помощь моя и избавитель мой,

Боже мой! не замедли» (Пс 39, 18). И таким образом восходя к многообразному знанию Бога при Его озарении, начинает потом насыщаться более возвышенными и сокровенными тайнами, согласно с тем, что говорится пророком: «высокие горы – сернам; каменные утесы – убежище ежам»⁴⁹.

(Пс 103, 18). Это – довольно близко к сказанной мысли; потому что всякий, пребывающий в простоте и невинности, никому не бывает вреден или неприятен, но, довольствуясь своей простотою, только желает предохранять себя от врагов, не стать их добычею; как бы сделавшись духовным ежом, он постоянно защищается покровом евангельского камня (Иисуса Христа) (1Кор 10, 4; Пс 136, 9), т.е. будучи огражден памятью о страданиях Господа и постоянным размышлением о вышесказанном стишке, избавляется от наветов нападающего врага. Об этих духовных ежах и в книге Притчей говорится: «ежи⁵⁰. – народ слабый – жилища свои сделали в скалах» (Притч 30, 26). И точно, что слабее христианина? Что неможнее монаха⁵¹, которому не только не предоставляется никакого мщения за обиды, но не позволено даже легкое молчаливое возмущение внутри? А всякий, преуспевающий в этом состоянии, не только приобретает простоту безвредности, но и, огражденный силою рассудительности, становится истребителем ядовитых змей, имея сокрушенного сатану под своими ногами, и по образу разумного оленя, быстротою духа восходит и пасется на пророческих и апостольских горах, т.е. возвышенных и превосходных тайнах их. Напитанный их пищею постоянной, воспринимая все чувствования псалмов, он начинает воспевать их не как составленные пророком, а как им самим сочиненные, как собственную молитву выражает их с глубоким сокрушением сердца, или, по крайней мере, считает их относящимися к нему и сознает, что изречения их не только исполнились через пророка или на пророке, но над ним ежедневно исполняются. Ибо тогда Божественные Писания для нас становятся яснее, как бы жилы и мозги их

открываются, когда опытность наша не только приобретает, но и предваряет понимание их, и смысл слов раскрывается нам не через изъяснение, а через дела. Ибо, воспринимая то же расположение сердца, с каким воспет или написан псалом, становясь как бы сочинителями его, мы больше предваряем понимание его, нежели последуем. Постигая сперва силу слов, нежели знание, размышляя о них, мы некоторым образом припоминаем, что в нас произошло или происходит ежедневно, что породило в нас нашу нерадивость, или приобрело усердие, или доставило божественное провидение, или обольстило внушение врага, или похитило легкое, тонкое забвение, или причинила человеческая слабость, или ввело в обман тупое незнание; воспевая псалмы, мы это вспоминаем. Ибо мы находим все эти выраженные в псалмах состояния. Поэтому, ясно рассматривая как в чистом зеркале все, что произошло с нами, более действенно познаем, и таким образом научившись у действий, мы не как услышанное, а как совершенное нами, осязательно понимаем, не как усвоенное памятью, а как впечатанное в саму природу вещей, порождаем из внутреннего расположения сердца, так что проницаем смысл их не по чтению, а по предшествующему опыту. И таким образом дух наш достигает той чистоты молитвы, о которой сказано в предыдущем собеседовании, и которая не только не занимается видением какого-либо образа, но и не развлекается никаким голосом, никаким произношением слов, при горячем напряжении ума, при неизреченном восторге сердца, с непобедимой живостью духа возносится; и эту молитвенную чистоту дух, ставши вне всех чувств и видимых вещей, изливает Богу неизъяснимыми стонами и воздыханиями.

Глава 12. Вопрос: как помыслы удержать от рассеяния?

Герман. Мы думаем, что нам не только преподано это духовное учение, которого мы просили, но ясно и приятно

высказано и само совершенство его. Ибо что может быть совершеннее и возвышеннее, как содержать в памяти Бог а таким кратким размышлением, повторением одного стиха выйти из пределов всего видимого и некоторым образом заключить в краткой речи чувства всех молитв? И потому остается одно, что просим изъяснить нам, каким образом мы могли бы постоянно содержать тот, преподанный нам вместо формулы (правила) стихок (т.е. «поспеши, Боже, избавить меня, поспеши»), так чтобы по благодати Божией нам освободиться от суетных мирских помыслов и постоянно удерживать духовные?

Глава 13. Об изменяемости помыслов

Ибо ум наш, поняв заглавие какого-либо псалма, незаметно отвлекаясь от него, без сознания, как бы в исступлении, переходит к другому тексту Св. Писания. А когда начнет сам в себе размышлять о нем, еще не обозрит его всецело, как приходит на память другое свидетельство, а от этого еще переносится размышлением к следующему, и таким образом дух, всегда, переходя от псалма к псалму, от евангельского текста к апостольскому чтению, от этого к пророческим словам, а отсюда к каким-нибудь священным историям, переносится по всему составу Св. Писания, как непостоянный, как бы блуждающий; ничего не может по своей воле отвергнуть или удержать, полно что-нибудь обсудить, исследовать, только, так сказать, осязает и пробует духовные чувства, а породить, приобрести что-либо не может. Таким образом, дух, колеблясь и блуждая, даже и во время богослужения, как пьяный, развлекается разными предметами, никакой обязанности не исполнит, как должно; например, когда молится, то вспоминает псалом или что-либо другое прочитанное; когда поет, то размышляет о чем-нибудь другом, нежели что содержит текст самого псалма; когда читает, то думает, что то-то надо сделать, или вспоминает о

сделанном, и, таким образом, ничего правильно и благо- временно не принимает и не удаляет от себя, водится как бы случайными впечатлениями, не имеет власти удержать то, чем услаждается, или останавливаться на том. Следовательно, нам необходимо прежде всего знать, как мы могли бы надлежащим образом исполнять эти духовные обязанности или, по крайней мере, этот стишок, который ты преподал нам вместо правила, неизменно сохранять, так чтобы возникновение и конец всех чувствований не волновались в своем круговращении, а состояли в нашей власти.

Глава 14. Ответ: как может быть приобретена неразвлеканность сердца или помыслов

Исаак. Хотя прежде, когда мы рассуждали о состоянии молитвы, думаю, достаточно сказано об этом предмете, однако поскольку просите повторить вам то же самое, я коротко скажу об утверждении сердца. Три средства делают рассеивающийся ум постоянным: бдение, размышление и молитва⁵². Непрестанное упражнение в них и непрерывное внимание доставляют душе постоянную твердость, которая, впрочем, не может быть приобретена иначе, как посредством непрерывного, неутомимого занятия делом, совершаемым не по сребролюбию, а в пользу киновии; заранее будут совершенно отвергнуты все заботы и попечения настоящей жизни, чтобы таким образом мы могли исполнить апостольскую заповедь: «непрестанно молитесь» (1Сол 5, 17)⁵³. Ибо весьма мало молится тот, кто привык молиться только в то время, когда преклоняет колена; но никогда не молится тот, кто даже, преклоняя колена, развлекается блужданием сердца где-либо. И потому, какими хотим быть во время молитвы, такими должны быть и до начала молитвы. Ибо дух наш во время своей молитвы обязательно получает настроение от предшествующего состояния и, молясь, возносится к небесному или погружается

в земное теми же помыслами, какими занимался перед молитвою. Авва Исаак до этого места довел второе собеседование с нами о качестве молитвы. Очень удивляясь его учению касательно размышления о вышесказанном стихе («поспеши, Боже, избавить меня, поспеши, Господи, на помощь мне»), держаться которого он предал новоначальным как бы для образования, и желая твердо усвоить, мы думали, что оно, как сокращенное, легко; но испытали, что оно труднее для соблюдения, нежели то наше старание, с которым мы обыкновенно разным размышлением пробегали по всему составу Св. Писания без всякого постоянства (т.е. пристально не останавливаясь ни на чем). Итак, видно, что никто не исключается от совершенства сердца по неграмотности, необразованность не препятствует приобретению чистоты сердца и души, которая (чистота) удобно достается всем, если только постоянными размышлением об этом стихе («поспеши, Боже, избавить меня, поспеши...») сохранять здоровое и непорочное расположение духа к Богу.

* * *

47

Короче и яснее можно сказать так по мнению всех, во всяком искусстве и науке от первых начал, от легких познаний нужно переходить к высоким и труднейшим.

48

В древности, когда еще не было нынешней бумаги для письма, писали металлической, костяной или деревянной палочкой на дощечках, покрытых воском, на пальмовых листьях, на тонкой древесной коре, на папирусе (у египтян), на тонкой коже – пергаменте, изобретенном сначала в городе Пергаме, общественные записи делали на свинцовых листах, а частные писания писали на полотняных свертках.

в русском переводе – «зайцам»

в русском – «горные мыши»

Здесь монах сравнивается с ежом во-первых, по безвредности и простоте, во-вторых, по причине осторожности и смысленности, по которой он в случае опасности тотчас уходит в нору или щели скалы, свертывается в клубок, поднимает свою острую щетину и, покрытый ею как иглами, делается неприкосновенным и безопасным, а также по причине малости или униженного состояния.

Рассеяние помыслов бывает иногда от слабости человеческой, иногда – от нерадения, иногда – по нашей вине, когда произвольно вдаемся в излишние развлечения, а часто, особенно во время молитвы, и демоны сеют в нас разные помыслы – сначала благовидные, полезные. Если примем их, то за полезными – придурь и бесполезные, если и эти произвольно примем, то в наказание за свою вину будем оставлены, и поневоле увлечемся помыслами совершенно вредными. Потому и нужно бдеть за помыслами, не позволять им попусту рассеиваться по разным предметам и во всякое время, а особенно во время молитвы, нельзя принимать и те помыслы, которые сами по себе хоть хороши и в другое время пригодны, но во время молитвы не полезны, потому что отвлекают от главного предмета молитвы. Чтобы молитва была неразвлекаема, благоуспешна, следует заранее готовиться к ней размышлением о нужнейших божественных предметах или о предметах молитвы, с устранением всех суетных помыслов. Частое размышление с

принуждением себя к сосредоточению своих мыслей на одном спасительном предмете со временем облегчит этот труд, который сперва для не приучившихся к нему бывает весьма тяжел. Но как мы по своей немощи, одними своими силами не можем и этого достигнуть и ничего доброго сделать, то надо молиться Богу, чтобы помог суетные помыслы прогнать, сохранить неразвлекаемое внимание во время молитвы и дать чувства умиления.

53

Как понимать заповедь апостола о непрестанной молитве? Слабость человеческая не может вынести подвига – постоянно, без перерыва молиться, нужно время на подкрепление себя пищею, отдыхом, сном и на исполнение разных обязанностей. Апостол внушает, что необходимо молиться не только по временам, например в праздники, а ежедневно, не в известные только часы, а при всяком случае, при всяком деле, когда только нуждаемся в каком-либо благе духовном или вещественном, или в помощи Божией для какого-либо дела, днем и ночью. У апостола та же мысль заключается, что и в наставлении Спасителя «должно всегда молиться и не унывать» (Лк 18, 1), т.е. надо молиться постоянно, неотступно, настойчиво, не следует унывать, отчаиваться и оставлять молитву, если не скоро получаем то, чего просим, а постоянно более и более нужно усиливать молитву, настойчивее просить, пока Бог не подаст нам просимое хотя бы за неотступность нашу, если только это полезно будет нам. Подобные мысли выражаются и в следующих словах: «бодрствуйте на всякое время и молитесь» (Лк 21, 36). «Благословлю Господа во всякое время; хвала Ему непрестанно в устах моих» (Пс 33, 2).

Источник: Писания : Перевод с латинского / Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин; [Авт. предисл. епископ Петр]. -

Репринт. изд. - Сергиев Посад : Свято-Троиц. Сергиева лавра : РФМ, 1993. - VI, 652 с. / Преподобного отца Иоанна Кассиана пресвитера на 10 собеседований отцев, пребывавших в скитской пустыне, к епископу Леонтию и Елладию посланных. 167-365 с.

{{_LINK1_}}